АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Юрий Бегунов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Юрий Бегунов

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

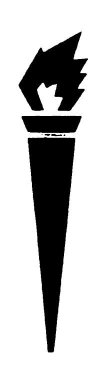
ЖЗЛ

Жизнь ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1041
(841)

Юрий Бегунов

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ СВЯТОГО И БЛАГОВЕРНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2003

УДК [947+957]«13»(092)
ББК 63.3(2)43
Б 37

ISBN 5-235-02549-0

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

За последние десятилетия в нашей стране увидело свет немало книг, посвященных великому князю Александру Ярославичу Невскому. В том числе и в молодогвардейской серии «Жизнь замечательных людей», где еще в 70-е годы прошлого столетия была опубликована одна из лучших биографий великого князя, принадлежащая перу замечательного исследователя средневековой Руси Владимира Терентьевича Пашуто. Но и до, и после книги Пашуто историки, писатели, публицисты вновь и вновь обращались к личности Александра Невского и к проводимой им политике, пытаясь найти в ней ответы на многие вопросы, актуальные для нашей страны и по сей день. И это закономерно, ибо великий князь Александр Ярославич, вне всяких сомнений, одна из ключевых фигур нашей истории, а время его правления зримо отделяет историю древней, домонгольской Руси от истории Руси Московской. И очень многие черты политической жизни нашего государства, многие особенности политики московских великих князей, а затем и царей были заложены именно в княжение их великого предка.

Казалось бы, об Александре Невском написано всё. Историкам и биографам остается спорить лишь об отдельных нюансах в его биографии, о том или ином освещении давно установленных фактов, извлеченных из давно опубликованных и подвергнутых тщательному изучению источников — летописей, житий, княжеских договоров, западноевропейских хроник, записок иностранных дипломатов и путешественников. Но вот перед нами книга, в которой многие известные факты изложены по-новому, а иные из них и вовсе неизвестны исследователям жизни Александра Невского и Руси его времени. Автор книги, предлагаемой вниманию читателя, — известный петербургский ученый Юрий Констан-

тинович Бегунов, действительный член нескольких академий наук — Петровской, Международной Славянской и Русской, профессор политологии, доктор филологических наук России и Болгарии, почетный доктор Великотырновского университета имени святых Кирилла и Мефодия, член Русского Исторического общества и Ассоциации болгаристов СНГ. Его имя прекрасно известно специалистам по истории древнерусской литературы; сюжетами, связанными с именем Александра Невского, автор занимается вот уже более полувека, а его монография, основанная на кандидатской диссертации, — «"Слово о погибели Рускыя земли" — памятник русской литературы XIII века» (1965), — в которой исследована рукописная традиция Жития святого Александра Невского и реконструирован первоначальный текст этого выдающегося памятника русской агиографии, до сих пор служит основой для большинства исследований как самого произведения, так и обстоятельств жизни его главного героя — святого и благоверного великого князя Александра Ярославича. В дальнейшем Ю. К. Бегунов опубликовал несколько десятков статей, посвященных Житию Александра Невского, биографии князя, его изображению в русской литературе и искусстве XIII—XIX веков*. При его участии были организованы и проведены конференции, посвященные Александру Невскому, — международная, проходившая в Санкт-Петербурге и приуроченная к 750-летию Невской битвы и Году Александра Невского (1990), и научно-практические, состоявшиеся в городе Колпине (1989, 1994, 1999).

В отличие от прежних биографов Александра Невского, автор книги сумел привлечь многие новые источники, остающиеся до сих пор вне поля зрения историков. В первую очередь, это различные редакции Жития святого и благоверного великого князя Александра Ярославича, которые составлялись на протяжении XIII—XVIII веков (по данным автора, их число перевалило за 20); церковная Служба святому князю в редакциях XVI—XVII веков; написанное в XVI веке «Исповедание веры святого Александра Невского»; «Ростовский летописец» А. Я. Артынова (XIX век). При описании монголо-татарского нашествия на Русь и мер, принятых Александром Невским для отведения угрозы от Новгорода, автор привлек практически неизвестный даже специалистам так называемый «Свод булгарских летописей» (XVII век), сохранивший в том числе и летопись знаменитого татарского (точнее, булгарского) полководца XIII века Гази-Бараджа

* См. библиографию в конце книги.

Бурундая, одного из самых заметных участников похода татар на Русь и последующего утверждения власти Орды над Русью.

Издатели книги, несомненно, отдают себе отчет в том, что эти памятники имеют позднее — как правило, даже очень позднее — происхождение, а потому степень их достоверности не может не вызывать серьезных сомнений. Наверное, кое-кто из специалистов, исследователей Древней Руси, с пренебрежением отнесется к подобным источникам, напрочь отвергнув их показания. Однако едва ли такой подход можно признать правильным. Во всяком случае, нам показалось, что читателю будет полезно и небезынтересно познакомиться с новой, насыщенной новыми, зачастую неожиданными фактами биографией одного из крупнейших деятелей средневековой России.

В заключение скажем особо о структуре книги. Значительную ее часть составляют документальные приложения — тексты двух редакций Жития святого Александра Невского, церковной Службы и другие материалы. Мы уже говорили о том, что автор книги, проф. Ю. К. Бегунов, известен прежде всего как исследователь агиографических сочинений, посвященных святому князю. А потому собранные им материалы представляют немалый интерес и немалую — в том числе и чисто научную — ценность. Все переводы древнерусских памятников на современный русский язык выполнены Ю. К. Бегуновым.

Не в силе Бог, а в правде!
Св. Александр Невский

ВЫБОР АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Александр Невский — ключевая фигура русской истории: победитель шведских и немецких рыцарей, остановивший крестовый поход на Русь, строитель Русского национального государства с городом Владимиром как центром, оберегатель Русской вольницы — Новгорода Великого и Пскова, заступник Русского народа от ордынских нашествий, создатель династии московских великих князей и т. п.

Про таких говорят: герой с тысячью лиц, человек многих достоинств и добродетелей, отмеченный Богом. Неудивительно, что Русская Православная Церковь причислила его к лику святых: вначале — местно в Рождественском монастыре во Владимире, где он был похоронен как схимник Алексий (1263), с написанием в его честь благочестивого Жития (1280-е годы); затем — также местно — с открытием мощей святым митрополитом Киприаном (1381), с написанием «Чуда о Доньской победе», еще позже — соборно — с общерусской канонизацией в Москве в 1547 году, с написанием владимирскими иноками «Слова похвального благоверному великому князю Александру, иже Невский именуется, новому чюдотворцу, в нем же и о чюдесех его споведася».

В дальнейшем, на протяжении веков, святого князя Александра Невского прославляли как «Второго Константина» и «Нового Владимира»; ему посвящали храмы, изографы писали иконы. Из-под пера древних книжников явился идеальный образ князя-святого, сына благочестивых и благородных родителей, потомков Владимира Мономаха.

Вся короткая многострадальная жизнь князя Александра — всего 43 года! — пример беззаветного служения Отечеству. С его именем связана Русская идея мира, свободы и справедливости. Говорят, что героями становятся по воле

Божьей. Святой Александр Невский и был таким героем, у которого нельзя отделить героическое от человеческого, ангельское подобие от человеческого служения миру, небесное от земного, вечное от временного.

Историки, с легкой руки Г. В. Вернадского, говорят о двух подвигах Невского: во-первых, о подвиге земном, воинском, так как князь и его сподвижники спасли Русскую землю от иноземного порабощения, и, во-вторых, о подвиге духовном, так как земной воитель, ведомый Святой Софией и Святой Троицей, отстоял родную землю, народ и веру православную: не согласился на унию с Римской католической церковью, стойко защищал христиан от «поганых», установивших жесточайшее иго на Руси.

В тяжелейших условиях двойного натиска — с Запада и с Востока — произошел его *Выбор*. Это был княжеский *Выбор*, к которому он готовился постепенно, всем житием своим, всем княжеским и бескорыстным служением Руси: в Новгороде (первое посажение наместником в восемь лет на Новгородском столе; он новгородский князь постоянно с 1236 года), в Переяславле-Залесском (с 1237 года), в Киеве (1249—1250), во Владимире и Суздале (1252—1263). Княжеское печалование о Земле и Роде было главным содержанием его служения. Княжеским печалованием были и пять его поездок в Орду и в Империю монголов.

Там, на чужбине, искусно лавируя между различными группировками ханов и беков, он мог пить кумыс с ханами Бату, Мункэ, Сартаком, Улагчи, Берке и другими, мог исполнять обряд прохождения между двух огней, мог кланяться изображению хана, но при всем том оставался православным, русским, преданным Роду Рюриковичей и Русской земле, заботящимся о спасении людей, не щадящим «живота своего». Потому летописец храма Святой Софии — Премудрости Божией записал в свою летопись по поводу кончины святого князя Александра следующее: «Дай, Господи милостивый, видети ему лице Твое в будущей век, иже потрудися за Новъгород и за всю Русьскую землю!»

Беспросветна и темна жизнь народа без своего заступника и спасителя, на которого он уповал в трудный час и к кому он возносил мольбу о помощи. Святой князь Александр и был таким заступником, твердо опиравшимся на свой *Выбор*. А *Выбор* этот покоился на нравственности народного вождя, глубоко ощущавшего необходимость строжайшей ответственности перед народом.

Когда он в последний раз приезжал в Сарай-Берке осенью 1262 года, чтобы отмолить русских людей от беды, от

монгольской рекрутчины, то «удержа его Берке, не пустя в Русь». И пришлось князю Александру мыкаться по зимовьям, давая время от времени богатые дары хану, багатурам и бекам. «И зимова в Татарех и разболеся», пишет летописец. Больного князя хан Берке отпустил домой. Только не доехал князь до дома: умер в Фёдоровском монастыре в Городце на Волге 14 ноября 1263 года, приняв перед смертью великий постриг — схиму — под именем Алексия.

Когда во Владимире-на-Клязьме узнали об этом, то горю людей не было предела. «Митрополит же Кирил, — пишет автор Жития Александра Невского, — глаголаше: "Чада моя, разумейте, яко уже заиде солнце земли Сужьдальской! Уже бо не обрящется таковой князь ни един в земли Сужьдальстей!" Иереи и диаконы, черноризцы, нищии и богатии, и вси людие глаголаху: "Уже погыбаем!"» Так кончина святого князя Александра воспринималась всеми как погибель Русской земли, как крушение надежды на обретение сильной государственности на Руси и как упадок этногосударственной Идеи Руси. Это происходило потому, что в самосознании Русского народа изначально жила мечта о светлосветлой и Святой Руси и о светлом житии русичей, свободных и счастливых. Праведный вождь — заступник спасает по воле Божественного Провидения, думали они, и потому надеялись на своего святого князя Александра, сильного и славного своим *Выбором*.

Его почитали и как заступника, и как идеального князя, и как небесного покровителя, и как представителя «доблего корени благородных Российских самодержцев», и как основателя династии Московских великих князей и царей, и, самое главное, как основоположника альтернативной политики Московского государства XIV—XVII веков, сущность которой состояла в следующем: меч — Западу, мир — Востоку. Это была сущность *ВЫБОРА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО*, и одновременно земное продолжение его *Выбора*. Последствия этого *Выбора* ощущались и в последующие века и даже доднесь.

Святой Князь Александр Невский всей своей праведной жизнью завещал своим потомкам и прежде всего младшему сыну Даниилу, свою политику, свой *Выбор*, который был воплощен в жизни и делах великих князей из дома Ивана Калиты. Этот *Выбор* привел Русь на поле Куликово (1380) и затем к стоянию на реке Угре (1480), после чего пало ненавистное татаро-монгольское иго.

В XVII веке при царях из дома Романовых, когда наступил расцвет Российского абсолютизма, святой благоверный

великий князь Александр Невский стал по праву символом и эмблемой национальной государственности, воплощением Русской Национальной Идеи.

С гением Петра Первого корабль Российской государственности вошел в международные воды. Многое переменилось в стране, ставшей на путь европеизации. Однако «Идея Александра Невского» была воспринята из прошлого, укрупнена, модернизирована так, чтобы долговременно служить Российской империи в качестве государственной эмблемы и символа, надежды на спасение.

Все это было следствием *Выбора* Александра Невского, сделанного им самим при жизни.

Подражая своему сроднику, святому Александру Невскому, Петр Великий вел двадцатилетнюю Северную войну со шведами за обладание балтийскими берегами, бассейнами Невы и Ладоги, бывшими старыми вотчинами Новгородскими, — и победил! На отвоеванных землях в устье Невы он основал город Санкт-Питербурх и назвал его так в честь своего небесного покровителя первоверховного святого апостола Петра. На укрепление града была основана и святая обитель — Троицкий Александро-Невский монастырь у впадения Черной речки в Неву (1710). Тогда же Петр Первый решил перенести мощи святого князя из Владимира в Петербург. И это совершилось 30 августа 1724 года, в третью годовщину Ништадтского мира со Швецией. Эти мощи были поставлены в новоосвященной церкви Святого Александра Невского, находившейся наверху Благовещенского храма упомянутой обители. С тех пор святой Александр Невский стал третьим после апостолов Петра и Павла святым покровителем города. День 30 августа (12 сентября по новому стилю) был объявлен днем его церковного поминовения и пышного государственного празднования, проводившегося с тех пор ежегодно до 1916 года включительно. Сподвижник царя Петра, обер-иеромонах флота и придворный проповедник Гавриил Бужинский написал специальные Житие и Службу святому князю Александру, изданные вскоре большими тиражами. Было также запрещено писать в старой манере иконное изображение святого: только в воинской и великокняжеской одежде с атрибутами верховной власти, а не в монашеском куколе. Это означало дальнейшую секуляризацию образа идеального героя и его приближение к светской политической истории, так как именно «по нем же подражатель Вторы Невский и Мореваряжски Александр — Петр Великий, Всероссийский Император, вседостойнейшую жизнь свою победительною рукою отече-

ственныя грады от свеев возвратил, к тому ж многия грады под державу покорил»...

Императрица Екатерина I по завету Петра учредила в 1725 году орден Святого Александра Невского, которым награждались видные военные и гражданские сановники государства за труды на благо России.

Увековечивание памяти Невского героя видно во всем в нашей Северной Пальмире: в монументальных постройках Александро-Невской лавры, и в названиях улиц и площадей, и в названиях церквей, и в «Невской першпективе», соединившей Лавру с Адмиралтейством. Последняя символизирует вечность и неразрывность славных государственных деяний Александра Невского и его продолжателя Петра Великого, прорубившего здесь окно в Европу и твердо ставшего при море. В этой метаморфозе через века чудесно претворился *Выбор Александра Невского.*

Но в чем же тогда, в XIII веке, состоял этот чудесный *Выбор*?

Окинем мысленным взором исторический путь России за две цивилизации до Александра Невского. Это были Первая, Восточно-славянская, языческая, и Вторая, христианская, цивилизация Киевской Руси. Оценим их как Европейский Выбор, так как предки восточных славян, образовавшие зарубинецкую и отчасти черняховскую археологические культуры на Днепре, Десне, Припяти, Южном Буге, Днестре и других реках южной Руси, — европейцы. Это русичи, гордые предки русского, украинского и белорусского народов. На грани старой и новой эры они пришли на Восточно-Европейскую равнину (запад и юг современной Украины) с Карпат, с Вислы и образовали свои земледельческие родоплеменные общины (так называемые верви). Возникли первые посады с кремлем посредине города. Так начиналась Русь — страна городов, Гардарики, как прозвали ее впоследствии норманны. Так возникла Первая восточно-славянская земледельческо-торгово-ремесленная цивилизация высокоодаренных тружеников и умельцев, обладавших ведическим знанием. Начатки восточно-славянской государственности связаны с двумя формами: во-первых, с народно-вечевой республикой (в Новгороде и Пскове), во-вторых, с княжеским старейшинством, перераставшим в феодальное княжение, опиравшимся на городскую общину (князь Бож у антов, IV век; князь Кий и его потомки в Киеве, с V века), и, в-третьих, с феодальной княжеской авторитарной властью, опиравшейся на право и на дружину (с 862 года в Новгороде и с 882 года в Киеве — Рюриковичи).

Во Второй восточно-славянской цивилизации, цивилизации Киевской Руси (882—1240) — после расцвета и мощного взлета государственности и культуры при Крестителе Руси равноапостольном святом князе Владимире I Святославиче и при его сыне великом князе Ярославе Мудром — начался (особенно интенсивно после 1132 года) распад единого государства на удельные княжества.

Тогда же на Северо-Востоке Руси, в междуречье Волги и Оки, стараниями младшего сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого (годы жизни ок. 1095—1157) образовалось сильное Владимиро-Суздальское княжество, где наметились тенденции к экономическому и культурному процветанию. Политический центр Руси переместился в середине XII века во Владимир, Суздаль и Ростов. При сыне Юрия Долгорукого великом князе Владимирском Андрее Боголюбском (годы княжения 1157—1174) изменилась структура княжеской власти по сравнению с властью киевской. Полностью порвав связи с общиной и вечем, она стала исключительно авторитарной, предтечей московского единодержавия. Появились первые служилые дворяне из дружинников и бояре великого князя Владимирского, подчинявшиеся только своему господину, причем местное боярство трех главных княжеских городов соперничало между собой. Эта же тенденция усилилась и развилась при великом князе Владимирском Всеволоде III Юрьевиче Большое Гнездо (годы княжения 1176—1212) и при его сыновьях, среди которых был и князь Переяславский Ярослав, отец Александра Невского.

При том удельные княжества Киевской Руси продолжали свое политическое развитие в состоянии экономического и культурного расцвета и оставались в рамках старого *Европейского Выбора пути*, изначального для всего восточного славянства. Международные европейские связи династии князей Рюриковичей в то время были весьма интенсивными и подтверждали их *Выбор*. До татаро-монгольского нашествия торговля Руси с Западом процветала, при сохранении также и торговли с Востоком, пережившей подъем после уничтожения Хазарского каганата (966 год). Русь того времени значительно превосходила по своему богатству многие народы Европы. О «золоте Руси» слагались легенды (во французском эпосе, например). Тюркские кочевники азиатских и южнорусских степей и крестоносная агрессия (XI — начала XIII века) нанесли удары по левантийской торговле Руси с Востоком, что поневоле упрочило *Европейский Выбор* властителей Руси.

Когда князь Александр Ярославич начинал свой путь княжеского служения Руси в Новгороде и Переяславле-Залесском, то он вел себя в Новгороде как авторитарный князь, не соблюдавший ни общинных принципов, ни установлений «Русской правды» Ярослава Мудрого (1016). Эта авторитарность упрочилась, когда он стал полновластным великим князем Владимирским и Суздальским в 1252 году. И им был принят *новый Азиатский Выбор* Руси после побед на Неве и на Чудском озере, после первого путешествия с дипломатической целью в Орду (1246—1247).

Этот *Выбор* проявился в 1252 году, когда римский папа Иннокентий IV послал князю Александру Ярославичу во Владимир из Лиона двух своих кардиналов с предложением присоединиться вместе со своим народом к Римской Апостолической церкви и вместе с братьями Тевтонского ордена сражаться с татаро-монголами.

Святой князь Александр гордо отверг это предложение. «Здумав с мудреци своими, всъписа к нему и рече: “От Адама до потопа, от потопа до разделения язык... от первого собора до седмаго — сии вся добре съведаем, а от вас учения не приемлем”», — говорится в Житии Александра Невского.

В поздних редакциях Жития сохранилось и «Исповедание веры святого князя Александра», начинающееся словами: «Вера наша се есть — Отец, Сын и Святой Дух, Троица во единстве и единство в Троице...»

Вера в заступничество Святой Троицы красной нитью проходит через всю жизнь святого Александра Невского. Помощь Святой Софии и Святой Троицы предопределила победы Александра над врагами Руси — людьми веры Римской и веры «поганьской», то есть языческой. Заступничество Святого Духа предопределило благополучие его княжения и державы Русской, православной, стоявшей на пороге новой цивилизации — Третьей, Московской. Эта цивилизация пошла по пути *нового Выбора.*

Этот новый Выбор Азиатского пути был, с одной стороны, вынужденным: другого не оставалось, так как Русь не могла тогда воевать с татаро-монголами. С другой стороны, этот *Выбор* был целиком осознанным как временный, мучительный, но обоснованный и в конечном итоге благотворный. Тогда святой князь Александр проявил себя как прозорливый практик-концептуалист. Строя Русскую государственность на Северо-Востоке Руси с центром во Владимире, а позднее — в Москве, великие князья неуклонно копили силы Руси, набирались опыта медленной, но неуклонной борьбы с азиатскими поработителями.

Так Александр Невский стал предтечей и основоположником внутренней и внешней политики московских великих князей, которая привела Русь на поле Куликово. Все это было результатом *нового Выбора*, соответствующего Русской Идее справедливого и счастливого царства светло-светлой и Святой Руси. На дрожжах этого *Выбора* вырастает единение великокняжеской, а потом и царской власти с народом. Создается идеальный прототип Народной социальной монархии, который, однако, не выдержал испытания временем и сошел на нет в XVII веке, в канун появления на авансцене политической борьбы реформатора России Петра Великого. Последний сменил *Азиатский Выбор на Европейский.*

Эта перемена не прошла бесследно, она чувствуется и сегодня, «после Империи».

Английский историк Джон Феннел в монографии «Кризис Средневековой Руси. 1200—1304» поставил следующие вопросы по существу жизни и деятельности Александра Невского:

«Какие выводы можно сделать из всего того, что мы знаем об Александре, его жизни и правлении? Был ли он великим героем, защитником русских границ от западной агрессии? Спас ли он Русь от тевтонских рыцарей и шведских завоевателей? Стоял ли он непоколебимо на страже интересов православия против посягательств папства? Спасла ли проводимая им политика уступок Северную Русь от полного разорения татарами? Диктовалось ли его самоуничижение, даже унижения перед татарами в Золотой Орде самоотверженным стремлением к спасению Отчизны и обеспечению ее устойчивого будущего?»

И сам себе он отвечает: «Мы, конечно, никогда не узнаем истинных ответов на эти вопросы».

«Нет, узнаем!» — отвечаем мы, соотечественники великого князя. Частично мы уже дали ответы и сможем дать их и на другие вопросы еще не написанной энциклопедической «Истории святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского».

Казалось бы, что исторические события в России и бурный XX век отнюдь не способствовали одухотворению «Идеи Александра Невского» и осознанию справедливости его вынужденного *Выбора*. Забвение исторической памяти тогда и сейчас было следствием бездуховного отношения к наследию предков, случившегося из-за великого предательства по отношению к России. Лишь незадолго до начала Великой Отечественной войны о нем вспомнили как о великом русском полководце. Все началось с патриотического

фильма Эйзенштейна «Александр Невский», с вдохновенной кантаты Прокофьева, с взволнованной поэмы Симонова, с триптиха художника Корина «Русь уходящая», с романа Югова «Ратоборцы».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года был учрежден боевой орден Александра Невского, которым в Великую Отечественную войну было награждено 41 685 офицеров Советской армии за личную отвагу, мужество и храбрость, умелое командование. Только в 1990 году 400 кавалеров ордена, приехавшие летом в Ленинград на празднование 750-летия Невской битвы, учредили клуб ордена Александра Невского при Совете ветеранов Ленинграда.

Не это ли залог бессмертия Невского героя?

Историческая функция «Идеи Александра Невского» сегодня — объединить все здоровые силы нации ради Возрождения России. Нам сегодня нужны Александры Невские, с мечом и в броне, то есть такие, каким при жизни был сам святой князь, бескорыстный заступник народа от бездуховности и нигилизма, возводимых порой в принцип государственной политики.

Возродится русская история — возродится и город на Неве, а вместе с ним и Москва, и Новгород, и Владимир, и Нижний Новгород, и другие наши города только вместе с Россией, вобравшей в себя великое достояние всех живших на этой земле русичей. Сегодня историческая память немыслима без святого Александра Невского, его Идеи, его *Выбора*! Нет, не погибнут страна и народ, если в нас осталась хотя бы одна животворная частица его вечной памяти. Мы все пойдем за тобой, святой и благоверный великий князь наш Александр Невский, надежда духовного Возрождения России и ее прадедовой славы!

Радуйся, безопасности всея Северныя земли Российския охранителю! Радуйся, общего мира во днех своих устроителю! Радуйся, Петрова града благонадежное утверждение! Радуйся, Северныя столицы неоцененное украшение!

ПЕРЕЯСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ. ДЕТСТВО

Князь Александр родился в городе Переяславле-Залесском 30 мая 1220 года. Он стал вторым ребенком в семье князя Ярослава Всеволодовича. Первым был Федор, родившийся в 1219 году, — сподвижник детских игр Невского героя.

Родина Александра Невского — город Переяславль-Залесский — расположен на равнине, полого спускающейся к озеру Плещеево, или Клещино, при впадении в озеро реки Трубеж. На Ярилиной плеши, где некогда стоял древний город Клещин, великий князь Юрий Долгорукий в 1152 году основал город Переяславль в подражание Переяславлю Южному (основанному в 993 году Владимиром Святым), который «переял», то есть «отнял» славу у других русских городов благодаря подвигу Яна Ушмовича, или Усмошвеца (кожемяки). Имя города, как победный клич, переходит с юга на север по мере продвижения на север русичей; название реки — «Трубеж» — тоже повторяет соответствующее южнорусское название. В 1157 году был построен четырехугольный Спасо-Преображенский собор с тяжелой главой на тонком барабане. Святой великий князь Андрей Боголюбский учредил при храме богатую библиотеку священных и четьих книг. К собору примыкал княжеский дворец, в котором родился и некоторое время жил князь Александр Ярославич. Впоследствии, в 1247 году, он со своими родителями переехал в новопостроенный княжеский терем на Александровой горе.

Древний Переяславль в каком-то смысле можно назвать типичным мысовым городищем. С севера, прямо за валом, протекала река Трубеж. С юга и запада город огибал искусственный ров, называемый Гребля. Он соединялся с естественным водным рубежом. Здесь были построены деревянные стены, окружающие «детинец» — переяславскую крепость. Переяславль был городом-крепостью на западе большого княжества — Владимиро-Суздальского. Близ города на холме стоял Никитский монастырь, где в XI веке подвизался благочестивый кузнец Никита. Он стяжал себе большое богатство, но затем раскаялся, молился и пошел спасаться на столпе, а потому прослыл святым Никитой Столпником. Неподалеку находилась древняя Ярилина плешь. Ее название связано с древним языческим почитанием солнца.

Переяславское княжество с городами Переяславлем, Тверью, Дмитровом, Зубцовом, Кснятином, Нерехтой, Кашином, Москвой было ядром будущей русской государственности. С запада оно граничило с Новгородской республикой, со Смоленским княжеством, с севера — тоже с Новгородской республикой, с юга — с Черниговским и Рязанским княжествами, с востока — с Рязанским и Владимирским княжествами. Переяславские князья владели частью бассейнов Волги и Москвы, самых важных рек в геополитическом аспекте будущего объединения русских земель вокруг одного центра, который образуется через 100 лет.

Переяславль находился на скрещении водных путей, которые вели в Ростовскую и Новгородскую земли, и потому играл заметную роль в торговле хлебом Низовских земель (так называли Северо-Восточную Русь) с Новгородской республикой. Переяславцы умели торговать с выгодой и тем самым приумножать богатство своей земли. С точки зрения природных ресурсов, Переяславское княжество было благословенным краем. Летописец пишет: «Старейшие люди, обходя окрестные страны, озера видеша, яко место то зело красно и мнозии бяху ту ловы в дебрях лесных и во озере, обильныя пажити, многочисленныя борти и бобровые боны, вельми им удобно селитися ту, и начаша жити ту собе».

Отец Александра — Ярослав II Всеволодович, в святом крещении Феодор, — был пятым из 11 детей великого князя Владимирского Всеволода III Юрьевича, прозванного Большим Гнездом по многочисленности своих детей (годы княжения 1176—1212). Ярослав родился 8 февраля 1191 года, также в Переяславле-Залесском; его мать Мария была, по одним сведениям, чешского, а по другим — осетинского происхождения. Он был вторым переяславским князем после своего отца и правил удельным княжеством с перерывами с 1212 по 1246 год, кроме тех лет, когда его замещал сын Александр. Воспитанный в духе владимиро-суздальского единодержавия, Ярослав был хорошим полководцем, доблестным защитником Руси. Дед же Александра, великий князь Всеволод, был настолько силен, что мог выставить войско из 50 тысяч воинов, а веслами ладей своих воинов мог «раскропить (то есть вычерпать. — *Ю. Б.*) Волгу», как говорится в знаменитом «Слове о полку Игореве».

Дед Ярослава — Юрий Владимирович, по прозванию Долгорукий (потому что руки свои тянул к Киеву), великий князь Суздальский, а в конце жизни — Киевский. Основатель Москвы (1147), он был могучим полководцем и всю жизнь воевал, мечтая о создании сильной державы Великорусской. Он и был, по сути, основателем Великороссии.

Прадед — Владимир Всеволодович Мономах (1053—1125), великий князь Киевский, Черниговский, удельный князь Переяславля Южного, гроза половцев и объединитель «всея Руси», полководец и писатель, автор знаменитого «Поучения к детям». Он создал целый кодекс междукняжеских взаимоотношений и правил государственного управления Русью, которую надо было хранить и лелеять как зеницу ока, чтобы Свеча Рода Русского не погасла, чтобы земля наша не досталась иноплеменникам в поругание, чтобы счастливо и богато жили русичи, хранители «Русской правды».

Мать Александра — Ростислава (в святом крещении — Феодосия) была дочерью знаменитого князя Мстислава Мстиславича Удатного, или Удалого (годы жизни 1170—1228). Она во всем под стать мужу: сильная, высокая, стройная, самоотверженная и добрая, тоже из Мономашичей; такие становились либо поляницами (богатыршами), либо хранительницами домашнего очага. Она была наполовину русского, наполовину половецкого (тюркского) происхождения*. Ее мать — княгиня Мария Котяновна — была дочерью одного из половецких ханов, Котяна, который крестился, вел дружбу с русскими князьями, пострадал от татар и увел свой народ из Половецкой степи в Венгрию. Ростислава приходилась правнучкой знаменитому хану Кончаку, антигерою «Слова о полку Игореве».

Дед князя Александра по матери заслуживает особой характеристики. Мстислав Мстиславич происходил из рода старших Мономашичей: его отец — князь Белгородский и Новгородский Мстислав Ростиславич (ум. 1180), дед — князь Киевский и Смоленский Ростислав Мстиславич (ум. 1168), прадед — князь Киевский и Новгородский святой Мстислав Владимирович (ум. 1132), прапрадед — князь Киевский, Переяславский и Черниговский Владимир Мономах.

Князь Мстислав Мстиславич был славным полководцем. Он всю жизнь воевал, понимая свои многочисленные княжения как служение людям, защиту от врагов. Он был удельным князем Трипольским (1193), Торческим (1203), Торопецким (1209), Новгородским (1210 — весна 1215, 11 февраля 1216 — осень 1218), Галицким южным (1218—1227), вновь Торческим (1228) и скончался по дороге из Торческа в Киев. Он защищал эстов от немецкой агрессии и ходил в Чудскую землю против крестоносцев, был у исто-

---

* Согласно мнению Л. Н. Гумилева, половцы русских летописей, или «кыпчаки», как их называют восточные и западные источники, являются потомками индоевропейского племени динлинов, кочевавшего в степях Азии. Там они смешались с тюрками и заимствовали их язык. В VI—VII веках они населяли Тюркютский каганат, находившийся в нынешнем Казахстане. В IX—X веках откочевали к реке Джаик (Урал), а в XI веке перешли Волгу и заняли Причерноморские степи. Начались русско-половецкие войны, продолжавшиеся до начала XIII века. Затем часть половцев обрусела, их знать породнилась с русскими княжескими фамилиями, приняла крещение. Русские и половцы одинаково пострадали от татаро-монгольского нашествия. Позднее, после 1262 года, трехмиллионное население Дешт-и-Кыпчак (Половецкой степи) ассимилировалось с восточными завоевателями. Большая часть последних восприняла половецкий язык, и тот стал татарским. Русское название «половцы» происходит от слова «половый», то есть соломенный, желтый — по цвету кожи.

ков кратковременного русско-эстонского союза 1216—1218 годов против Ордена меченосцев. Князь Мстислав часто защищал вольности Новгородской республики от поползновений со стороны других князей и, в частности, своего зятя, отца Александра, князя Ярослава Всеволодовича, также не раз занимавшего новгородский престол. Конфликты иногда переходили в жестокие войны. Так, 21 апреля 1216 года произошла битва на реке Липице между объединенным войском князя Мстислава Мстиславича с новгородцами и ростовского князя Константина Всеволодовича, с одной стороны, и войском суздальских князей Юрия и Ярослава Всеволодовичей, с другой. Суздальцы были разгромлены и потеряли около 10 тысяч человек*

Тем не менее лично князья Ярослав и Мстислав дружили. После смерти своей первой супруги князь Ярослав в 1214 году взял в жены дочь Мстислава — красавицу Ростиславу. Но в 1216 году, после Липицкой битвы, Мстислав отобрал дочь у зятя и лишь спустя два года, с большой неохотой, вернул ее обратно мужу. За три года супружеской жизни, проживая то в Переяславле, то в Новгороде, Ростислава родила двоих сыновей — Федора и Александра, — а затем рожала почти каждый год по сыну. Стало быть, вся ее жизнь была заполнена заботами о муже и детях. Княгиня Ростислава жила только интересами семьи, и муж для нее был всем. В трудные минуты она утешала его, стремилась подбодрить, поддержать, найти для него ласковое, доброе слово. А это очень важно в условиях бурной княжеской жизни, нелегкого государственного служения Руси.

Раннее детство князя Александра — это мир песен, сказок, старин и преданий о Русской земле, великое множество которых хранилось в памяти людей того времени. Сперва мальчика учили читать, писать и считать. Житие святого Александра Невского свидетельствует о том, что будущий князь проявил незаурядные способности и быстро научился чтению и письму. Он был первым и на охоте, и на войне, и в детских играх, и за чтением Псалтыри. С малолетства Александр был серьезен и не велеречив, не любил пустых забав, но любил военные игры. Удивительна была его обращенность вовнутрь, «к совести», к правде, к Богу. Как и его

* Князь Ярослав так быстро бежал с поля брани, что потерял свой шлем. Через сотни лет, в 1808 году, его нашли в лесу, под кочкой, на месте Липицкой битвы. Теперь он хранится в Оружейной палате в Москве. Можно прочитать надпись на ободе иконы святого Михаила, вделанной в шлем: «Великий архистратиже Господень Михаиле, помози рабу своему Феодору».

родители, Александр был благочестив и богобоязнен. С помощью священника Иоакима он открыл для себя бездонный мир веры христианской, читая Библию. И в Переяславле, и в Новгороде в его распоряжении были великолепные библиотеки княжеского дворца, церквей, монастырей, а также библиотеки князей, бояр, духовенства и купцов. Большим книжником был его покойный дядя, князь Константин Ростовец; открыта для Александра была и библиотека другого его дяди, великого князя Владимирского Юрия. Александр охотно читал Четьи-Минеи, прологи, торжественники, изборники, отечечники, шестодневы, космографии, физиологи, апокрифы, и многое открылось ему из премудрости книжной, которая есть река бездонная, «напояющая всю вселенную». Герои житий были его героями, но более всего он полюбил царя Александра Македонского, о приключениях которого рассказывал роман «Александрия», переведенный на русский язык. Обязательным чтением юного князя стали летописи, и среди них «Летописец Переяславля Суздальского», написанный в 1219 году, «Повесть временных лет», владимирские, суздальские и ростовские летописцы, хроники и летовники, из которых можно было многое почерпнуть о мировой и русской истории.

Постепенно, не спеша его обучали праву княжескому, читали с ним «Русскую Правду» и Кормчие книги. Большой книжник, епископ Ростовский Кирилл читал князю свое «Поучение к попом» и «Сказание о 12 мытарствах души», познакомил с «Житием Василия Нового» и «Григорьевым видением». С наслаждением юный Александр читал «Поучение к детям» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве».

Позднее познакомится он и с Даниилом, писателем с Лаче-озера, который специально для его отца напишет «Моление Даниила Заточника».

С детства юного князя пленили сказки, которые рассказывала ему мать, княгиня Ростислава. А она вычитывала их из сборника своего деверя, великого князя Владимирского Константина Всеволодовича. В Ростове и Угодичах у того было множество старинных книг не только на славянском, но и на греческом языках. Юный Александр рано выучился читать и пристрастился к чтению. Если бы не острый княжеский ум, не тяга к воинскому делу и сражениям — быть Александру книжником! Но жизнь распорядилась иначе: решающее слово в воспитании княжича было за отцом. А для князя Ярослава Всеволодовича главное было — служение Руси своим мечом.

КНЯЖЕСКИЙ ПОСТРИГ

Когда Александру минуло пять, а Федору шесть лет, князь Ярослав повелел учинить княжеский постриг. В Переяславль из Владимира позвали епископа Симона, мужа весьма благочестивого и ученого. Он только что завершил свой главный труд «Отечечник», или Киево-Печерский патерик, который составлял по просьбе иноков Киево-Печерской обители. Бывший игумен Владимирского Рождественского монастыря, он, заняв Владимирский церковный стол, сумел примирить многих князей, утишить распри. Во времена княжения Константина Ростовского написал летописец, куда включил многие сочинения сего великого книжника, владельца огромной библиотеки.

Князю Ярославу Всеволодовичу, брату покойного Константина, своего покровителя, епископ не мог отказать в просьбе. Да и как отказать новгородскому и переяславскому воителю, не сидевшему долго на одном месте, а сражавшемуся непрерывно за землю Русскую? Пергамены подождут, а брани не ждут: загораются то там, то сям, зовут на бой. Вот и сейчас требуют к себе Ярослава неуемные новгородцы. С карелой и чудью воевать надо: не платят урочных даней Господину Великому Новгороду. Пора князю ехать на войну, но и сыновей постричь пришло время: поди задержались на женской половине, пора учить делу ратному, княжескому.

Князь с княгинею в богатых княжеских одеждах, с княжескими цепями, при венцах и знаках власти встречают гостей на теремном красном крыльце. И хотя от дворца в Спасо-Преображенский собор можно было бы пройти по верхнему переходу, по обычаю надлежало подкатить к вратам церковным на колеснице.

Виновники торжества — княжичи Федор и Александр — одеты в кафтаны зеленого атласа с золотыми узорами, в княжеские шапки, соболями отороченные. На шеях висят тяжелые золотые цепи с медальонами, в овалах которых видны княжеские львиные гербы, как положено во Владимиро-Суздальском княжестве. Порты — червонные, сапожки — легкие желтого сафьяна. Волосы — светлые, до плеч. Не княжичи — а парсуны писаные! А народу-то на площади, что на торжище в престольный праздник: бояре, дворяне, гридни, тиуны, милостники, дружинники, купцы, ремесленники, горожане, смерды с окрестных сел. Все в нарядных одеждах, кто как, по чину и по достатку. Домовитые носят кафтаны, епанчи немецкие, поярковые высокие остроконечные шапки, кожаные сапоги. Женщины опушивают низ

своего платья белками и горностаями; головные уборы высокие, называемые «ботта».

Все званы князем Ярославом Всеволодовичем на почестный пир после окончания обряда пострига. На княжем дворе уже накрыты столы с зеленым вином, медами, пивом, брагою, заморскими винами, напитками, квасами. Приготовлены кабаны да лебеди жареные, осетры пареные да икра, куры и гуси, уха и шти, сочиво и каши, овощи заморские и свои. Ведь князь Ярослав во всем хотел подражать ласковому князю Владимиру с его пирами.

Вот уже ударили колокола соборные, и малиновый звон поплыл по городу, отдаваясь эхом на озере и в дальних полях.

Княгиня с княжичами села в колесницу, застланную дорогим ковром шемаханским. У мальчиков от приветственных криков разболелись головы, от счастья да от страха замирали сердца.

Подъехали к четырехстолпному белокаменному собору. Сошли с колесницы. Федор с Александром, взявшись за руки, степенно прошествовали между двух живых стен людских, поднялись по ступеням, вошли в высокие врата церковные, истово трижды перекрестились, как учил священник Иоаким, отец духовный. В соборе народу стоит немало, но в полумраке плохо видно. Впереди — яркое пятно освещенного свечами амвона, виден дивный иконостас собора, озаренный огнями лампад и свеч. Иконы и фрески еле видны в отблесках света. Чудное греческое паникадило свисает из-под купола храма и вот-вот зажжется, осветив нарядную толпу переяславской знати.

На ступеньках амвона стоит седой и осанистый старец в митре и золоченой ризе — епископ Симон. Он размашисто перекрестил мальчиков, а заодно и восприемника, боярина Федора Даниловича. Подвел их к престолу. У самых царских врат, где видны иконы Благовещения и четырех евангелистов, лежали две пуховые подушки в алой наволоке. Мальчики услышали старческий дребезжащий голос: «Идите сюда, дети мои». Владыка подхватил одного, а затем другого и усадил на высокие подушки. «Приспел час быть вам князьями, чада мои. Учиним же сей обряд, как пращуры наши чинили».

— Заповедывай нам вся во славу Твою творити, пришедшаго раба Твоего начаток сотворити стрищи власы главы вашея, — прочитал молитву старец и взял ножницы. Епископ защелкал ножницами сзади на затылках, слегка подрезая локоны и складывая их на поднос, который держал в руках служка.

Ангельское пение зазвучало на клиросах и затем смолкло. Потом возгласил дьякон, и снова запели клирошане. Торжественный молебен начался, но продолжался, по обычаю, недолго.

Княжичи встали, сошли с амвона и увидели перед собой высокую фигуру отца, который держал в руках два небольших меча в ножнах, с узорчатыми поясами и зелеными застежками к ним. Отец смотрел в глаза княжичам строго и торжественно. Воздел руки к небу, помолился, произнеся в конце каждого стиха молитву:

— Господи, Боже, милостивый, дай слугам Твоим, рабам Божиим Федору и Александру силу и мужество, а мечам их твердости на одоление врагов креста Христова!

Князь наклонился к сыновьям и опоясал их мечами, щелкнув застежками.

— Вы наши князи! Вы наши князи! Слава Ярославичам! — закричали в храме и на площади. Крики эти многократно повторялись и отдавались на улицах и стогнах градских.

Княжичи с отцом вышли из церкви. «Ну, с Богом», — сказал Ярослав и подвел к мальчикам боевых коней, покрытых роскошными попонами, с высокими восточными седлами, удобными низкими стременами, с уздечками, изукрашенными серебром.

— Сядьте на кони, — повелел Ярослав, — отныне вы князья наши, как подобает Мономашичам! Будьте с князьями за один брат! Блюдите и стерегите Русскую землю! Храните град Переяславль! Будьте отныне врагам грозны, а к своим милостивы, зане князь бо не туне меч носит!

Праздник в Переяславле завершился раздачей щедрых подарков и роскошным пиром на княжем дворе. Князь Ярослав был щедрым. Он дарил князей золотом и серебром, сосудами и кубками, конями и одеждами, а бояр жаловал тканями и мехами.

В ту пору Рюриковичи не признавали долгого детства и затяжной юности, рано мужали, становились взрослыми, мало жили, но жили по заповедям, трудясь до пота, всего себя отдавая служению Русской земле!

После княжеского пострига Федор и Александр покинули терем матери. Их отдали на попечение боярина Федора Даниловича, который должен был научить отроков военному делу.

Для любого из Рюриковичей не было большей чести, чем защищать порученное ему княжество, чем беречь подданных своих, «печаловаться» о Русской земле, о своих детях — русичах.

Федор Данилович начал с того, что прочитал вместе с княжичами «Поучение к детям» пращура Ярославичей великого князя Киевского Владимира Мономаха. «В доме своем не ленитесь, но сами смотрите за всем, — писал тот, — не полагайтесь ни на тиуна (княжеского слугу или управляющего хозяйством — *Ю. Б.*), ни на отрока (младшего дружинника — *Ю. Б.*), чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. Выйдя на войну, не ленитесь, не надейтесь на воевод, не угождайте питью, ни еде, ни спанью; стражу сами расставляйте, и ночью, везде расставив караулы, около воинов ложитесь, а вставайте рано; да оружие не снимайте с себя второпях, не оглядевшись из-за лени — от этого внезапно человек погибает. Куда ни пойдете по своим землям, не позволяйте ни своим, ни чужим отрокам пакости делать ни в селах, ни в полях, чтобы не начали вас проклинать. А куда ни пойдете, где ни остановитесь, везде напоите и накормите просящего. Больше всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел — простой ли человек, или посол — если не можете одарить его, то угостите едой и питьем. Эти люди, ходя по разным землям, прославят человека или добрым, или злым. Больного посетите, мертвого пойдите проводить, ведь все мы смертны. Не проходите мимо человека, не приветив его добрым словом... Что знаете хорошего, того не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь...»

— Потому-то Владимир Мономах и был славным воином, великим полководцем, грозой Половецкой земли, рачительным хозяином земли Русской, потому-то и умел устроить добрый мир в своем княжении да и во всей Русской земле. При нем процветала и богатела Русь, и слава о ней гремела во всех концах земли, — добавил Федор Данилович.

Как завороженные слушали княжичи своего наставника. А тот напомнил им еще и о «Завете детям» их старшего дяди, Константина Мудрого, сына Всеволода Большое Гнездо, который был на ратях храбр и славу писателя-летописца и книжника великого заслужил. (Константин Ростовец умер за три с лишним месяца до рождения Александра.) Вот что писал родной дядя княжичей о княжеском призвании: «Все мнят, будто князь есть велик в людях, что и кажется несведущему. А я испытал и уразумел, что у князя тягчайшая жизнь, ему не только о себе одному, но и обо всех во всякое время необходимо помышлять и печься. Да более всего о тех, кто сами о себе не помышляют, тех ему надо направлять, не дать никого обидеть и правильно судить, недужным помогать, войско обустраивать. А кто из вас более страждет

и о всех заботится, как подобает князю, который не имеет отдыха ни днем ни ночью и все хлопочет, как бы ему все устроить, тот встанет в Судный день перед Богом и даст ему ответ и за себя, и за подвластных ему».

Теорию военного дела будущий Невский герой поначалу усваивал из книг: из того же «Поучения Владимира Мономаха», из «Слова о полку Игореве», из «Повести временных лет», из Переяславского летописца и других летописей, а также из старин и песен о богатырях, из рассказов старых дружинников да от своего отца. Князь Ярослав научил сыновей старинным княжеским заповедям: лень, зависть и злоба — корни всех людских пороков; «кто говорит, Бога люблю, а брата своего ненавижу, тот лжец: выше сей заповеди любви нет, иже кто положит душу свою за други своя». Последняя заповедь отца и стала главной заповедью князя Александра, и он пронес верность ей через всю свою жизнь! Главный отцовский завет: жить всем русичам «в одно сердце», а князьям быть «за один брат», в единстве сохранять Русскую землю — отозвался в сердце княжичей как самое родное, заветное, неизбывное. Из рассказов отца о семейном предании отрок приобретал знания об Отечестве и его истории, о плохих и хороших князьях и об их поступках, о необъятной Русской земле и о собственном княжеском предназначении как служении. Потому-то вся жизнь Александра Невского стала потом сплошным служением, призванием к подвигу.

Затем начались практические занятия. Вот как реконструирует процесс обучения князя Александра воинскому делу современный военный историк А. В. Шишов (в силу добротности и важности этого описания приводим его целиком):

«В пять лет княжича Александра уже обучали владеть мечом. Вернее, его точной копией из мягкого, легкого дерева — липы. Рубиться даже небольшим мечом из железа маленькому мальчику было просто не под силу. Длина далеко не игрушечного меча определялась предельно точно — около 90 см, что позволяло учить держать дистанцию в ближнем, рукопашном бою. Обучение владению мечом, равно как и другим боевым искусствам, велось под заинтересованным наблюдением дядьки боярина Федора Даниловича, а то и под строгим взором отца, князя Ярослава Всеволодовича.

Через некоторое время учебный деревянный меч становился тверже и прочнее — его теперь делали из дуба или ясеня. В фехтовании на таких мечах без синяков не обходилось. Так постепенно наращивались нагрузки и осваивались боевые приемы. По летописям известно, что уже в двенад-

цатилетнем возрасте княжичи умели профессионально обращаться с настоящими боевыми мечами.

Обучали княжича Александра владением мечом самые опытные отцовские дружинники, герои многих битв и военных походов. Их школа была выше всяких похвал — преподавателей фехтования на мечах отбирал лично князь, который и сам славился как умелый и отважный единоборец. Дружинники учили княжичей удару клинком в резком выпаде — уколу: меч являлся колюще-рубящим личным оружием. Чем длиннее и неожиданнее был прыжок колющего, тем меньше оставалось у противника возможности приготовиться к защите. В таких случаях не спасали ни кольчуга, ни щит.

Рукопашный бой, когда приходилось схватываться и не с одним врагом, требовал не одного только умения владеть мечом. На то бой и назывался рукопашным. Умудренные боевым опытом княжеские дружинники помогали отрокам осваивать и более сложные приемы в схватке, когда невооруженному бойцу приходилось действовать против вооруженного противника.

Отцовские дружинники наставляли княжича Александра: "Не теряйся, княжич, смотри на ворога смело. Если достанет уколом, то шуйцей (левой рукой) отбивай меч от себя в сторону, а десной (правой рукой) емли за руки и повергай"

В древнерусских летописях, которые довольно подробно описывали многие битвы, часто можно встретить описания единоборств княжеских дружинников, когда те в схватке с врагом каким-либо образом лишались своего оружия. В таких случаях воины, за руки "емлючися", сходились с противником в смертельной схватке "на руках", но поля боя не покидали.

Для таких рукопашных схваток лучше всего подходила наука борьбы в обхват — исконно русской молодецкой забавы. Борцы, сцепив руки крест-накрест за спиной соперника, стремились одним рывком повергнуть его на землю. Такая борьба требовала не только большой физической силы, но и немалой ловкости, когда требовалось упредить противника в проведении приема.

Не менее сложной наукой для мальчиков из княжеского дома было обучение стрельбе из лука. Сначала это был детский лук с тупыми стрелами. Раз за разом увеличивались его размеры, возрастало сопротивление тетивы. Сперва стрелы метались в неподвижную мишень, а затем и в летящие — по диким птицам. Менялось и расстояние, и размеры цели. Пользование же настоящим боевым дальнобойным луком с

большими размерами его рогов требовало от ратника недюжинной физической силы.

Стрельба из лука в княжеских дружинах превращалась в своеобразный военно-спортивный праздник и привлекала большое число зрителей, не только самих воинов и членов княжеской семьи. Самые меткие стрелки становились победителями таких учебных стрельб и получали от князя или его воевод подарки... Одновременно опытные дружинники под присмотром боярина Федора Даниловича обучали сыновей князя Ярослава Всеволодовича искусству верховой езды. Владетель Переяславского княжества имел большие табуны лошадей, что было немалой частью его личного богатства. В переяславльских табунах под присмотром опытных табунщиков ходили и угорские иноходцы, и степные половецкие аргамаки, и кони, выведенные из Волжской Булгарии.

Первоначально княжичей учили держаться в седле на хорошо выезженных, послушных боевых конях. Учили управлять конем и повелевать им. Считалось, что воин сам должен обучить для себя молодую лошадь, ибо, как тогда говорилось, боевой конь, побывавший в других, а может быть и в плохих, руках, уже погублен для ратного дела.

Так с отрочества и повелось, что выбирал для себя князь Александр Ярославич коней всегда сам, не доверяя этого никому, даже ближним боярам и старшим дружинникам. Выбирал всегда двух коней — для похода и для сражения. Великий воитель Древней Руси с отцовского дома остался привержен на всю жизнь только двум мастям лошадей — вороным и белым.

К десятилетнему возрасту княжич обязан был лично усмирить необъезженного коня-трехлетку. При таких испытаниях не обходилось без падений и ушибов — в таком случае все начиналось вновь. Покорить коня своей воле всегда считалось нелегким испытанием даже для взрослых мужчин. В случае успеха усмиренный конь становился преданным боевым соратником своего хозяина, который мог положиться на него в трудную минуту.

После освоения искусства верховой езды дружинники-наставники приступали к обучению княжичей владеть сулицей — русским дротиком (коротким копьем). Метко брошенная твердой рукой сулица надежно поражала врага на расстоянии. Носили древнерусские дротики-сулицы в специальных колчанах.

Гораздо больше воинского искусства требовал от ратника бой на копьях. На учениях здесь в первую очередь отра-

батывался решительный и неотразимый удар тяжелым копьем. Вершиной мастерства считался сильный и меткий укол в забрало вражеского шлема. В таком случае вражеский всадник, как правило, повергался в битве на землю вместе со своим конем.

Учили княжича Александра и прочей воинской премудрости: владению щитом, кистенем и палицей, засапожным ножом (кинжалов русские воины в старину не признавали), боевым топориком, секирой... Будущий князь обязан был уметь владеть всеми видами оружия — от этого зависела его жизнь в любом сражении. И не только оружием славянским, но и оружием степняков, варягов, рыцарей европейского запада... Такое обучение ратному делу юного Александра Ярославича не являлось каким-то исключением — оно считалось обязательным в семьях князей, и отцы своих сыновей здесь не щадили... Проводились и показательные единоборства. В странах Западной Европы ратное мастерство рыцарей оттачивалось на турнирах. На Руси такие турниры назывались "игрушкой" Считалось, что в дружеской схватке конников русским воинам приличествует показать свое умение владеть оружием и боевым конем. Однако похваляться превосходством в таком поединке считалось делом зазорным для воина.

В "игрушках" участвовали не только дружинники, но и князья. Чужестранцы отмечали, что на таких рыцарских турнирах русские воины любого звания бились на конях "не щадя ни себя, ни дорогого оружия", ни своего иноходца. Для отроков устраивались собственные потешные "игрушки"

Ратное обучение княжичей дополнялось не только военными играми, но еще и охотой — ловами... Поистине княжеской охотой считалась соколиная... Ратная наука давалась княжичу Александру легко, хотя и проливалось, как говорится, "сто потов" Отец всегда внушал сыновьям: будущий князь — это и правитель, и профессиональный воин. Таким он оставался до конца своих дней. Поэтому совсем не удивительны летописные упоминания о том, что почти все древнерусские князья лично участвовали в битвах, да еще в первых рядах своих дружин, часто вступали в поединки с предводителями противной стороны. От личного воинского мастерства во многом зависел авторитет князя, а порой и исход боя»*

---

* *Шишов А. В.* Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999. С. 41—43, 44—46, 47.

К 14 годам князь Александр окреп от постоянных воинских упражнений, подрос, возмужал. Среди своих сверстников он выделялся не только ростом, но и силою и незаурядными способностями князя-воина. Он был вполне готов к ратному испытанию, и не к «игрушке» или «дружеской схватке», а к бою с врагами Руси.

Сформировался и характер юного князя. «Степенная книга царского родословия» описывает его так: «Во время юности своей князь придерживался смиренномудрия, воздержания и соблюдал чистоту душевную и телесную, прилежал кротости, а тщеславия избегал, и весьма был верен воздержанию от пищи, так как знал, что угождение чреву мешает целомудрию и создает препятствие бдению и прочим добродетелям. На устах у него были одни только божественные слова, услаждавшие нас более, чем сотовый мед; ведь прочитал он Священное Писание и желал с усердием исполнить на деле его установления. Родственники видели, что он преуспевает в добродетелях, и всячески стремится угодить Богу, и загорелся небесным желанием делать только хорошее и честное другим людям; он всячески пытался в своем правлении проявлять смиренномудрие. Он мог бы быть Богом почтен честью земного царствования и мог бы иметь жену и детей, но он вместо того стяжал смиренную мудрость больше, чем все другие люди».

В «Житиях святых Российской церкви» о княжиче говорится кратко: «кроток и тих был его нрав издетства». В том же духе о его характере рассказывает архимандрит Рождественского монастыря Иона Думин в Житии святого Александра Невского, написанном в 1591 году: добрый, прехрабрый, исполненный благодатью Святого Духа, «измлада Христа възлюбив и Пречистую Его Богоматерь, повелику же чтяше иерейский чин, яко слуги Божии, и мнишеский велми любляше, и нищих миловаше, еже от всякиа неправды отгребаяся, аки изящен воин, во всем угажая Владыце своему Христу». Александр Невский, по мнению Ионы Думина, в полной мере сочетал в себе добросердечие с властвованием. Он так пишет о будущем новгородском князе-наместнике, соправителе отца: «Сей убо бысть, по реченному, око слепым и ухо глухим и нога хромым, сиречь сиротам и вдовицам заступник и алчющим кормитель, безпомощным помощник, и со Иовом глаголаше: не изыде из дому его нищ, тща имея недра. И просто рещи, всем комуждо во всякой нужди бе помагая. И тако ему живущу в Великом Новеграде и от Господа Бога порученную власть добре и боголюбне правящу».

ГОСПОДИН ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД И ЮНЫЕ НАМЕСТНИКИ

Князь Александр Ярославич, воспитанный в тиши Переяславля-Залесского в гордом сознании князя-самовластца, которому все покорно в родной земле, в отчем городе, встретился с вольным Новгородом еще в младенческом возрасте, в 1222 году, когда ему было от роду всего два года. Служение Новгороду требовало от отца почти непрерывного участия в военных походах. И князь Ярослав в 1223 году отвез семью обратно в Переяславль, опасаясь за здоровье жены и детей: уж слишком беспокойной, бурной была его жизнь в Новгороде. Не было ни минуты покоя: сборы в поход сменялись самим походом, а тот — судебными тяжбами, которые должен был разрешать князь по «Правде Ярославлей». А за ними следовали волнения строптивых новгородцев, разделившихся на противоборствующие партии и вечно ссорящихся на вече. Таких городов на Руси надобно было еще поискать! Вечевая, общинная жизнь била в Новгороде ключом, здесь царила вольница русская, действовали совсем иные законы, чем в Переяславле.

Только к Рождеству 1226 года, через полтора года после княжеского пострига, когда Александру исполнилось шесть с половиной, а Федору семь с половиной лет, отец взял их с собою, с княгинею, воспитателями и наставниками. Поселились там, где обычно жили княжеские семьи: на Рюриковом Городище, во дворце, что в 3 километрах от города, поближе к истокам Волхова, там, где некогда близ нынешнего храма Святого Спаса Нередицы шумел богатый и древний Великий Словенск. Нынче здесь находилось село Мирополье. При посаднике Гостомысле, сыне князя Буривоя, праправнуке Владимира Старого, на берегах Волхова, в 6 километрах от озера Ильменя, среди дубовых рощ построили другой, новый город, и нарекли его «Новгородом», а позднее стали называть «Господином Великим Новгородом»: уж больно от стал славен и богат!

На Городище, в каменной Благовещенской церкви отслужили благодарственный молебен. За пределами Городища кончался привычный переяславскому семейству мир и начинался иной, незнакомый мир новгородской вольницы. Этот мир поразил воображение братьев.

Уже на следующий день князь Ярослав с княжичами и со свитой поехали на Ярославово дворище, где помещался вечевой центр Новгорода. На Славенском холме остановились ненадолго в летнем княжеском тереме. Отсюда был хорошо

виден весь город, живописно расположенный по берегам полноводного красавца Волхова на двух его сторонах — Торговой и Софийской. На Торговой стороне был главный торг. Здесь же располагалось и Ярославово дворище, вымощенное коровьими челюстями. Там стоял Ярославов дворец, неподалеку — звонница вечевого колокола и вечевой помост — место шумного и бурного веча. Чуть поодаль — церковь Святой Параскевы-Пятницы и Николо-Дворищенский собор. Ниже находился торг с лабазами, еще ниже — пять вымолов или причалов у реки: Иванский, Будятин, Матфеев, Немецкий и Гаральдов; там на Волхове виднелись пришвартованные иностранные ладьи: шведские, норвежские, немецкие и датские. К югу от Ярославова дворища стоял Готский двор с варяжской божницей в честь святого Олафа, а к востоку — Немецкий двор с ропатой святого Петра.

Если пройти Торговую сторону по Ильине улице, то выйдешь на Великий мост, а по нему через Волхов попадешь на Софийскую сторону. Главный пятиугольный храм Святой Софии Премудрости Божией располагался в центре белокаменного Кремля с архиепископскими палатами, где собирался правительствующий «Совет господ»; здесь же высилось множество церквей и казенных зданий Новгородской республики. Святая София — центр древнего городища, обнесенного стенами с башнями, с земляными укреплениями — греблей; именно здесь жил новгородский владыка — архиепископ Антоний. Он — глава Новгородской республики. Про Новгород говорили: «Где Святая София — там и Новгород!», и еще: «У нас князя нет, но Бог, Правда и Святая София!» В храме хранилась государственная казна, там же была усыпальница владык и князей. Внутри храма из-под купола на верующих смотрел строгий лик Спасителя-Пантократора, с полусжатой десницей. Царьградские иконописцы, расписывавшие храм при епископе Луке Жидяте (около 1050 года), три раза писали десницу благословляющей, то есть раскрытой, но все три раза она сама собой сжималась. И тогда изографы услышали голос с небес: «Писари, писари, не пишите Меня с благословляющей рукой, но пишите сжатую: Аз бо в сей руце держу Новгород, а когда рука Моя распрямится, тогда будет граду сему скончание».

Гулкие колокола Софийской часозвонни собирали на моления народ со всех концов многолюдного Новгорода: и знатных, и простых сословий, купцов и бояр, монахов и мирских, житьих и простолюдинов, воинов и слуг, ремесленников и смердов. Перед Господом и Святой Софией все равны и все братья Новгородской вечевой республики! «А

хто станет против Бога и Новгорода?» — гордо вопрошали новгородцы и отвечали: «Нетуть!» Новгородское белое духовенство издавна — самое строгое и влиятельное, сильное в делах веры православной.

В Новгороде было пять концов: Загородский, Неревский, Людин — на Софийской стороне; Словенский и Плотницкий — на Торговой. Каждый конец и каждая улица имели своих властителей: кончанских, сотских, уличанских старост. А те подчинялись посаднику.

На окраинах и за городом возвышались монастыри: Антония Римлянина, Хутынский, Зверин, Юрьев, Благовещенский, Аркаж и многие другие. Монастыри в Новгороде — немалая сила: в них казна, книги, иконы, архивы, утварь; монахи — строгие люди в черных одеяниях, воинство Христово. Архимандриты монастырей входили в особый совет, подчинявшийся архиепископу.

Сколь велика Новгородская республика и как она управляется, княжичам рассказал отец на третий день их пребывания в городе.

Эта обширная страна простиралась от Новгородского залива Варяжского моря до Каменного пояса (Урала) и до Новой земли, а с юга на север — от города Торжка на реке Тверце до Дышущего моря (Северного Ледовитого океана). Новгородская земля состояла из 5 пятин: Деревской, Шелонской, Водской, Обонежской, Бежецкой; кроме того, в нее входили Подвинье и Карельские земли. Высшим органом власти в республике считалось вече. На него созывали ударами в било все свободное взрослое население города. Решения принимали большинством голосов. С 1136 года вече избирало посадника и тысяцкого, а с 1156 года — и архиепископа по жребию. Главой республики считались архиепископ и «Совет господ» или «300 золотых кушаков (поясов)», состоявший из знатных и богатых бояр.

«А вы, братия, в посадниках и в князьях вольны» — эти крылатые слова, произнесенные посадником Твердиславом в 1218 году, и есть основа власти народа в Вольном городе. Князь — это только военный руководитель, который лишь отчасти отвечает за судопроизводство. Он приглашался вечем на 1—2 года. Если он почему-либо не нравился Новгороду, то князя изгоняли решением веча со словами: «княже, ты — собе, а мы — собе». А если князь нравился Новгороду, то срок его пребывания продлевали, выплачивая ему изрядные суммы и давая привилегии на ловы и пользования землями и данями. Главный закон республики — «Правда Русская» или «Грамоты Ярославли». Они были приняты в

1016 году при Ярославе Мудром и считались нерушимыми. Приглашенные князья должны были приносить Новгороду присягу на верность «на Ярославлих грамотах» и «на всей воле новгородской».

Так было и теперь: князь Ярослав Всеволодович обещал править по старине и не нарушать законы Новгорода ни в чем.

Отношения князя Ярослава с Новгородской республикой были непростыми. Новгородцы не любили князя за крутой самовластный нрав, но он устраивал их как военный руководитель, умелый полководец и доблестный воин, который не раз защищал своим мечом вечевую республику. А врагов у богатого Новгорода было предостаточно, особенно с запада.

Здесь, в Новгороде, князь встретил свою будущую супругу, дочь князя Мстислава Мстиславича Удалого. В первый раз новгородцы пригласили его как князя еще в 1215 году. Тогда он не обещал им судить по их законам, а судил строго, по-переяславски, наказывая строптивых бояр, не желавших подчиняться. И 11 февраля 1216 года вече изгнало его, проговорив свои обычные слова: «Княже, ты — собе, а мы — собе». Ярослав занял Торжок и Волок и не пропускал купцов с хлебом и товарами в Новгород. В вольном городе начался голод. Новгородцы позвали на помощь князя Мстислава Удалого и его родню, смоленских князей Ростиславичей, а те заключили союз с князем Константином Ростовским. Ярослав же соединился с другим своим братом — Юрием. Так началась братоубийственная война. 21 апреля 1216 года на реке Кзе, на Липицком поле, произошла битва, в которой, как уже говорилось выше, победили новгородцы.

Во второй раз новгородцы пригласили Ярослава весной 1222 года, после того как из города тайно уехал племянник Ярослава, малолетний князь Всеволод Юрьевич, и некому стало оборонять город от Литвы. Ярослав спешно пошел походом на Торопец, но не догнал литовцев, бежавших за Усвят. Неуемные новгородцы опять начали ссориться на вече и враждовать друг с другом, и Ярослав вновь уехал в Переяславль, но новгородцы в 1223 году снова позвали его, умолив с архиепископом Арсением, чтобы шел походом к Колывани. И пришел Ярослав с войском: повоевал всю Чудскую землю, много взял полона и золота и возвратился с победою. А вече опять пригласило князя Всеволода Юрьевича.

В 1226 году новгородцы в третий раз послали послов в Переяславль и просили Ярослава прийти в Новгород, чтобы воевать с литовцами: много пакости сотворили те Торжку и

Торопецкой волости. Тем временем немцы заняли Юрьев, неспокойна была емь, волновалась карела. Трижды уходил князь из Новгорода, но всякий раз возвращался, так как служил Руси, а не новгородским боярам и знал, сколь тяжело Русской земле в годину испытаний, когда со всех сторон одолевают ее враги. «Не потягнем за Русскую землю, не выстоит она! Вот потому и служу Руси и вам, сыновья мои, служить Руси завещаю!» — говорил князь. Беспрестанно воевал он: только на Чудскую землю ходил походами 7 раз, и на литву, и на карел, и на емь без счета ходил и всегда побеждал, возвращался с полоном и с казною! А бояре новгородские да купцы многого хотят от князей; сами слушаться не желают, враждуют, денег не дают на войну, ссорятся между собой на вече... А главный враг Новгорода и Руси — немцы, крестоносцы. Псковичи же — подданные Новгородской республики, а сами ссылаются с немцами, заключают союзы с Ригою, предают интересы Руси. Потому-то решил князь на Ригу пойти войною. Там — осиное гнездо крестоносцев.

...Два года жизни юных княжичей в Новгороде не прошли даром. Пока отец воевал, княжичи с Федором Даниловичем изучали особенности новгородской жизни и управления, вслушивались в особый новгородский говор, постигали быт и нравы этого вольного города, беседовали с разными людьми: и с монахами, и с мирянами, со своими и иностранными купцами. Надо было все узнать, все понять, что нужно знать русскому князю — радетелю родной земли.

Однажды, это было весной 1227 года, новгородские приставы схватили четырех волхвов, учивших поклоняться языческому богу Велесу, и сожгли их на большом костре на Ярославовом городище. Пришло смотреть много народу, и княжичи дивились и не могли понять, что за люди новгородцы: и своих не милуют, и чужих ненавидят...

После Пасхи княжичей принял в своих палатах сам архиепископ Антоний, бывший в миру боярином Добрыней Ядрейковичем. Он управлял церковной жизнью Новгорода с перерывами с 1211 года. Это был мудрый и опытный правитель. Хотя его поразила немота и разговаривать он не мог, но все понимал и объяснялся знаками, писал записки. Его помощники Микифор Щитник и Якун Моисеевич научились хорошо понимать Антония и передавали его распоряжения «Госпóде», посаднику и тысяцкому, а также причту церковному и архимандритскому совету.

Когда княжичи с боярином Федором вошли в архиепископскую палату, владыка сидел на престоле, а по обе сторо-

ны от него стояли его помощники. После обычных приветствий выступил вперед Микифор Щитник и развернул свиток пергамена. Это была Софийская владычная летопись. Микифор начал читать из нее «Повесть о взятии Царьграда фрягами» — сочинение самого Антония (тогда еще Добрыни Ядрейковича). Около 1200 года он побывал в Константинополе и описал всю красоту и богатство Вечного города в книге «Паломник», а когда случилась беда и на Царьград напали латиняне — крестоносцы, он подробно описал разгром столицы крестоносцами 12 апреля 1204 года. «И сожжен был город, и церкви несказанной красоты, и дворцы, и поругано было все, и осквернено, и ограблено, а жители посечены, их же число мы не можем исповесть. Так погибло царство православное богохранимого Константина града, и землей Греческой бывших византийских императоров теперь обладают латиняне», — закончил чтение Микифор.

Пока длилось чтение, Антоний кивал головой в знак согласия, а затем подозвал к себе Микифора и написал ему что-то на листе пергамена. Владыка хотел обратить внимание княжичей на зачинателей агрессии — тогдашнего папу Иннокентия IV и германского императора Филиппа Швабского, а также их слуг, крестоносцев. «Это исчадия ада, проклятые папежники, вышедшие из преисподней на погибель люду православному!» — пояснил слова Антония Микифор.

Эти слова и поучительное чтение глубоко запали в душу Александру. Навсегда запомнил он, кто враг Руси и православию.

Неприятности у отца начались из-за непокорства псковичей. Они не пожелали впустить в город князя Ярослава с посадником Иванком и тысяцким Вячеславом. Постояв у Дубровны, князь с дружиною вернулся на берега Волхова ни с чем. С походом на Ригу не получалось: у князя было мало сил, и он призвал войска из Переяславля. Ратники расположились военным станом на Славенском холме и близ Городища. С приходом полков цены на продукты в Новгороде резко вздорожали. «Купляху хлеб по две куне, и кадь ржи — по три гривне, а пшеницу — по пяти гривен, а пшена — по семи гривен», — записывал летописец. К тому времени псковичи заключили союз с Ригой и послали туда в заложники 40 своих мужей. Князь Ярослав расценил это как предательство и послал в Псков боярина Мишу с предложением отказаться от сотрудничества с крестоносцами и начать готовить поход на Ригу. Псковичи отказались. Новгородское вече их поддержало: «Мы без своей братии псковичей на Ригу не пойдем», — заявили они на вече. Кроме того, нов-

городцы потребовали удаления переяславских полков с берегов Волхова. Между князем и Новгородом произошел разрыв. Поздним летом князь Ярослав с княгинею покинули Новгород, оставив на Городище наместниками двоих своих сыновей. Помогать им должны были боярин Федор Данилович и тиун Яким.

Положение в Новгороде было тяжелое. Неотвратимо надвигались голод и болезни. Народ роптал на бояр. Наконец, начался мятеж. С кафедры был сведен архиепископ Арсений, поставленный якобы за взятку князю. После веча были разграблены — «взяты на поток» — дворы тысяцкого Вячеслава и брата его Богуслава, владычного стольника Андрейца, Давыдка Софийского и липинского старосты Душильца. Вместо Вячеслава тысяцким избрали Бориса Негочевича. А в Переяславль восставшие послали послов с такими словами князю: «Поеди к нам, забожничье (то есть новые пошлины. — *Ю. Б.*) отложи, судье по волости не слати; на всей воли нашей и на вьсех грамотах Ярославлих ты — нашь князь, или — ты собе, а мы — собе». Ярослав не желал подчиниться Новгороду и отказался поехать туда.

Между тем страсти в Новгороде разгорались. В Сыропустную неделю, 20 февраля 1229 года, ненастной ночью, боярин Федор Данилович и тиун Яким бежали с Городища, прихватив с собою двух юных княжичей. На следующее утро, 21 февраля, собралось вече, на котором худые мужики-вечники по наущению бояр кричали так: «Князь задумал какое-то зло на Святую Софию. Мы не гнали княжичей от себя и самому князю не сделали никакого зла, казнили только свою братию. Пусть судит им в том Бог и Честный крест, а мы промыслим себе князя!» Решили послать в Чернигов и звать к себе на княжение князя Михаила Всеволодовича, который однажды уже был их князем и враждовал с Ярославом. Сразу же после веча в Новгороде начались грабежи, поджоги и убийства.

Юным князьям пришлось воочию убедиться в том, какова на деле так называемая «новгородская свобода», когда плодами демократии пользуются темные силы. Общинная свобода при этом пропадает, и наступает время боярской олигархии, интересы которой весьма далеки от интересов Русской земли: свобода переходит в произвол и преступления, а враги тем временем «розно несут Русь по частям».

В Великом княжестве Владимирском это хорошо понимали. В начале сентября 1229 года во Владимире созвали княжеский снем (съезд) владимиро-суздальских князей под главенством великого князя Юрия Всеволодовича. На нем

решили: от Новгорода не отступаться. Великий князь Юрий и брат его Ярослав, которые чуть было не рассорились из-за новгородских дел (Ярослав решил, что Юрий поддерживает своего шурина, Михаила Черниговского), должны были помириться.

Возвратившись в Переяславль, княжичи познакомились с придворным писателем Ярослава Даниилом, известным под именем Даниила Заточника. Бывший дворянин, наказанный князем за какой-то проступок и сосланный на Лаче-озеро, он вернулся в Переяславль и написал для своего князя полное живости и ума «Моление» в духе византийского писателя Феодора Продрома. Даниил напоминал о своей прежней службе и просил князя не забывать о нем: «Егда веселишися многими яствами, а мене помяни, сух хлеб ядуща; или пьеши сладко питие, а мене помяни, теплу воду пьюща от места незатворена; егда лежиши на мягких постелех под собольими одеялами, а мене помяни, под единым платом лежаща и зимою умирающа». Богатство копится, оно теснит и княжеское. «Конь тучен, — пишет Заточник, — яко враг хранит на господина своего, такое боярин богат и силен умышляет на князя зло». Лучше бы мне «нога своя видети в лапте в дому твоем, нежеле в сафьяновом сапоге в боярском дворе». Безысходное противоречие между бедностью и богатством устрашающе обнажилось перед ним, и он с горечью пишет: «Кому Переяславль, а мне Гореславль, кому Боголюбово, а мне горе лютое, кому Белоозеро, а мне черней смолы».

При выборе слуг и помощников Заточник предлагал судить о людях на основе их деловых качеств и добродетелей. «Не зри внешняя моя, но возри внутренняя моя».

Слова его были созвучны времени. Чувствуя приближающуюся опасность, нависшую на Русью, он предупреждает князя: «Не дай же, Господи, земли нашей языкам, не знающим Бога!»

Политические идеи Даниила Заточника сродни идеям Владимира Мономаха и направлены на укрепление великорусской самодержавной власти, способной объединить страну и защитить ее от вражеского нашествия. Потому в центре внимания автора идеальный образ великого князя, похожего на князя Ярослава Всеволодовича. Князь этот внешне привлекателен, он имеет «глас сладок», а «образ страшен», рука его «не согбена, а простерта на подаяние убогим». Управление князя крепкое и справедливое. Он «глава всем» и «кораблю кормник». Князю нужны советники, умные и справедливые «думцы». Ему надо знать, что не море топит корабли, а волны — «злые думцы». С мудрыми же советни-

ками князь укрепляет «грады и полки». «Змей страшен свистанием, а князь — множеством силы». Боярское самоуправство решительно осуждается. Поддержка сильной великокняжеской власти — «силы» и «грозы» — отвечает как интересам нарождающегося класса дворян, так и самим младшим Мономашичам в лице князя Ярослава и его потомства. Князю Александру Ярославичу, будущему Невскому герою, были весьма кстати советы Даниила Заточника, и он выслушал их с удовольствием и впоследствии, будучи великим князем Владимирским, частично реализовал.

Между тем в Новгороде продолжались распри боярских партий. Весной 1229 года князь Михаил с малолетним сыном Ростиславом прибыл в Новгород и принял власть «на всей воле новгородской». В отличие от князя Ярослава, он пообещал утишить народное недовольство. К тому времени Ярослав с дружиной занял Волок Ламский, перерезав торговые пути Новгорода на Смоленск, Чернигов и Понизье. Это не замедлило сказаться на экономическом положении Новгородской республики. Крестьяне и беднота бежали из Новгородской земли. Князь Михаил освободил «мизинных людей» на 5 лет от даней и подтвердил прежние уставы. Гнев недовольных обратился на сторонников суздальской партии. Глава республики, архиепископ Антоний, был отослан в Хутынский монастырь. В декабре 1229 года по жребию избрали нового владыку. Им оказался дьякон Юрьевского монастыря Спиридон, которого и послали в Киев для рукоположения в архиепископы. В мае 1230 года он вернулся в Новгород и после этого около 20 лет стоял во главе Новгородской церкви.

Весной 1230 года на Руси явились знамения будущих бед. 3 мая случилось землетрясение, которое почувствовали и в Киеве, и во Владимире-на-Клязьме. В Киеве Успенская церковь Пресвятой Богородицы на глазах митрополита Кирилла и великого князя Владимира Рюриковича треснула и раскололась на четыре части. В Переяславле Южном собор Святого Михаила Архангела раскололся надвое, и крыша упала внутрь. Во Владимире в Успенском соборе во время литургии земля дрогнула и заходила ходуном, так что закачались иконы и паникадила.

10 мая в Киеве на рассвете увидели восходящее солнце, казавшееся «ковригой» на четыре угла. А спустя четыре дня «солнце начало погибать», то есть уменьшаться и превратилось в месяц, и так стояло три дня. Тогда же на небесах яви-

лись багровые столпы с синими и зелеными полосами по сторонам от солнца и с небес якобы упал огонь и пропал в Днепре.

Во Владимир прибыл митрополит Киевский Кирилл и стал мирить Ольговичей (Черниговских князей, потомков Олега Черниговского) с Мономашичами. К тому времени князь Ярослав уже готовил войско, чтобы идти на Новгород, против Михаила. Переговоры увенчались миром. Михаил Черниговский готов был к уступкам. Лишь несколько месяцев сумел выдержать он споры и буйства новгородцев, когда одна партия — «суздальцев» — бесчинствовала на улицах города и жгла и грабила дома и пожитки своих политических противников — сторонников черниговских князей. Михаил уехал в Чернигов, оставив наместником пятилетнего Ростислава.

Новгородский летописец Тимофей, рассуждая об этих нестроениях, предрекал еще бо́льшие бедствия. И они не замедлили появиться. В 1228—1230 годах разразился голод. Люди умирали тысячами. Их некому было погребать. Архиепископ Спиридон приказал вырыть огромную яму — скудельницу — близ церкви Двенадцати апостолов и свозить туда трупы со всего города. Более других от голода страдал простой народ. Несчастным приходилось есть мох, кору, лишайник, листья. Дошло до того, что простая чадь стала резать людей и поедать их. Ели псину, конину, кошек. На другой год поставили вторую скудельницу, в конце Чудинцевой улицы, а потом и третью, за церковью Рождества.

Вновь пришло время Ярослава. 8 декабря 1230 года город покинули княжич Ростислав и бывший посадник Внезд Водовик. В Переяславль прибыли послы от веча и попросили князя Ярослава Всеволодовича снова занять новгородский стол. Ярослав согласился. 30 декабря вместе с сыновьями Федором и Александром он прибыл в вольный город, на Городище. Собралось вече, и князь целовал образ Богородицы «на всех грамотах Ярославлих», обещая не нарушать прав новгородцев и их священные обычаи. Прожив в Новгороде около двух недель, он уехал в Переяславль, оставив наместниками своих сыновей.

Среди всеобщих ожесточений впервые в молодом князе Александре Ярославиче проявилось милосердие. Он заступался за сирот и вдовиц, помогал голодающим, чем мог. Из его дворца на Городище никто из приходящих за помощью «не изыде тощ». С новой жатвой в 1232 году голод прекратился, и следующие годы оказались сравнительно спокойными и богатыми на урожай.

Весна 1231 года принесла Новгороду еще одно бедствие — пожар. Выгорел весь Словенский конец. Огненное море распространялось во все стороны, подгоняемое ветром, даже и за Волхов. Уцелевшие от голода становились жертвой пламени или тонули в реке. Все это видели юные Ярославичи. Но ничем не могли помочь несчастным, разве что пригласили немецких купцов из Любека и с острова Готланда с хлебом. Когда уже казалось, что «бяше при конци город сей», в Новгород приплыли немецкие корабли с хлебом.

Стихийными бедствиями старались воспользоваться противники князя Ярослава. На вече раздавались, например, такие возгласы: «Князь целовал икону Пресвятой Богородицы на том, что будет княжить по старине, но все то только на словах! Зачем он уехал из Новгорода в свой Переяславль и увез с собой наших лучших мужей? Не старается ли он погубить Великий Новгород? Не он ли накликал на нас Божью кару — голод, мор и пожарища? Поищем другого князя!» Из Чернигова привезли князя Святослава Трубчевского. Истерзанный голодом, едва живой Новгород чуть было не принял к себе никчемного князя, неспособного стать полководцем, заступником в тяжелую годину испытаний. Вновь дело дошло до военных столкновений между Мономашичами и Ольговичами. Ярослав двинул войско на город Серенск в Вятичской земле. В Пскове же был схвачен и заточен наместник князя Ярослава Вячеслав. Ярослав понял, что надо возвращаться в Новгород. В 1232 году он с сильной дружиной приехал в город. Сперва Ярослав призвал к ответу псковичей, предпринял блокаду Пскова. В конце концов псковичи смирились. Они приехали в Новгород, поклонились князю Ярославу и получили от него князя-наместника. Им стал один из суздальских князей, по имени Георгий.

В 1232 году во Владимир и Новгород пришли вести о том, что татары разоряют земли Камской Булгарии. Ливонские рыцари ждали своего часа, чтобы напасть на Изборск, Псков и Новгород. Надвигалось время тяжких испытаний.

Летом 1233 года семью князя Ярослава постигло несчастье. 5 июня* скоропостижно скончался старший брат князя Александра Федор. Всего год назад, в 1232 году, он участвовал в походе суздальских князей под руководством князя

* По другим источникам — 10 июня.

Всеволода Юрьевича на мордву, а теперь готовился к свадьбе. Князь Федор умер накануне свадьбы, когда все уже было готово для брачного пира. По этому поводу новгородский летописец заметил: «Еще млад (князю было 14 лет. — *Ю. Б.*), и кто не пожалеет о сем, — свадьба пристроена, меды изварены, невеста приведена, князи позваны и бысть в веселия место плач и сетование». Можно себе представить неутешное горе родителей жениха и невесты, а особенно князя Александра. Ведь ушел из жизни друг и товарищ его детских игр, соправитель и соратник в делах княжеских, любимый брат. «Увы мне, Господи! — сетовал князь Александр. — Лучше бы мне умереть вместе с братом, чем жить на этом свете! Дорогой брат и друг, уж не видать мне более твоего ангельского лица, не слыхать твоих ласковых речей!» Теперь будущий Невский герой должен был один жить в Новгороде, а в отсутствие отца вся ответственность за правление Новгородом и Новгородской землей ложилась на его плечи.

Князь Федор был похоронен в Юрьевском монастыре. В XVII веке, после открытия мощей, он был причислен к лику местночтимых святых. Памяти князя Федора была посвящена церковь Святого Феодора на владычном дворе, заложенная архиепископом Спиридоном.

Смерть князя Федора расстроила с немалым трудом готовившееся сближение князя Ярослава с великим князем Черниговским Михаилом Всеволодовичем. Невестой была княжна Феодулия, старшая дочь князя Михаила. Она отличалась благочестием и набожностью и была поклонницей греко-римской античной культуры, хорошо знала греческий язык и была осведомлена обо всем, что касалось Византии. «Она познала все книги Виргилийскы и витийскы, была сведуща в книгах Аскилоповых и Галиновых, Аристотелевых и Омировых, и Платоновых», — говорится в ее Житии. В этом перечне названы имена поэтов — Вергилия и Гомера, философов — Аристотеля и Платона, врачей — Галена и Эскулапа.

Родители Феодулии, стремясь загладить постигшее ее несчастье, хотели поскорее выдать ее замуж в Суздале за князя Мину Ивановича, потомка Шимона Варяга, наместника Суздальской земли. Покорная дочь не противилась воле родителей, но втайне молила Господа о пострижении в монахини... Неожиданно и другой ее жених скончался, когда она ехала к нему в Суздаль. Не спрашивая согласия родителей, княгиня решила постричься в Суздальском Ризположенском женском монастыре, что и было совершено. В иночестве она получила имя Евфросиния. В монастыре жила праведно, за-

нималась врачеванием и поучением заблудших душ, стала игуменьей и скончалась 25 сентября 1250 года. Она была погребена в том же монастыре и в XVII веке причислена к лику местночтимых святых.

Между прочим, игуменье Евфросинии удалось отстоять Ризположенский монастырь от орды Батыя зимой 1238 года.

МЕЧЕНОСЦЫ. БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ НА АМОВЖЕ

В XIII веке над Русью сгустились черные тучи. Первая из них надвинулась с запада. Это агрессия рыцарей-крестоносцев, преимущественно немцев. Вторая туча пришла с востока. Это агрессия татаро-монголов. Волею судьбы Русь оказалась между двух огней, или, по-другому, между молотом и наковальней.

Первая агрессия была направлена против славянских народов и началась еще при Карле Великом в VIII веке. К XIII веку немецкие рыцари продвинулись до Прибалтики и начали покорение прибалтийских народов: пруссов, ливов, селов, латгалов, эстов, куршей, земгалов, литовцев. Покорение это проходило под эгидой креста Христова и римского папы, который непосредственно организовывал крестовые походы. Папа Иннокентий III 7 октября 1207 года послал свою буллу на Русь, обращаясь ко всем русским епископам, клиру и всему русскому народу, и призвал их отречься от православия и склонить голову перед могуществом папы. Следующие понтифики, Целестин III, Иннокентий III, Григорий IX, Иннокентий IV, не раз объявляли крестовые походы против прибалтийских, финского и русского народов. Предлог для военных действий рыцарей — необходимость крестить язычников, покарать еретиков, увещевать и привести к истинной вере отколовшихся христиан греко-православной веры. В начале XIII века в результате IV Крестового похода была захвачена и разгромлена Византийская империя и на ее территории создана Латинская империя (1204).

Участниками крестовых походов были рыцари Европы, считавшие себя представителями романской культуры, обладающими якобы нравственным превосходством над другими; их идеалом стал герой с крестом на плаще. Начали колонизацию католические епископы в Латвии; Мейнард (1184), Бертольд (1198) и Альберт Буксгевден (1199—1229), основавший Ригу (1201). В 1202 году для привлечения крестоносцев всей Европы в Риге было создано «Братство воинов Христовых», или «Орден меченосцев». Сперва меченос-

цы подчинялись Рижскому епископу. В 1207 году они добились от Рижского епископа уступки им одной трети всех завоеванных земель. Члены ордена — рыцари, или «Божии слуги», — носили белые плащи с изображением красного креста и меча. Члены ордена делились на три разряда: «братья-рыцари», главным занятием которых была война; «братья-священники», составлявшие духовенство; «служащие братья», выполняющие обязанности оруженосцев, ремесленников, слуг.

Вступая в Орден, каждый рыцарь давал обет беспрекословного послушания. Уставы орденов тщательно регламентировали поведение рыцарей в походе и в бою. Во главе Ордена стоял магистр, избираемый на совете знатнейших рыцарей. Во главе замков находились командоры и фогты — судьи. Вспомогательные войска состояли из кнехтов. Завоеванные земли Орден раздавал вассалам и духовенству в ленное владение. Повсеместно вводилось католичество. Язычники, еретики и отступники предавались высшему церковному суду, согласно церковной конституции папы Григория IX (1231).

Меченосцы вели непрерывные войны с прибалтийскими народами. Но поскольку новгородские князья стремились защитить своих давних союзников и данников, рыцари в конце концов скрестили мечи с русскими, первоначально на полях Эстонии и Ливонии. Об этом свидетельствуют «Хроника» Генриха Латвийского, немецкие хроники и русские летописи. Все началось еще в 10-е годы XIII столетия. В этих войнах активное участие принимали новгородские и суздальские князья, призванные на защиту Новгорода новгородским вече, — князья Мстислав, Ярослав и его сын Александр. Нередко к ним обращались за помощью эсты, ливы или латгалы для защиты своих родных земель от немецкой агрессии. И новгородцы спешили на помощь, понимая, что против них идет страшная сила — вся Европа с королями и римским папой!

Масла в огонь подбавила Дания. Датские рыцари во главе с королем Вальдемаром оккупировали северную часть Эстонии с городом Ревелем (по-русски, Колыванью), получившим новое название — «Датский город» (Таллин). Меченосцы подали протест в суд Римской курии. Однако папа Гонорий III принял сторону датчан, и последние надолго остались на Эстонской земле.

Римская курия постоянно поддерживала медленно и планомерно тлевшую агрессию. Интересы Святого Престола в Риге стал представлять специальный легат — епископ Мо-

денский Вильгельм, склонявший псковских бояр к союзу с Римом. Действия римской курии подкреплялись мощью двух военных орденов в Ливонии: Меченосцев и Святой Марии (Тевтонского).

В 1224 году ливонские рыцари-меченосцы захватили крепость Юрьев в земле эстов. Эту крепость построил еще в 1030 году великий князь Киевский Ярослав Мудрый для сбора дани. До 1224 года там находился русский гарнизон, но немцы изгнали русских, срыли крепость до основания и построили свою крепость — Дерпт, или Дорпат. С 1220-х годов крестоносцы усилили натиск на восток под предлогом «крещения язычников». Авангардную роль взял на себя Тевтонский орден Святой Марии, приглашенный из Палестины в Восточную Пруссию польским герцогом Конрадом Мазовецким в 1230 году.

Тевтонцы превосходили меченосцев во всех отношениях. Сам Орден был утвержден папой еще в 1192 году. На Балтийском побережье между Вислой и Неманом они появились в 1225 году. Тевтонцы носили черные туники и белые плащи с черным крестом на левом плече. Согласно их уставу, близкому к уставу тамплиеров, но более суровому, орден состоял почти исключительно из немцев, принадлежавших к старинным и знатным рыцарским фамилиям. Кроме общих монашеских обетов, тевтонцы обязывались, вступая в Орден, ухаживать за больными и сражаться против врагов латинской веры. В то время Орден располагал значительными денежными ресурсами и недвижимостью, подаренной ему германским императором. Первоначально он был предназначен для Святой Земли (Палестины). Однако вследствие его неудач там, Папская курия разрешила рыцарям переселиться в Восточную Европу, чтобы помогать Риму вести миссионерскую деятельность среди славян и прибалтийских народов. На деле же это вылилось в агрессию против Руси и соседних народов. Тевтонцы весьма преуспели в покорении литовского племени пруссов и почти полностью истребили его. Это-то и дало мысль Конраду Мазовецкому использовать тевтонцев против литовцев. Начавшаяся агрессия ускорила процесс образования независимого Литовского государства. Эсты и ливы создать свое государство попросту не успели. Потерпел поражение и полоцкий князь Владимир, вынужденный уступить немцам часть земель по берегам Западной Двины (Даугавы). К счастью, в Новгороде именно в это время утвердился князь Ярослав Всеволодович, который сумел понять смысл агрессии Запада и воспротивиться немецкой агрессии на земли прибалтийских народов.

Отношения между Орденом и Новгородской республикой обострились к 1233 году. С помощью изменника новгородского боярина Бориса крестоносцы взяли пограничную крепость Изборск, но псковская рать отбила город. В том же году ливонцы схватили некого Кирилла Синкича, вероятно новгородского лазутчика, в местечке Тесово и, заковав его в цепи, посадили в темницу в замке Медвежья Голова (Оденпэ).

Весной 1234 года князь Ярослав Всеволодович с дружиной и новгородским ополчением выступил в поход. За одну неделю ратники прошли около 300 километров. Впервые рядом с отцом в военных действиях участвовал и Александр. Новгородцы вошли в земли, контролируемые Ливонским орденом, и вызволили Синкича из плена. Немцы «сели в осаду». Русские пустили свои отряды «в зажитья», забирая зерно у населения. Немецкие разведывательные отряды выступили из Дорпата и вскоре столкнулись со «сторожами» (дозорами) князя Ярослава. Стычки продолжались до подхода главных сил новгородской рати. Князь Александр, закованный в латы, со щитом и мечом, в шлеме с развевающимися перьями, принял участие в сражении как простой латник. Это было его первое боевое крещение. Битва произошла на заснеженном поле между Дорпатом и берегом реки Эмайыги (или Амовжи, Эмбаха), куда князь Ярослав выманил немцев из их крепостей. Юный Александр впервые увидел в деле ражих немцев, закованных в латы, с латинскими шлемами на головах и в белых плащах с черными крестами поверх лат, с мечами и секирами, с дротиками, пиками и щитами. Многие были на конях, одетых в броню. Немцы вели себя нагло и самоуверенно. Впрочем, русские быстро сбили с них спесь. Юный Александр с неизъяснимым наслаждением наблюдал за тем, как немцы, рассыпав строй, бросились бежать. Русские догоняли их и одним ударом острого меча рассекали их шлемы. Александр старался ничуть не меньше других.

Русские прижали рыцарей к реке. Они загнали их на весенний, непрочный лед. И тут «обломился лед, и истопло их много, а иные, израненные, побежали в Юрьев и в Медвежью Голову», — свидетельствует летописец.

Новгородцы в битве не потеряли ни одного человека, а у суздальцев погибло всего пятеро. Русские сильно разорили владения дерптского епископа и опустошили нивы.

Ордену пришлось поклониться князю Ярославу и заключить мир «на всей воле новгородской». Очевидно, князь Ярослав выговорил для себя и своих потомков такую большую дань, что о ней вспоминал в 1558 году царь Иван Грозный.

На этом ратные подвиги юного князя не закончились. Отец взял его с собой в новый поход — на литовцев.

В тот год литовцы напали на Старую Руссу, но горожане их отбили и заставили отступить на юг. Князь Ярослав бросился в погоню и стал преследовать литовцев конной ратью вдоль Ловати. В конной рати находился и князь Александр. Настигли литву у Дубровны, у одного селища в Торопецкой волости. Литовцы были наголову разбиты и разбежались по дремучим торопецким лесам. Они потеряли 300 лошадей, весь товар и множество оружия. Многие здесь «и костью пали». Новгородцы же потеряли десять человек, в том числе двух знатных воинов — Федора Якуновича и Гаврилу Негутина.

НА НОВГОРОДСКОМ СТОЛЕ

В 1236 году князь Ярослав Всеволодович отправился из Новгорода на великое княжение в Киев.

С собой князь взял малую дружину и больших бояр новгородских: Судимира Славенского, Якима Влунковича, Костю Вячеславича и сотню воинов-новоторжцев; позже он их всех одарил и отпустил обратно в Новгород. А в Новгороде, собрав вече, посадил на столе вместо себя своего старшего сына Александра.

Обряд посажения на престол был совершен у стен Святой Софии. Благословляя своего сына и вручая ему меч, Ярослав говорил так: «Крест будет твоим хранителем и помощником, а меч твоею грозою! Бог дал тебе старейшинство между братьями, а Новгород Великий со времени князя Рюрика — старейшее княжение во всей земле Русской!»

Архиепископ Спиридон возложил руки на главу князя и вознес молитву Царю царей, чтобы Он «из святого жилища Своего благословил верного раба Своего Александра, укрепил его силою свыше, утвердил его на престоле Правды, оградил оружием Святого Духа и показал его доблестным защитником соборной церкви Святой Софии». На «грамоте Ярославлей» Александр поклялся соблюдать вольности новгородские и не вступаться во внутренние дела боярские и веча. Затем весь новгородский люд принес торжественную присягу на верность князю. Все целовали крест и громко кричали Александру: «Ты наш князь!»

Между тем бирючи разъезжали по площадям и улицам новгородским и приглашали всех от мала до велика на честной пир княжеский в Городище. Там в изобилии были при-

готовлены меды, вино, квасы, пиво и кушанья для простого люда: шти, каша, овощи. Не один день продолжалось веселие. Новгородцы любили своего юного князя и гордились им.

Так кончилась тревожная юность, и шестнадцатилетний Александр стал новгородским князем. На новгородском столе он прокняжит до 1252 года да и потом до конца своей жизни будет вынужден решать дела новгородские. Отец укротил немного нрав новгородских бояр, но все же они оставались спесивыми, своевольными, сварливыми и неуемными, если, как пишет Троицкий летописец, даже князь Александр так и не смог им никогда угодить. Клятва на грамоте Ярослава Мудрого, конечно, сдерживала самодержавную волю юного Мономашича, но милость к людям и забота о них побуждали князя-воителя всегда уступать и забывать свои обиды ради Земли Святорусской. Вероятно, это объяснялось тем, что еще с детства князь Александр был «доблим христианином», заранее отмеченным Богом как будущий народный заступник.

Бог наградил его и величественной внешностью, отличавшей князя от прочих людей*. Весьма украшен он был телесным благолепием, пишет автор княжеского Жития, красотою лица своего он превосходил сына Иакова Иосифа Прекрасного, а ростом был выше других людей: деисус** мог целовать! А голос его был настолько силен, что гремел на вече, «аки труба». Мудростью князь Александр уподобился царю Соломону, кротостью — Давиду Псалмопевцу, силою же — Самсону-богатырю, а храбростью и мужеством — римскому царю Веспасиану и сыну его Титу, некогда взявшим Иерусалим в стране Иудейской. Всем почтил Бог князя Александра — своего угодника и молебенника за людей в сем веке и в будущем, так говоря: «Пусть так благословится человек, который боится Господа и целомудренный смысл имеет», ибо как говорится в Писании: «Кому много дано, с того много и взыщется», и еще: «Сильные силою испытаны будут в день испытания».

«День испытания» еще не наступил, но он приближался. Впереди были 15 июля 1240 года и 5 апреля 1242 года.

Князь Александр и сам поучал людей, нарочитых властелей новгородских, так говоря им со ступеней Святой Софии: «Чада и братия! Вы приняли от Бога начальство над

---

* В Строгановском иконописном подлиннике XVII века облик князя Александра описан следующим образом: «Александр Невский — средовек, рус, плечист телом, сановит и добротою исполнен, власы кудреваты и кудерцы видать».

** Деисус — верхний молебенный ряд в иконостасе.

людьми Божиими, от Него и будете испытаны в День Судный, как об этом сказал пророк: “От рук ваших изыщу людей сих, и кровь ваша вместо крови их будет” Потому подобает нам начальство иметь праведное, как указал Бог. Прежде всего надлежит нам возлюбить Бога от всей души и всем помыслом, а потом возлюбить ближнего своего как самого себя, по апостольскому поучению утверждаясь, как там сказано: “Откажемся в сердцах наших от всякого вопля и хулы, зависти; ярость же и гнев не проникнут в сердца наши, милостынею же и любовью светло украсим себя” Бескорыстную милость творите, да и от Бога без корысти милость приемлем. Виновных перед вами простите, подобно тому, как и вам простят вину ваших грехов. Защитите же себя страхом Божиим, с помощью которого всякую правду будете творить. И пусть будут ваши суды праведными и бескорыстными, потому что вы — судии Божии. Лиц же сильных — не бойтесь, убогих — милуйте, обиженных избавьте от неправедных насильников, никого не обижайте, но довольствуйтесь своим, между собою совет благой имейте, по Апостолу: “даней и оброков ваших с людей не берите больше позволенного вам”, и чтобы никто не был обиженным вами. Согрешивших наказывайте милостиво, с умом их принимайте также, как и вы некогда будете суду Божьему и нашему повинны. Ведь написано у пророков об этом, что вопль убогих вопиет к Господу и на вас, и “Аз отмщу вам за вопль их” Потому остерегайтесь насильничать и не обижайте подданных вам, праведный суд творите, не мстя со рвением никому».

Услыхав эти слова, пишет агиограф, «бояре, и все вельможи, и властители, преклонив колени свои, и на землю головы положив, со слезами воскликнули все радостно и обещали все сотворить по заповеди его».

Услышав о красоте и силе Александровой, рассказывает Житие, пришел в Новгород некто от Западных стран, от «слуг Божиих» Ливонского ордена, рыцарь по имени Андреас фон Фельвен. Он пожелал увидеть предивный облик князя Александра и услышать сладкие слова его премудрости — подобно тому, как в древности приходила к царю Соломону царица Савская Балкиза. Та ведь тоже возжелала больше жизни увидеть красоту и услышать премудрости библейского царя, создателя храма Соломонова.

Когда Андреас увидел князя Александра на престоле в княжеской палате Рюрикова Городища, то весьма удивился его высокому росту, его премудрости и благородству. И будто бы сказал так: «Подобного светлому ангелу увидел я его».

А когда возвратился в Ригу, то стал рассказывать о нем «Божиим слугам»: «Прошел я многие страны и видел я многих царей и князей, но нигде не встречал подобного ему красотой, мужеством и мудростью: ни среди царей, ни среди князей. В целом свете нет такого, как новгородский князь Александр Ярославич!» Так пишет автор Жития святого князя.

Можно думать, что достопочтенный Андреас действовал в качестве лазутчика рыцарей-крестоносцев. 12 мая 1237 года папа римский Григорий IX утвердил объединение двух орденов — Тевтонского и Ливонского (бывшего Ордена меченосцев). Теперь магистр Тевтонского ордена, сидевший в Восточной Пруссии, в замке Мальброк, стал великим магистром — гроссмейстером, а находившийся у него в подчинении магистр Ливонского ордена в Риге принял титул ландмейстера. Братьям-рыцарям пришлось сменить свое прежнее одеяние и облачиться в одежду тевтонов — белую мантию с черным крестом. Цель же у рыцарей осталась прежней: завоевание прибалтийских и русских земель. И русских, и прибалтов они одинаково называли «врагами креста».

В 1238 году папа Григорий IX и гроссмейстер Тевтонского ордена Герман фон Зальц подписали секретный договор, по которому предусматривалась организация крестового похода в земли язычников: ижорян, вожан, карел и русских. В специальной булле папа призвал немецких рыцарей выступить и против финнов, уклоняющихся от крещения по католическому обряду. Войска крестоносцев стали исподволь стягиваться к границам Новгородской республики.

...Недобрые знамения на небе предвещали скорые беды. На третий день августа 1237 года, сообщает летописец, «бысть знамение в солнце... бысть тьма с запада в нем, и бысть аки месяц 5 дней, а с востока — светло, и опять с востока тьма бысть». Солнечное затмение вселило страх и трепет в людские души накануне страшного нашествия агарян.

«БЫСТЬ ПОПОЛОХ ЗОЛ ОТ ЯЗЫКА НЕМИЛОСТИВАГО...»

Это случилось еще в далеком 1223 году... Князю Александру исполнилось три года, когда скоротеча от великого князя Юрия Всеволодовича, из Владимира, принес в Переяславль недобрую весть: 30 мая того года, при великом князе Киевском Мстиславе Романовиче, пришли на Южную Русь неслыханные прежде люди, безбожные моавитяне, называемые татарами, о которых никто ничего толком не знал: ни кто они, ни откуда и зачем пришли, ни каков язык их,

ни какого они роду-племени, ни какова их вера. Одни называли их татарами, другие — таурменами, а третьи — печенегами. Ученые монахи из Киево-Печерского монастыря рассказывали, что это те самые народы, о которых писал некогда в своем «Откровении» святой Мефодий Патарский: вышли они будто бы из пустыни Етривской, чьи зыбучие пески простираются между востоком и севером, а загнал их в те пески библейский пророк Гедеон, и должны прийти они в День Судный и тогда полонить всю землю от востока и до Евфрата и от Тигра до Понтского моря. А пресвитер церкви Спаса-на-Берестове в Киеве, говорят, рассказывал, что это будто бы нечестивые народы Гог и Магог, поедавшие падаль и заключенные на севере в ущелье владыкой полумира Александром Македонским, а вход в ущелье заперт медными воротами, а щели замазаны волшебной мазью — синклитом. По гласу трубы архангела Гавриила те ворота падут с петель и из ущелья хлынут на просторы Божьего мира полчища нечестивых. И вот уже покорили они страны асов, обезов, касогов, куманов, рекше половцев. Настал черед Русской земли.

Тридцатитысячное конное войско монголов под руководством «цепных псов» Властителя мира Чингисхана — Джебэ и Субедея — прорвались в Половецкую степь и вышли к границам русских княжеств, на Днепр, к Зарубу. К апрелю 1223 года стяги князей киевских, черниговских, смоленских, северских, волынских и галицких стали собираться к Днепру. Здесь были четыре князя Мстислава: галицкий Мстислав Удалой (дед Александра Невского), киевский великий князь Мстислав Романович, черниговский Мстислав Святославич и волынский Мстислав Ярославич, по прозвищу Немой, а также силы половецких ханов и русских удельных князей; всего войска было до 150 тысяч. 12-миллионная Русь могла выставить и больше воинов, но не было единства в Русской земле: каждый князь видел в своем собрате соперника и, по словам автора «Слова о полку Игореве», про малое — «се великое» говорил, стремясь отнять у брата города и веси, чтобы обладать еще бóльшими богатствами.

31 мая 1223 года неподалеку от речки Калки (Кальмиуса) русское войско встретилось с главными силами монголо-татар. Битва продолжалась до 16 июня.

Княжеские дружины, переправившись на левый берег Днепра у острова Хортицы, вступали в бой по частям и сравнительно легко разбивались согласованными ударами монгольской конницы. Бешеный натиск дружины Мстислава Удалого не был поддержан остальными. Нестойкими по-

казали себя половцы, которые не выдержали удара монгольской конницы и побежали, расстроив боевые порядки союзников. Сильнейший русский князь Мстислав Киевский вообще не принял участие в битве. Он укрепился со своими полками на холме возле Калки и простоял там до конца боя; в конце концов, он и его войско сдались монголам и все погибли. Удар конницы Джебэ и его сына Нимруя решил исход битвы в пользу восточных завоевателей. Монгольская конница преследовала бегущих до Днепра, безжалостно их убивая. Потери русских были огромными. По свидетельству летописцев, в битве погибло шесть князей, а из простых воинов вернулся домой лишь каждый десятый. Лишь Мстиславу Удалому удалось спастись, и он бежал в Галич.

Однако монголо-татары не воспользовались победой: видимо, их потери были значительны. Они дошли до города Новгорода-Святополча на Днепре, разорили этот город и поросские крепости, затем повернули в степи, где потерпели поражение от волжских болгар на Волге у Кермека (17 сентября 1223 года), и дошли до Бухары, где их ждал Чингисхан. Хан был доволен походом Джебэ и Субедея и расценил его как «разведку боем». Монголы готовились к завоеванию всего мира. А русские князья так и остались в неведении относительно истинных целей монголов: «не сведаем, откуда быша пришли на нас и камо ся дели», пишут летописцы.

Великий князь Юрий Всеволодович не принял участия в битве, не помог южнорусским князьям. Послал в Киев лишь своего племянника князя Василька Константиновича с ростовской и суздальской дружинами — всего 800 воинов, да и те дошли до Чернигова и, узнав там о горьком поражении на Калке, вернулись обратно в Ростов.

Но вот о чем не знали русские в те благополучные и внешне безмятежные для них годы.

В конце XII — начале XIII века в степях Центральной Азии сложилось единое Монгольское государство во главе с Темучином, сыном Есугей-Боатура, которому монгольская степная аристократия присвоила титул Чингисхана, или Великого хана (1189 год). Это государство представляло собой абсолютную военно-феодальную монархию, организованную на десятичной системе. С 1206—1207 годов монголы начали проводить экспансионистскую политику и быстро покорили страны Центральной Азии. Чингисхан объявил главной целью своей политики подчинение монголам всего мира. Реализация этого грандиозного замысла началась в 1220-е годы, но в 1227 году Чингисхан умер, оставив своим сыно-

вьям и внукам завещание — «Ясу». Монгольская империя при сохранении единства была разделена между тремя сыновьями Чингиса и внуком Батыем, сыном старшего Чингисида Джучи (который был убит еще при жизни отца). По этому разделу старший, Угедей, получил Каракорум и Монголию, Чагатай — Среднюю Азию и Туркестан, Тулуй — Маньчжурию и северный Китай (ему же досталась монгольская армия числом в 101 тысячу воинов из 129 тысяч), внук Батый — западную часть царства за рекой Иртыш, Аральским и Каспийским морями. По сообщению персидского историка Рашид-ад-Дина, «Джучи на основании высочайшего повеления Чингисхана должен был отправиться с войском завоевывать все области Севера, то есть Сибирь, Булар, Дешт-и-Кыпчак, Башкирд, Рус и Черкес»; теперь миссию отца предстояло выполнить Бату.

Собравшийся в 1229 году курултай монгольской знати избрал великим ханом Угедея, подчинив ему братьев и племянника. Курултай же, собравшийся на реке Онон в 1235 году, постановил продолжить завоевания: Тулуя послали в поход на южный Китай, Чагатая — в Персию. Бату с его 300-тысячной армией было поручено завоевание Запада. Персидский историк Ал-Джувейни писал, что на этом съезде «состоялось решение завладеть странами Булгар, Асов и Руси, которые находились по соседству становищ Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью». В помощь Бату были даны войска 14 ханов, в том числе Мункэ, Бучека, Гуюка, Кадана, Кулькана, Бури, Байдара, Тангута, Бюджика, Шибо и других; из Китая был срочно вызван полководец Субедей, покоритель 32 народов, выигравший 65 сражений.

Чистокровных монголов в войске Батыя насчитывалось 140 тысяч, остальные были из тюркских народов, в том числе из маленького племени с Алтая «тотар» (10 тысяч воинов).

Татарский (булгарский) полководец и летописец Гази-Барадж Бурундай, сочинение которого дошло до нас в составе так называемого «Свода булгарских летописей» (1680 год), так характеризовал свое войско и его морально-политические качества:

«Кроме доспехов, татары имели отважные сердца, совершенно не знающие жалости, и среди них никогда не было недисциплинированных или усталых. Каждый из них знал, что если он не ожесточится, не подчинится или устанет — то будет убит на месте. Они делились на десятки, сотни, тысячи, тумены. За трусость в бою одного убивался десяток, за трусость десятка — сотня, и так далее. А казни у них были

такими жестокими, что я, видевший всякое, не мог досмотреть до конца ни одной, ибо по сравнению с ними самая тяжелая гибель в бою была наслаждением. Татарам же было запрещено при этом отводить глаза или как-то выражать свои чувства, поэтому казни, виденные мною, татары наблюдали в полной тишине и с бесстрастными лицами. А придерживались они такого зверства с той поры, как Чингис изрек: "Жестокость — единственное, что поддерживает порядок — основу процветания державы. Значит, чем больше жестокости, тем больше порядка, а значит — блага" И еще он говорил: "Сам Тангра повелел подняться нашей державе, а его волю нельзя понять разумом. Жестокость должна выходить за пределы разума, ибо только это поможет осуществлению высшей воли"

Татары ненавидели ислам потому, что считали мусульман, с радостью расстающихся с жизнью во время джихада, опасными для себя. И наоборот, они любили христианство и веру хинцев (китайцев. — *Ю. Б.*), призывающих к покорности и жалости, ибо считали их последователей слабыми и готовыми для подчинения им... За убийство знатного человека они убивали всех подчиненных, а за убийство вождя — весь народ. Однажды мэнхолским племенем татар, по имени которого чинцы назвали всех мэнхолов (монголов. — *Ю. Б.*) в память об их былом первенстве над ними, был убит отец Чингиса; за это все татары были перебиты, включая женщин и детей. И с тех пор они называли татарами всех тех немэнхолов, которые им служили и которых они посылали в бой на смерть впереди себя. И эти служилые татары кричали в бою: "Татар! Татар!", что означало: "те, кто не подчинится Мэнхолу, будут истреблены как татары"

В войнах они не щадили ни женщин, ни детей, поэтому женщин у них было мало и разврат считался делом обычным. Мужеложество и скотоложество они ни во что не ставили. Грабежи и насилия они делали только после получения разрешения, а захваченными детьми, женщинами и юношами пользовались по очереди всем подразделением. Татары никогда не мылись, как кыпчаки, ибо это воспрещали их законы. Привычка к подчинению сделала их сдержанными и тупыми, хотя некоторые их вожди сохраняли и гостеприимство, и рассудительность, и другие достоинства. Эмир Субятай был главным авторитетом для них в военных вопросах, и высший воинский титул бахадира, дававшийся только природным мэнхолам, уравнивал его в военных вопросах с Чингисом и его потомками. Чингизиды считали себя господами всего мира и решали вопросы жизни и суще-

ствования остальных с точки зрения выгодности для них. Почти все они были крайне суеверны и ни в грош не ставили все чужое».

Осенью 1236 года началось завоевание Волжской Булгарии. К весне 1237 года оно закончилось, монголы приступили к завоеванию Половецкой степи. Настал черед Руси.

Только к зиме, осознав наконец, какая угроза нависла над ними, русские князья стали собирать ополчения и дружины. Но было уже поздно. Им противостояла лучшая армия в мире — многочисленная, дисциплинированная, прекрасно организованная и вооруженная, использующая передовую китайскую военную технику. Наступая, монголы двигались по туменам (10 тысяч воинов), выпускали вперед конные сторожевые отряды. Подходя к врагу, засыпали его стрелами, отступали, заманивая, потом ударом конницы опрокидывали наступавших. Вступая в чужую землю, шли облавой, разрушая и сжигая города, убивая всех живых перед собой, потом лавы сходились для нанесения запланированного удара в нужном месте. Монголы использовали пленных побежденных стран, направляя их в цепях и с бревнами впереди монгольского войска, используя их одновременно и вместо тарана, и вместо живых щитов. Их действия были коварны и беспощадны: они не щадили никого и ничего. Лишь воля хана была законом для нукера. В Батыевой орде каждый привык к войне сызмальства. И вот эта орда надвинулась на Русь со всеми кочевьями, обозами, с женами и детьми, составляющими тыл орды и одновременно ее обеспечение. Татарская конница не могла идти облавами среди русских лесов, болот и озер. Потому для похода на Русь Бату-хан выбрал зиму, когда реки и болота скованы льдом и представляют собой идеально ровную дорогу.

В начале декабря 1237 года Бату через мордовские леса вышел на реку Воронеж, служившую границей Рязанского княжества. Он послал к великому князю Рязанскому Юрию Ингваревичу послов — «жену чародеицу и два мужа с ней» — и потребовал десятины во всем: в людях, в конях, в князьях. Большой совет в Рязани отверг требования Батыя: «Деды и отцы наши дани никому не давали и в рабах ни у кого не бывали, а за свою честь и отечество умирали: так и мы хотим честь свою оружием или смертью сохранить!» Ответное рязанское посольство к Батыю принесло хану богатые дары, но покорности он так и не дождался. Посольство возглавлял сын Юрия князь Федор Юрьевич. Батыю было известно, что у Федора очень красивая жена. «Дай мне, княже, ведети жены твоей красоту», — потребовал хан. Князь

Федор ответил отказом, за что и он сам, и его спутники были зверски убиты. Когда супруге Федора, княгине Евпраксии, сообщили о гибели мужа, она «ринулася из превысокого храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли и заразися до смерти», то есть убилась.

Великий князь Юрий Ингваревич послал за помощью в Чернигов и во Владимир, но тщетно. «О господиа и братия моя, — обратился князь к боярам своим, — еще от руки Господня благая прияхом, то злая ли не потерпим? Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воле быти». И выступил с воинством на врага, на реку Воронеж. Началась злая сеча. Рязанцы, муромцы, пронцы бились с врагом, превосходящим их численно в десятки раз, и все пали геройской смертью, в том числе и князь Юрий Ингваревич. Из князей в живых остался только князь Олег Ингваревич Красный. Он истекал кровью от многих ран, и его взяли в плен поганые. Батый, потрясенный мужеством и красотой Олега, хотел его «изврачевати от великих ран и на свою прелесть возвратити». Олег гордо отказался и был осужден на долгий и мучительный плен (он пребывал в плену до 1252 года).

«Батый начал воевать Рязанскую землю и велел бить, и сечь, и жечь без милости». 16 декабря татары подошли к стенам Рязани и осадили ее. В городе было только 4 тысячи защитников, и татары превосходили их более чем в сто раз. Оборону возглавил Игорь Ингваревич. Он надеялся отсидеться за крепкими стенами, пока не подойдет войско великого князя Владимирского Юрия. Но Юрий все не шел. Тогда племянник Игоря князь Роман Ингваревич вышел из крепости и напал на татар. Силы оказались неравными, и князь Роман был вынужден уйти на север. Шесть дней татаро-монголы штурмовали город. 21 декабря Рязань пала. Монголы ворвались в соборную церковь Пресвятой Богородицы, служившую последним прибежищем осажденным. Они посекли под сводами храма княгиню Агриппину Ростиславну со снохами, княгинями и внуками. Там же были сожжены все люди, в том числе епископ Рязанский с духовенством. Все жители погибли. Город разграблен и сожжен. Чудные соборы Рязани разорены, а их алтари залиты кровью. «И все узорочье и красота рязанские погибли!» — записал летописец.

От Рязани несметные полки татарские устремились по льду реки Оки к сильной крепости Коломне, которая находится у впадения речки Коломенки в Москву-реку. По пути были сожжены города Ольгов, Переяславль Рязанский, Пронск, Ижеславль и другие. Немного не дойдя до Колом-

ны, на поле к северу от Оки татаро-монголы увидели русское войско, 1700 человек, которое готовилось напасть на них. Это было войско рязанского боярина Евпатия Львовича Коловрата. Тот частью привел его из Чернигова, частью собрал по Рязанской земле, разгромленной Батыем. Коловрат напал на татар словно жалящая оса. Началась сеча. «Еупатию тако их бьяше нещадно, яко и мечи притупишася, и емля татарские мечи и сечаша их», — пишет автор «Повести о разорении Рязани». Изумленные монголы подумали, будто мертвые рязанцы восстали против них. А Евпатий несколько раз проехал татарские полки, «бьяше их нещадно». Батый послал на Евпатия шурина своего Хостоврула с полком, чтобы взять богатыря живьем. Хостоврул съехался с ним в поединке. Рязанский боярин был могучим воином и рассек Хостоврула своим мечом от макушки до седла на две половины. Оставалось прибегнуть к последнему средству — стенобитным орудиям, которые татары навели на воина. И так убили его. Тело Евпатия принесли в стан Батыя. По преданию, он собрал своих темников и ханов и, подивившись величине тела и мощи русского богатыря, сказал: «Если бы у меня такой служил, держал его против сердца своего». Тело Евпатия отдали оставшимся в живых рязанским воинам. Татары отпустили их, не причинив им вреда.

Хан Батый еще из Рязани направил во Владимир посольство к великому князю Юрию с предложением мира. Но великий князь не поверил монголам, предупрежденный пронским князем Кир-Михаилом. Тот подробно рассказал Юрию о том, как воюют монголы, как велико их коварство и как презирают они другие народы. Великий князь послал навстречу монголам большое войско во главе со своим сыном князем Всеволодом. Решающая битва произошла возле Коломны, «за надолбами».

Русское войско насчитывало до 100 тысяч человек. В нем находились остатки рязанских полков во главе с князем Романом Ингваревичем, а также дружины и народные ополчения из Пронска, Москвы, Великого Новгорода (князь Александр послал!), Владимира, Суздаля, Ростова, Ярославля, Углича, Костромы, Переяславля и других городов. Первым с татарами сразился разведывательный отряд воеводы Еремея Глебовича. Воевода пал смертью храбрых. Летописи отмечают, что «была сеча велика», в ней принимало участие все татаро-монгольское войско (до 500 тысяч) во главе с 14 Чингизидами. В ожесточенной сече одному из них, Кулькану, была нанесена смертельная рана, и он скончался. По количеству участвовавших в сражении воинов и по упорст-

ву это была самая крупная битва Батыева нашествия. Инициатива несколько раз переходила из рук в руки. Наконец, последовал стремительный удар монгольской конницы по центру, владимиро-суздальские полки были смяты и отступили к «надолбам». Тут владимирская рать была перебита, а князь Всеволод «в мале дружине» едва смог пробиться через кольцо врагов и вернуться во Владимир. Тем временем главные силы монголов под началом Гуюк-хана двинулись по льду Москвы-реки на крепость Москву. К 1238 году Москва уже была большим и многолюдным городом со своим молодым князем Владимиром Юрьевичем, сыном великого князя Владимирского. Персидский историк ал-Джувейни сообщает следующее: «Они (то есть татаро-монголы. — *Ю. Б.*) отправились в земли Руси и покорили ее в области города М.к.с. (Москвы. — *Ю.Б.*), жители которого по многочисленности своей были точно муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что в нем нельзя было проползти змее. Царевичи напали на город со всех сторон. Сначала с каждой стороны положили дорогу такой ширины, чтобы по ней могли пройти три или четыре воза, поставив против стен метательные машины, и в несколько дней ничего от города не оставили, кроме его имени».

Сообщение ал-Джувейни подтверждается известиями русских летописей, в которых говорится, что москвичи, возглавляемые своим воеводой Филиппом Нянькой, пять дней бились в крепости, но были почти все перебиты «от старца и до сосущего младенца». И город сожжен был и разграблен, а юный князь Владимир попал в плен.

Третьего февраля 1238 года, во вторник мясопустной недели, хан Бату привел свои войска под стены Владимира. Еще прежде он овладел Суздалем, разграбив и предав все огню, в том числе и церковь Пресвятой Богородицы. Поход от рязанских пределов до Владимира продолжался больше месяца. Монгольское войско проходило в среднем до 15 км в день, что говорит о сильном сопротивлении русских. Теперь настал черед стольного града. Несметные полчища агарян окружили его. А владимирцы затворились в городе вместе со своими князьями Всеволодом и Мстиславом и воеводою Петром Ослядюковичем. Великий же князь поехал на север, на реки Мологу и Сить, собирать войска.

«Где князья рязанские? Где ваш князь? Все они нами смерти преданы», — кричали татары по-русски, разъезжая на лошадях вдоль стен. В ответ посыпались стрелы. «Не стреляйте! — закричали татары и вывели перед Золотыми

воротами пленного князя Владимира, бледного, худого, дрожащего. — Знаете ли сего князя?»

Князья Всеволод, Мстислав и все бояре и горожане, стоя на стенах, заплакали в голос, увидев князя Владимира в руках врагов.

Татары же отъехали от Золотых ворот и начали окружать город тыном и придвигать к стенам осадные орудия, подготавливая штурм хорошо укрепленного города.

Земляные валы и стены Владимира имели протяженность семь километров, ширину 20 метров и высоту 7 метров. Они служили защитой 40-тысячному населению. Однако толщина стен была менее метра, и они не могли выдержать ударов камнеметов, не говоря уже о стенобитных орудиях. Увидев приготовления татар, князья Всеволод и Мстислав стали укреплять свою дружину, так говоря: «Братья, лучше нам умереть перед Золотыми воротами за Святую Богородицу и правую веру, нежели сдаться поганым!» А воевода Петр Ослядюкович добавил: «Язык немилостивый навел на нас Господь за наши прегрешения!»

Рано утром 7 февраля штурм возобновился. По примету — наваленным сырым бревнам и хворосту — и через проломы в стенах, особенно возле церкви Святого Спаса, враги ворвались в город. Они проникли в западную, княжескую часть города у Золотых ворот, затем со стороны реки Лыбеди — к Орининым и Медным воротам, и от Клязьмы — к Волжским воротам. Войсками командовал Бурундай-багатур. Беспощадный рукопашный бой продолжался целые сутки. Защитники отступили за валы старого города в Печерний город, у стен которого в последней схватке пали сыновья великого князя. А их мать великая княгиня Агафья Всеволодовна вместе с дочерью, снохами, внуками, а также бояре, духовенство и горожане укрылись в Успенском храме на хорах. Многие в ожидании неминуемой смерти приняли пострижение в монахи. Все истово молились и плакали. Татары подожгли храм. Едкий дым распространился по всей церкви. Люди задыхались от неимоверного дыма, некоторые сгорели заживо. Татары ободрали ризы икон, взяли драгоценные камни, золотые и серебряные сосуды и кресты, содрали позолоченные листы с куполов. Так погибла ненаглядная красота — главная святыня Владимиро-Суздальской Руси, усыпальница русских князей и епископов.

Персидский историк Рашид ад-Дин в своей «Истории Угедей-хана» вынужден был признать героизм владимирцев, до конца защищавших свой город: «Город Юрия Великого

взяли в восемь дней. Они (осажденные. — *Ю. Б.*) ожесточенно сражались».

Когда великий князь стоял станом в заволжских лесах, на реке Сити, под селом Станиловым, прискакал гонец из Владимира и принес горестную весть, что «Владимир взят татарами, и огнем сожжен, жители убиты, другие уведены в плен, церковь соборная разграблена и огнем спалена, владыка Митрофан и княгиня Агафья с дочерью Феодорой и внуками, и со снохами Марией и Христиною погибли в огне, а сыновья Всеволод и Мстислав убиты в сражении, а оставшиеся в живых к тебе идут». Великий князь вскричал «великим гласом», уподобившись Иову Праведному: «Господи! Се ли годе Твоему милосердию?», и заплакал, повторяя: «Ох, мне, Владыко, что ради ныне остался один?» Вскоре он послал в сторону Волги в разведку воеводу Дорожа с 3 тысячами воинов. Дорож возвратился 3 марта и доложил князю: «Уже обошли нас, княже, татары! Идут от Ярославля». Этого великий князь не ожидал. Он думал, что татары придут со стороны Мологи, от Кашина, и не так скоро. Не дождался он и военной помощи. Брат Ярослав в то время был далеко, в Киеве. Сильные новгородские полки во главе с князем Александром не пришли: они готовились оборонять свой город. От Белоозера тоже не было подмоги. Дружина князя Ивана опаздывала. Правда, на Сить пришла дружина юрьевского князя Святослава Всеволодовича, но она была малочисленной.

Еще стоял сильный мороз, и в лесу лежали большие сугробы; передвигаться можно было лишь по льду замерзших рек да по лесным просекам. Разведка монголов хорошо поработала, и расположение военного стана Юрия не представляло для них секрета. Монголы встали станом у села Семёновского, на Войсковом ручье, впадающем в Мологу. Они не стали ждать, ударили по русским войскам, стоящим по деревням. Начался жестокий бой. Сражающиеся рассредоточились на большом расстоянии, до 80 км, по течению рек Сити и Мологи. Великий князь и князья Василько Ростовский, Всеволод Ярославский, Владимир Углицкий, Иван Стародубский, Святослав Юрьевский сражались доблестно, в первых рядах воинов, но были вынуждены уступить численно превосходящей их силе. Главная сеча происходила в истоках реки Сити, возле деревень Боженки и Могильница. Подле деревни Игнатовой, на дороге, проложенной по склону горы, ведущей к Плотицам, по преданию погиб великий князь Юрий. Он бросился бежать по новгородской дороге, но его возок угодил под обстрел субарчийских лучников. Юрий попытался спрятаться в лесной чаще, соскочив с воз-

ка, но увяз в глубоком снегу. Некий монгол по имени Нарык ловко подъехал к нему и отрубил голову острой саблей. Он насадил отрубленную голову на древко боевого знамени и так ездил с нею, а потом бросил.

Погибли и другие князья, кроме князя Владимира Углицкого, уведшего свою дружину в непроходимые северные леса, да князей Ивана Всеволодовича и Святослава Всеволодовича Юрьевского. Русские воины числом до 25 тысяч человек были беспощадно изрублены. Потери татарской стороны, по данным «Свода булгарских летописей», составили 1750 воинов. Весь великокняжеский обоз с богатой казной (50 возов) попал в руки татар. Обоз вел один русский князь, которого булгарская летопись называет Бат-Аслап. С ним находился и ростовский князь Василько Константинович. Неожиданно обоз повстречался с полком Кул-Бурата и повернул к югу. Но тут им встретились главные силы монголов во главе с Гуюк-ханом. Бат-Аслап сдал казну Гуюку, за что был пощажен. Василько же начал сражаться в одиночку и принял мученическую смерть.

Этот князь отличался красотой лица, стройностью стана, силой и воинской доблестью, а также мужеством. Всего израненного, его взяли в плен татары и довели до Шеренского леса, который расположен между Кашиным и Кснятиным. Там они стали с угрозами принуждать его к перемене христианской веры на веру языческую, татарскую. Они заставляли его принять из своих рук их пищу, обещали ему в будущем великие почести. Но Василько от всего отказался, так говоря: «О, глухое царство и скверное! Никак ты не можешь отлучить меня от христианской веры, даже если я оказался в великой беде! Эти испытания послал мне Господь Бог из-за моих грехов!» Воины Гуюка сначала били и мучили его и в конце концов убили. Весной, когда стаял снег, возвращавшийся из Белоозера епископ ростовский Кирилл нашел тела князей Юрия и Василька и отвез их для погребения в Ростов. Там их погребли в Успенском соборе.

После битвы татары собрались в селе Семёновском и оттуда пошли в верховья Мологи, к Торжку, где надеялись соединиться с главными силами Батыя, а затем идти на Новгород.

После взятия Владимира и Суздаля татары рассыпались по всей земле Владимиро-Суздальской отдельными туменами и полками, осаждали и брали штурмом города, затем грабили и убивали, жгли города и села, а оставшихся жителей уводили в плен. Такая участь постигла город Переяславль, который пять дней героически оборонялся, и еще 30 боль-

ших и малых городов и сотни сел, деревень и слобод. Русичи ожесточенно сопротивлялись, но, уступая численно превосходящему врагу, гибли тысячами, другие убегали в леса, третьих уводили в плен. Только при одном взятии Суздаля погибло 360 тысяч жителей и воинов.

Так исполнилось киевское небесное знамение 1230 года: сошедший с небес огонь заревами пожарищ поглотил русскую красоту. Погибелью Русской земли называют летописцы наступившую в 1237 году татарщину: «бысть пополох зол от языка немилостивого», «и хлеб не идяшеть в уста», и люди «не знали, кому куда бежать».

А татарские главные силы вышли к землям Новгородской республики и осадили новгородский град Торжок. Он запирал кратчайший торговый путь из Низовской земли в Новгород Великий. Сидевшие в осаде люди под началом посадника Иванка две недели изнемогали: они знали, что под стенами Торжка решалась судьба Новгорода. А из Новгорода им не было помощи. Князь Александр не в силах был помочь: он сам готовился отразить татарскую угрозу. Слухи о злодеяниях татар, об их жестокостях и мощи принесли из Владимира в Новгород скоротечи. Эти слухи вызвали панику и ужас у нестойких, так что люди были «в недоумении и страхе», записал новгородский летописец. Гази-Барадж Бурундай лично послал грамоту новгородским боярам, предлагая им мирно сдать город. Это посеяло сомнение в рядах «лучших» людей города.

Между тем татары поставили под стенами Торжка стенобитные и камнеметные орудия и в конце концов разбили стены, «а жителей его иссекоша вся от мужьска полу и до женьска». «И вся изъобнажено и поругано быша», — пишет летописец. Это случилось 5 марта 1238 года. Город был сожжен. Летопись сохранила нам имена героев, защитников Торжка: посадник Иванко, Яким Влункович, Глеб Борисович, Михайло Моисеевич. Все они погибли.

От Торжка Батый не пошел на Новгород прямым путем через Валдай, Крестцы и Бронницы, а двинулся со своим несметным войском, Селигерским путем, на Березовский плес, к озеру Ильмень и далее на Новгород. Ранней весной эта озерно-лесистая местность была труднопроходимой. Вот-вот должна была наступить буйная весна с быстрым таянием снегов, с разливами рек, с весенней распутицей. Татары чуяли недоброе в предвестии весны. Они знали: их конным воинам не устоять перед распутицей, не преодолеть разлившиеся реки и топкие болота. И потому смутились. Но и Великий Новгород пришел в смятение.

В начале марта 1238 года здесь узнали о горестном поражении на Сити, о гибели князей, о сожжении городов, разграблении храмов и монастырей, о злодейских убийствах, при которых окаянные сыроядцы не щадили ни немощи старых, ни красоты юных, узнали о том, как земля Русская очервленилась кровью христианской... Люди новгородские оцепенели от страха. У Святой Софии, у Святого Николы, у Святого Ивана на Опоках и во всех других новгородских церквах беспрерывно служили молебны и горели тысячи свечей. Люди возносили молитвы Господу и Пречистой Богородице, умоляя их спасти от лютых сыроядцев.

Князь Александр переживал не меньше других, но это не мешало ему руководить обороной города. Вместе со своими братьями и другими князьями, сошедшимися из разных концов Русской земли, он готовил к бою войска, собирал и вооружал новгородское ополчение, обучал его ведению боя. Горожане укрепляли стены заборолами, достраивали сторожевые башни и остроги, варили смолу, составляли зажигательные смеси, собирали камни для камнеметов.

— Без боя город сдавать не след; не по-нашему это, не по-русски, — шумели новгородцы на вече. — Где Святая София, тут и Новгород! Станем как один за Святую Софию, умрем за Вольный Господин Великий Новгород!

Народ готовился к схватке не на жизнь, а на смерть.

Но случилось неожиданное, позже говорили — чудо. Татары не дошли до Новгорода. Остановились у древнего Игнача креста — это у современной деревни Игнашовки, расположенной в верховьях реки Шибелихи, притока реки Полы, на одном из древних речных торговых путей, ведших из «Низовской земли» к Новгороду. До Новгорода оставалось каких-нибудь сто старых верст, или около двухсот современных километров, учитывая извивы рек. Но славившиеся своей выносливостью монгольские лошади отказывались идти. Воины еле стояли на ногах.

Батый приказал разбивать станы и отдыхать. Сам хан остановился в большом шатре, в середине военного стана.

Лежа на шелковых подушках, он размышлял с мурзами и темниками о том, что дальше предпринять. Гази-Барадж Бурундай со своими полками после битвы на Сити отказался присоединиться к главным силам монголов, ссылаясь на то, что его воины не воюют с русскими весной, а Новгород-де — это добыча великого хана Угедея и его нельзя трогать. «А кто пойдет против воли великого хана?» — спрашивал себя Батый.

Да и воевать в весеннюю распутицу среди болот, рек и озер Новгородчины, где дети степей чувствовали себя неуютно, ему совсем не хотелось. «Князь Александр юн, но храбр, — думал Батый, — с ним князья русские, тоже храбрецы, будут биться до последнего, насмерть. Скольких монголов они убьют? Сколько недель потребуется нам, чтобы взять Новгород? Кони истощены, воины истомлены, изранены, мечи затуплены, щиты иссечены, пики сломаны, стрелы истрачены, пороки, тараны и камнеметы сломаны, нет машин для метания "греческого огня", а горшков с нефтью совсем не осталось. Нет ни одного полного тумена, ни одного здорового нукера... Того и гляди вскроются реки, разольются воды — тогда беда. Окажутся кони и люди в западне. Надо поворачивать коней на солнце, к дому, в степи, на кочевья».

А вот что рассказывает легенда. Ночью в тонком бдении увидел Батый вещий сон: восстал перед ним ангел Господень со скипетром в руке во облаке и так сказал ему: «Злочестивый царь! Разве тебе не довольно проливать кровь жителей многих христианских городов? Зачем ты хочешь погубить оставшихся в живых христиан? Твое нашествие не твоею силою было совершено, а попущением гнева Божьего за грехи людей. Потому быстро поворачивай назад и иди туда, откуда ты пришел, иначе тебя поразит небесное воинство. Я — Архангел Михаил, воевода небесных сил, посланный от Бога воспретить твое шествие в Новгород».

Хан Батый проснулся, объятый великим страхом. Он вызвал своих ханов и темников и приказал им поворачивать войско на юг. Это было в середине марта злосчастного 1238 года. Так избавили Господь Бог и Святая София и святой архистратиг Михаил город Новгород от казни Божией, помиловали новгородцев от нахождения ратных...

Мы еще будем говорить о страшных событиях 1238 года, о разорении и опустошении русских земель, ибо татары лишь ненадолго покинули Русь и Батыево нашествие продолжилось в 1239 и 1240 годах, когда удар татар пришелся по еще не разоренным южным и юго-западным землям. Впереди речь и о подвиге отца Александра, князя Ярослава Всеволодовича, которого эти страшные события застали в Киеве, где он тогда княжил.

Пока же вернемся к самому Александру и скажем о том, что на следующий год после чудесного избавления Новгорода от татар, в 1239 году, он женился на дочери бывшего полоцкого князя Брячислава Васильковича. Тесть был изгнан литовцами со своего стола около 1235 года и временно княжил в Торопце; впоследствии, после побед князя Александ-

ра над литовцами, он был восстановлен на столе своих предков и княжил в Полоцке до 1243 года.

В Торопце же во время одного из походов на литву князь Александр и познакомился с красавицей княжной Александрой и через год заслал к ней сватов. Князю исполнилось девятнадцать лет, и выбор его был вполне осмысленным и можно даже сказать, государственно-политическим.

Венчание состоялось в храме Святого Георгия в Торопце. Венчал молодых епископ смоленский Меркурий — тот самый, который спустя немного времени падет от рук татар при взятии Смоленска и войдет в русскую историю под именем святого Меркурия Смоленского. По легенде, обезглавленный татарами, он пронесет отрубленную голову подмышкой, пугая татарских воинов, и падет бездыханным в воротах города.

Накануне свадьбы храму святого Георгия была подарена чудотворная Эфесская икона Пресвятой Богородицы, греческой работы, копия с оригинала святого Луки Евангелиста. Некогда святая княгиня Евфросинья Полоцкая получила ее в подарок от византийского императора Мануила Комнина. И теперь эта святая реликвия нашла свое место под сенью торопецкого храма. Освящению брака князя Александра придавали особый смысл и обещали ему покровительство небесных сил.

Свадебный пир — «кашу» — учинили на княжем дворе в Торопце, созвав всю знать — князей и бояр суздальских, смоленских, полоцких, псковских и новгородских. Молодых осыпали хмелем, житом, деньгами. Веселились, плясали, пели песни и славили молодых, желая им здорового потомства, счастья и долголетия. Пир удался на славу, и «брачная каша» переместилась в Новгород Великий, где тоже умели пировать и веселиться.

К тому времени отец Александра великий князь Ярослав прислал гонца из Владимира с поздравлением и подарками. Он одобрял выбор сына, тем более что это упрочивало его отношения с полоцкими и витебскими князьями, которые жили на самом западе Руси и более других страдали от крестоносной агрессии. «Борони Русь, сыне, помни, что скоро пожалуют гости незваные, латинские!» — такими словами заканчивалась отцовская грамота.

Князь Александр понимал, что в приданое за невестой он получает войну с Литвой. Этой женитьбой князь преследовал и политические цели, желая сделать Торопец своим опорным пунктом в войнах с литовцами. Вскоре он начал строить укрепленную линию с рвами и городками по Шело-

ни, так как здесь проходил путь на Новгород с запада. Русичам в тот жестокий век приходилось быть постоянно «доспешными», обороняясь от дерзких и разорительных литовских набегов. На карте западных оборонительных рубежей стараниями князя Александра появилась укрепленная линия Псков — Шелонь — Селигер — Торжок — Торопец, на которой располагались русские заставы, охранявшие Новгород и Псков. Линию этих крепостей дополняла и Старая Русса — оплечье, то есть оплот Новгорода. Военный стратег князь Александр понимал, откуда грядет опасность Русской земле, и тщательно готовился к ее отражению.

А княгиня Александра через год после свадьбы родила сына Василия, будущего князя Новгородского.

КРЕСТОНОСЦЫ. СРАЖЕНИЕ НА НЕВЕ

Феодальная Швеция «прославилась» в средние века пятью крестовыми походами против своих восточных соседей — Финляндии, Карелии, Ингрии, Водской земли и Новгородской республики. 1-й Крестовый поход 1155—1164 годов закончился разгромом шведского ледунга на реке Воронеге, близ Ладожской крепости. 2-й Крестовый поход 1240 года во главе с ярлом Ульфом Фаси закончился разгромом рыцарей на реке Неве (о нем и пойдет речь в этой главе). 3-й Крестовый поход 1249—1250 годов ярла Биргера закончился завоеванием шведами южной и центральной Финляндии. 4-й Крестовый поход 1293—1301 годов Торкеля Кнутсона в Карелию и Ингрию закончился победой над шведами новгородского войска, которое возглавлял великий князь Андрей Александрович, сын Александра Невского. И, наконец, 5-й Крестовый поход 1348 года короля Магнуса на крепость Орешек в истоках Невы закончился вновь поражением шведов.

Итак, шведская агрессия продолжалась в течение двух столетий — с середины XII века по середину XIV века. И поход 1240 года стал одним из ее этапов. В первой половине XIII века развернулась борьба за земли финского племени емь, с XI века подвластного Новгородской республике. В 20-е годы XIII столетия шведам удалось склонить знать еми к принятию католичества. Но как только шведы попытались перейти к установлению своего политического господства, емь подняла восстание и вернулась к выплате даней Новгородскому государству. Шведы обратились с просьбой о помощи к папской курии. Римский папа Григорий IX направил епископу Упсальскому буллу следующего содержания:

«...Поскольку, как это следует из содержания присланных нам ваших писем, народ, который называется тавасты (то есть емь. — *Ю. Б.*), который в свое время великим трудом и рвением вашим и ваших предшественников был обращен в католическую веру, сейчас под воздействием рядом живущих врагов креста (вероятно, русских. — *Ю. Б.*), вернувшись к неверию прошлого заблуждения, вместе с некоторыми варварами при содействии дьявола полностью разрушает новый посев Церкви Божией в Тавастии... Яростью этих язычников владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства, если не будет прибегнуто к помощи Бога и Апостолического престола... Мы предписываем вам, брат наш, настоящим апостолическим посланием, чтобы вы спасительными предписаниями побудили католических мужей, сколько их живет в упомянутом Королевстве и на соседних островах, чтобы они, взяв на себя знак креста против этих отступников и варваров мужественно и мощно напали на них».

Итак, неудачи шведов в земле финнов папа объяснял вмешательством русских. А посему крестовый поход был объявлен и против финнов, и против русских. Позиции шведских феодалов в Финляндии, полагал папа, не могут быть прочными, пока не будет покорена Новгородская Русь. На войне с русскими настаивал и главный проводник агрессивной политики Рима, англичанин-доминиканец Томас, епископ Упсальский.

Шведское правительство короля Эрика Эриксона, по прозвищу Леспе, то есть Картавый, решило направить военную экспедицию во главе с ярлом Ульфом Фаси не столько против еми, сколько против Новгорода, «хотяче восприяти Ладогу, просто же реку, и Новгород и всю область Новгородскую», как писал летописец. Иными словами, целью похода был захват Невы и Ладоги, а в случае удачи — и Новгорода и всей Новгородской земли. При этом достигались сразу две цели: во-первых, финские земли отрезались от Руси, а лишенные поддержки, они становились легкой добычей шведов, и во-вторых, с захватом Невы в руках Швеции оказывался единственный для Новгорода и для всей Руси выход к Балтийскому морю, и вся внешняя торговля страны на северо-западе попадала под шведский контроль.

Едва ли можно сомневаться в том, что это выступление было согласовано с действиями ливонских крестоносцев, которые еще в 1237 году объединились с Тевтонским орденом Святой Марии. Летом 1240 года объединенный Ливонский орден предпринял наступление на Изборск и Псков,

правда, с опозданием в один месяц по сравнению со шведами. Эта задержка и стала для них роковой.

После татаро-монгольского нашествия 1237—1240 годов Русь оказалась в тяжелейшем положении. Бóльшая часть городов Северо-Востока и Юга страны была сожжена, жители убиты или уведены в плен. Уцелели лишь Новгород и Псков, но они могли рассчитывать только на свои собственные силы. К 1240 году немецкие рыцари, по сути, завершили свою «миссию» по завоеванию Прибалтики и приблизились вплотную к границам Новгородской земли. Предстояла смертельная схватка. Шведы наносили удар по морю и реке Неве, а немцы — по суше на Псков.

Наиболее достоверные сведения о походе шведов на Русь содержатся в Новгородской Первой летописи старшего извода и Житии Александра Невского. Из этих источников мы узнаем, что шведы вошли в устье Невы приблизительно в начале июля и что в их войске, кроме шведов, находились отряды норвежцев, а также представители финских племен суми и еми; в войске были и епископы, что подтверждает крестоносный характер агрессии, освященной римской католической церковью. Первой шведов обнаружила разведка князя Александра, располагавшаяся на левом берегу Невы, где оба протока сливаются, образуя Большую Неву (вероятно, напротив нынешней Петропавловской крепости). Командовал морским дозором старейшина Ижорской земли Пелгуй, носивший в крещении имя Филипп. Пелгуй также обнаружил лагерь шведов в устье реки Ижоры, впадающей в Неву, и разведал их станы и укрепления, то есть военный укрепленный лагерь на левом берегу Ижоры. В Житии рассказывается о чудесном видении, бывшем Пелгую: «Когда стоял Пелгуй на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал страшный шум и увидел ладью, плывущую по морю, а посредине ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутанные облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгуй потрясенный, пока ладья не скрылась из глаз его».

Пелгуй сообщил с гонцом в Новгород о прибытии войска шведов в Неву, а также о том, что небесные силы готовы помочь воинству князя Александра. Одновременно в Новгород прибыл посол от «короля части римской», то есть Швеции. Возгордившись, король велел передать князю

Александру следующие слова: «Если можешь, то сопротивляйся мне — я уже здесь и беру в плен землю твою».

«Александр же, услышав слова эти, — рассказывает автор Жития, — распалился сердцем, и вошел в церковь Святой Софии, и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: "Боже славный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, Ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!" И, вспомнив псаломскую песнь, сказал: "Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне" И, окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: "Не в силе Бог, а в Правде! Помянем Песнотворца, который сказал: Иные с оружием, а иные на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо" И, сказав это, пошел на них с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на Святую Троицу».

К войску не сумели присоединиться многие новгородцы из ополчения, а также суздальские полки, так как великий князь Ярослав Всеволодович ничего не знал о наступлении шведов. Едва ли войско князя Александра Ярославича насчитывало более тысячи человек; позднее к нему присоединились ладожане из крепости Ладога. По Ореховскому тракту Александр спешно пошел к Неве и там, вероятно, сумел встретиться с разведчиком Пелгуем. Продумывая ход будущего боя, князь Александр исходил из того, что бóльшая часть неприятельских судов стояла у высокого, крутого берега Невы, причем значительная часть войска находилась на судах (остановка была временной), а рыцари, наиболее боеспособная сила шведов, расположились на берегу в укрепленном лагере, окруженном рвом. Князь решил, что конная дружина должна ударить с юга, из леса, вдоль Ижоры, в то время как новгородская дружина боярина Миши с Прусской улицы будет наступать вдоль Невы и уничтожит мостки, соединяющие корабли с берегом, отрезав тем самым рыцарям путь к отступлению. В случае успеха двойного удара часть рыцарского войска оказалась бы зажатой в своеобразный угол, после чего пешая и конная русские рати, объединившись, должны были оттеснить врага к Неве и сбросить его в воду.

Утром 15 июля 1240 года, в день памяти святого Владимира, Крестителя Руси, и 630-ти святых отцов Халкидон-

ского собора, русские войска неожиданно обрушились на шведов. Это произошло в 6-м часу дня по древнерусскому счету, или, по-нашему, в полдевятого утра, так как в Древней Руси часы считали с восхода солнца. Рыцари и оруженосцы едва успели похватать оружие и изготовиться к отражению внезапного нападения. Битва, как обычно, началась атакой конных копейщиков, во главе которых находился сам князь Александр. Он пробился к центру лагеря и сразился с самим военачальником шведов, ярлом Ульфом Фаси, которого тяжело ранил копьем в щеку: «возложил печать на лицо острым своим копием». Нанесение этой раны было символичным: римляне обычно клеймили своих рабов с помощью печати, нанесенной на лицо. Недалеко от места этого единоборства был расположен златоверхий шатер шведского предводителя. До него добралась младшая дружина князя, и один из дружинников, по имени Савва, родом из Владимира, подрубил столп шатерный и шатер упал. Воины Александровы обрадовались, когда увидели это. Очевидец говорит об успешных действиях новгородской дружины во главе с Мишей. Продвигаясь вдоль берега Невы, она не только рубила мостки, но даже, прорубив днища, потопила три корабля шведов.

В Житии святого князя рассказывается о подвигах в Невском сражении шести храбрецов. Первым из них назван Гаврило Олексич, бывший, кстати говоря, предком рода Пушкиных. Преследуя бежавших шведского епископа и королевича, вероятно, племянника короля Вальдемара, он ворвался на коне на корабль по сходням, сражался и был сброшен с конем прямо в реку, но сумел выйти на берег и сразился с одним из воевод, пока не убил его.

Второй — новгородец Сбыслав Якунович, который, «не имея страха в сердце своем», как пишет автор Жития, бился одним топором — и пали многие от руки его. И подивились все силе его и храбрости. Этот новгородский герой стал родоначальником бояр Сбыславичей.

Третий — княжеский ловчий Яков Полочанин. Он с одним мечом напал на полк неприятелей и мужественно бился. «И похвалил его князь», читаем в Житии.

О четвертом и пятом героях — Мише и Савве — мы уже рассказывали.

Шестой был из слуг князя, по имени Ратмир, родом из Ярославля. Он был окружен врагами, и бился один с мечом против всех, и упал от многих ран и скончался.

О подвигах этих шести храбрецов автор Жития Александра Невского слышал от самих участников Невской битвы.

Так на северо-западном рубеже страны геройски сражались князь Александр и его воины, отстаивая от врага Северо-Западную Русь, уцелевшую от татарских полчищ.

К вечеру бой закончился. Бесславно в панике бежали шведы на корабли, «и множество их паде». «И трупия мертвых своих наметаша два корабля и потопиша в мори». Прочих же, что навеки остались на русском берегу, «ископавше яму, вметаша их в ню бещисла».

Автор Жития приводит благочестивую легенду о том, что на другом берегу Ижоры — том, что называется «бугры», — в лесной местности, по которой не могли пройти русские воины, нашли «многое множьство» убитых шведов. Русские войска не действовали здесь, и отчего пали шведы, никто не знал. Решили так, что убиты они «от ангела Божия».

Из новгородцев же и ладожан погибло всего двадцать человек. Имена некоторых из них — наиболее видных новгородцев, приведены в летописи: Константин Луготинич, Гюрята Пинещинич, Намест, Дрочило Нездылов, сын кожевника.

Новгородский летописец скупо отметил: «Победи их на реке Неве, и от того прозван бысть великий князь Александр Невский».

Звоном сотен колоколов встречал Господин Великий Новгород княжескую дружину князя Александра Ярославича и новгородское ополчение. Народ ликовал, празднуя победу над шведскими рыцарями. По площадям и улицам долго раздавались восторженные возгласы: «Слава! Слава! Александру Невскому, Храброму!» Эти прозвания — Невский и Храбрый — были присвоены князю навечно. Народная молва, прошедшая через века и сохранившаяся в старинах и сказаниях, запечатлела воинскую доблесть полководца прозваниями «Александр Грозные Очи», «Александр Грозные Плечи», «Александр Непобедимый». В народной песне так пелось о сражении на Неве:

А и было дело на Неве-реке,
На Неве-реке, на большой воде:
Там рубили мы злое воинство...
Уж как бились мы, как рубились мы,
Корабли рубили по досточкам,
Нашу кровь-руду на жалели мы
За великую землю Русскую...
Кто придет на Русь, будет насмерть бит,
Не уступим мы землю Русскую.

Невская победа вызвала ликование не только на Новгородской земле, но и по всей Руси. Ведь эта битва произошла

в тяжелейшее для страны время, когда Северо-Восточная Русь дымилась в развалинах, а Северо-Западная Русь чудом избежала разгрома. Нет, не погибла и не погибнет Русь, раз есть у нее такие заступники! Ведь то была первая весомая победа над чужеземцами в эпоху татарщины, после прихода Батыя. Народ увидел в победе князя Александра отсвет былой ратной славы и предзнаменование будущего освобождения от восточных завоевателей. Невская победа открывала путь для будущего возрождения Русской государственности, пришедшей на смену некогда могучей Киевской Руси. В конце XIX века историк М. И. Хитров так оценил Невскую победу: «Народ прозрел здесь посягательство Запада на русскую народность и веру. Здесь на берегах Невы со стороны русских был дан первый славный отпор грозному движению германства и латинства на православный Восток, на Святую Русь».

Похоже, что Невская битва не отличалась грандиозностью и большим числом участвовавших в ней воинов. Однако это не снижает ее судьбоносного исторического значения. Границы Новгородской республики были защищены, свободный выход к Балтике сохранен надолго. До 1256 года шведы не покушались на земли Новгорода. Невская битва стала примером общенародного подвига, а ее герой, прозванный «Невским», стал символом Руси — России на тысячелетия.

Здесь небезынтересно отметить одну деталь, осмыслению которой не уделили внимание ни летописцы, ни современные исследователи.

Новгородцы, разбив неприятеля, вторгнувшегося на их землю, дали ему возможность, хоть и в темноте, забрать своих раненых и похоронить убитых, хотя их превосходство в силе было подавляющим. Князь Александр и его сподвижники как истинные витязи были благородными людьми — бесстрашными в бою и милосердными к поверженным врагам.

А ведь в те времена, по свидетельствам многих источников, «христолюбивые» западные рыцари с крестами на плащах нередко устраивали после удачных сражений настоящую резню побежденных. Некоторые из них, например, хвалились «умением» одним поворотом меча вырезать из спины живого человека ребра. У норманнских извергов и их собратьев по разбою, это называлось «красным орлом». У наших далеких предков ничего подобного не могло и быть. И это, наверное, закономерно: правое дело народа всегда имеет опорою здоровую нравственность.

Дело еще и в том, что завоевательные походы европейских и скандинавских крестоносцев проходили в основном в густонаселенных и относительно развитых районах Прибалтики и Руси, где население по мере сил сопротивлялось агрессии. Потому-то захватчики действовали не только мечом, но и крестом, жестоко и безжалостно насаждая католичество и силой подавляя любое духовное сопротивление. Племена же севера Древнерусского государства в процессе своего расселения шли на еще не освоенные или слабо освоенные земли, мирно уживаясь с местным населением, находившимся на более низком уровне развития. Отнюдь не идеализируя наших предков, мы должны сказать о том, чтó и как формировало наш русский характер — широкий, милосердный, доверчивый, прямой и добрый, гостеприимный и добросердечный.

В суете нынешних дней мы еще и еще раз должны обращаться к нашим истокам, видя в них не только историю войн и побед, но и духовную основу будущего возрождения России, непреходящую ценность истинной любви к Отечеству, бескорыстного служения Руси, которые столь ярко проявил князь Александр Невский.

СНОВА КРЕСТОНОСЦЫ. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Вскоре после Невской победы князь Александр, рассорившись с вечем, уехал из Новгорода к отцу, в Переяславль-Залесский. С собою князь взял жену, княгиню Александру Брячиславну, и новорожденного сына Василия.

Между тем крестоносная агрессия продолжалась. Как мы уже сказали, ливонские рыцари всего на месяц опоздали со своим ударом на русские земли и теперь спешили наверстать упущенное.

Немцы из трех городов — Дерпта, Оденпэ (по-русски, Медвежьей Головы) и Феллина — двинулись в поход на Псков. Командовали войсками дерптский епископ Герман фон Аппельдерн и вице-магистр Ливонского ордена Андреас фон Фельвен, тот самый, который в 1237 году приходил в Новгород смотреть на «дивный возраст» князя Александра. По дороге к ним присоединился бывший псковский князь-изменник Ярослав Владимирович, сидевший в Оденпэ. Потомок смоленских князей Ростиславичей, он давно находился на немецкой службе, был женат на немке Гертруде и легко «подарил» дерптскому епископу Псковское княжество, не имея на то ни малейших прав.

Немецкому походу на Псков предшествовал военный совет крестоносцев. В самом начале августа 1240 года в Риге собрались все руководители Ливонского ордена, а также духовные пастыри Ливонии: епископ Рижский Николай, епископ Дерптский Герман, епископ Езельский Генрих и прелаты. Речь перед присутствовавшими держал магистр Ливонского ордена Дитрих фон Грюнинген, сменивший на этом посту Германа фон Балка. Он сказал: «Вам предстоит биться безжалостно с язычниками, будь то ливы, эсты или славяне, особенно с русскими еретиками — самым опасным и сильным нашим противником. Ибо руссы имеют склонность помогать и эстам, и литовцам, и ливам. Мы должны сокрушить оплот их сопротивления — русские крепости на границах с Ливонией — Изборск и Псков. Шаг за шагом продвигаясь в глубь русских земель, построим там крепкие замки. И мы добьемся этого своим мечом. Действовать надо без пощады, чтобы никто не посмел поднять оружие против рыцарского воинства». Вице-магистр Андреас фон Фельвен добавил: «Нам, рыцарям Ливонии, будут помогать отряды епископов; также соберите под свои крестоносные знамена покоренных и крещеных язычников, держите их всегда в страхе, дабы они не уклонялись от сражения с русскими».

Первый удар немецкое крестоносное войско нанесло по псковской пограничной крепости Изборск. Жители и воины не ожидали нападения. Сил у них было мало. Деревянные стены и ров не стали преградой для рыцарей и их кнехтов. И хотя жители отбили несколько приступов, Изборск пал. Рыцари Святого Креста принялись за свое привычное дело: грабежи и убийства. Это случилось 15 августа 1240 года. Немецкий хронист так описывает события: «Немцы взяли замок, собрали добычу, забрали имущество и ценные вещи, вывели из замка лошадей и скот; что же осталось, то предали огню... Никого не оставили из русских, кто только прибегал к защите, тот был убиваем или взят в плен, по всей земле распространились вопли».

Вести о вражеском нашествии и взятии Изборска достигли Пскова. Все псковичи собрались на вече и единодушно решили двинуться на Изборск и изгнать оттуда князя-изменника Ярослава Владимировича вместе с немецкими рыцарями. Было собрано пятитысячное ополчение во главе с воеводой Гаврилой Гориславичем. Но нашлись в Пскове и бояре-изменники во главе с посадником Твердилой Иванковичем. Они не сумели на вече отговорить псковичей от выступления. Однако Твердила известил о том немцев в Из-

борске. Псковичи не знали, что рыцарское войско по численности превосходит в два раза псковское, а про вооружение нечего было и говорить. Топор да рогатина — слабые аргументы против закованного в броню конного рыцаря. Под Изборском произошла битва, в которой пал воевода Гаврила Гориславич. Рыцари ударили в конном строю клином, или «свиньею», и пробили строй псковских ратников, разделив их на две части. Русские воины храбро сражались, но в этом бою их пало около 800 человек, а уцелевшие бежали в окрестные леса. По словам летописца, леса вокруг Изборска «гремели стонами и проклятьями».

Войско крестоносцев, преследуя псковичей, достигло стен Пскова и предприняло попытку ворваться в крепость. Горожане едва успели закрыть ворота и отбить натиск. На штурмовавших стены немцев полилась горячая смола и покатились бревна. Началась осада, но она ничего не дала рыцарям. Взять силой Псковскую твердыню они не смогли. Однако рыцари нашли другой путь.

Вот что с горечью пишет псковский летописец: «А пльсковичь (то есть псковичей. — *Ю. Б.*) гоняче много побиша, а инех руками изъимаша и пригоняше под город, и зажогша посад весь, и погореша церквы, и много сел попустиша около Пльскова, и стояша под городом неделю, но город не взяша, но дети поимаша у добрых муж в тали (то есть в заложники. — *Ю. Б.*)».

Рыцари знали, что псковичи — народ суровый, крутой и что они не сдадутся просто так. И решили действовать через бояр-изменников и посадника Твердилу, который уговорил псковичей отдать немцам в заложники своих детей. Псковичи дали себя обмануть.

16 сентября изменники во главе с посадником Твердилой Иванковичем сдали город немцам. Бояре, несогласные с изменниками, бежали в Новгород, то же самое сделали псковские воины. Немцы посадили в городе двух немецких фогтов и начали глумиться над беззащитным населением. Последовали массовые перекрещивания в католичество и избиение тех, кто не согласился переменить веру отцов. «Замки и хорошие земли оказались в руках братьев-тевтонцев, чтобы ими управлял магистр», говорится в «Ливонской хронике», рассказывающей об этих событиях.

Зимой 1240/41 года крестоносцы захватили некоторые чудские и водские владения Новгородской республики. В Водской пятине они построили крепость Копорье. Двигаясь вдоль реки Луги, немцы разоряли села и городки, убивали жителей, забирали припасы и скот, уводили пленных. Так

дошли до города Ям-Тёсово, что в 30 верстах от Новгорода. Возникла непосредственная угроза городу Святой Софии, и местное ополчение едва ли могло его защитить.

Что оставалось новгородцам? Признать свою вину и вновь поклониться великому князю Ярославу Всеволодовичу, просить того оказать им помощь и дать на княжение своего сына. И Ярослав принял посланцев новгородского веча, но отправил в Новгород не Александра, а его младшего брата Андрея с дружиной. Этого, однако, оказалось недостаточно. К тому же на псковское пограничье все чаще стали нападать литовцы и эсты. Вече послало новое посольство во главе с архиепископом Спиридоном и боярами в Переяславль, к Александру Невскому, с просьбой забыть обиды, простить вину Новгороду и прийти на помощь ни в чем не повинным людям русским. Князь Александр согласился при условии, что ему выдадут его врагов. Просьба была удовлетворена, и князь наказал бунтовщиков.

В марте 1241 года князь Александр с дружиной въехал в Новгород, «и рады быша новгородцы», — пишет летописец. Александр действовал умно, осмотрительно и четко, тщательно расписав весь план своей военной кампании. Вначале он собрал в единый военный кулак княжескую дружину, отряды карел, ижорян, псковичей — всего до 10 тысяч человек. А затем двинулся в Водскую пятину на штурм крепости Копорье. Вскоре крепость была взята на щит и срыта до основания. Отдельные рыцари захвачены в плен, а затем отпущены. Изменники же из числа вожан и эстов были повешены, а старосты водские взяты в заложники.

В начале 1242 года в Новгород прибыли владимиро-суздальские полки под командованием князя Андрея Ярославича. Собралась многочисленная рать: всего до 17 тысяч воинов.

Войска Ордена насчитывали до 12 тысяч воинов, и они были хорошо вооружены. Автор «Рифмованной хроники» пишет:

> Русские имели бесчисленное количество луков,
> очень много красивых доспехов.
> Их знамена были богаты,
> их шлемы излучали свет.

Русские воины, а особенно новгородцы и псковичи, горели желанием сложить свои головы за Русь, за Святую Софию и за Святую Троицу, за вольные города Новгород и Псков, возглавляемые доблестным витязем Александром Ярославичем.

«Тако бо бяше у князя великого Александра множество храбрых, якоже древле у Давыда-царя сильнии и крепции. Такоже воя великого князя Александра исполнишася духа ратна: бяху бо сердца их же акы львом». И сказали воины: «О княже наш честный и дорогой! Ныне настало нам время положить наши головы за тебя!» Так писал автор Жития святого и благоверного князя Александра Невского.

Князь вошел в храм, долго молился. «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым (то есть с ливонскими немцами. — *Ю. Б.*), — передает автор Жития слова его молитвы, — и помоги мне, Боже, как Ты помог в древние времена Моисею победить Амалика, и прадеду моему Ярославу помог победить окаянного Святополка».

Затем подошел к дружине своей и ко всему войску и произнес речь: «Умрем за Святую Софию и вольный Новгород! Умрем за Святую Троицу и вольный Псков! Зане у русичей нет судьбы иной, чем боронить свою землю Русскую, православную веру христианскую!»

И все воины отвечали ему единым криком: «С тобой, Ярославич, победим или умрем за Русскую землю!»

Выступив в поход, скрытно подступили к Пскову, выслали разведку, организовали боевое охранение, перерезали все дороги, которые связывали Псков с Эстонией и Ливонией, с городами Юрьевом, Медвежьей Головой, Феллином и Венденом. А затем князь Александр нанес неожиданный и стремительный удар по Пскову с запада. «Александр князь едет!» — ликовали псковичи, открывая западные ворота города. Русичи ворвались в город и начали бой с немецким гарнизоном. 70 рыцарей было убито, а простых ратников — немцев и кнехтов, без числа. Нескольких рыцарей взяли в плен и отпустили: «Скажите вашим, что идет князь Александр и врагам пощады не будет!» Шестерых немецких чиновников судили. Их признали виновными в издевательствах над псковским населением, а потому тут же повесили. Не убежал и боярин-изменник Твердила Иванкович. После короткого суда его тоже повесили, ибо, как говорится в «Слове о полку Игореве»: «Ни хытру, ни горазду — суда Божия не минути!»

Тем временем русское войско вошло в Чудскую землю и стало наступать на Юрьев. Вперед выступила разведка и отправилась в «зажитье», то есть за фуражом и за хлебом. Немцы под командованием епископа и ландмейстера двинулись им навстречу. У местечка Моосте, близ реки Лутсу, крестоносцы разгромили разведывательный полк под командованием Домаша Твердиславича, брата новгородского посадни-

ка. Домаш был убит, а второй военачальник уцелел. Это был Кербет, дмитровский наместник, муж великого князя Ярослава Всеволодовича. Разведывательный отряд был рассеян. Эта неудача заставила князя Александра отойти с главными силами на лед Чудского озера. Наступил апрель месяц. В воздухе запахло весной, но лед еще стоял. Впрочем, в западной части пролива, который соединял Чудское озеро с Теплым, или Псковским, на так называемой Изменке, образовались полыньи, едва прикрытые тонкой коркой льда.

Князь Александр расположил свое войско между Узменью и устьем реки Желчи на восточном берегу Чудского озера, «на Узмени, у Воронея камени», как сказано в летописи. Войска были выстроены в три эшелонированных линии; на северной стороне Воронья камня укрылось конное войско князя Андрея. Немцы не разгадали хитрости Александра Невского. Они вышли вслед за ним на лед Чудского озера, не задумываясь над тем, что им грозит и какими будут следующие действия русского полководца. Как обычно, немцы построили свои боевые порядки клином, или «свиньею». Во главе клина двигалась тяжеловооруженная рыцарская конница в броне; были там и датские рыцари из Таллина под командованием принцев Кнута и Абеля.

Передовые лучники русских осыпали наступающих тучей стрел. Но «свинья» неуклонно двигалась вперед и в конце концов смела лучников и плохо организованный центр. Сквозь крики сражающихся был слышен страшный скрежет мечей и видно было, как рассекались шлемы и падали на лед тела людей.

Летописец со слов очевидца, одного из воинов, пишет: «И бысть ту сеча зла и велика немцем и чюди, и труск от копей ломления и звук от мечнаго сечения, якоже морю померзшю двигнутися. И не бе видети леду: покрыло бо есть все кровию».

Тем временем князь Александр укрепил фланги, а за первым эшелоном поставил лучших лучников, которые на расстоянии стремились расстрелять медленно приближающуюся крестоносную конницу. Наступавшая «свинья», которую вел в бой патриций Ордена Зигфрид фон Марбург, уперлась в лесистый высокий берег Чудского озера, заросший ивняком и запорошенный снегом. Дальше наступать было некуда. И тогда князь Александр — а ему с Воронья камня было видно все поле битвы — приказал пехоте с флангов атаковать «свинью» и по возможности «разрезать» ее на части. Меченосцы утратили компактность своего боевого порядка и взаимодействие, сбились в кучу. Битва разделилась на

отдельные островки сражающихся. Копейщики стаскивали крючьями рыцарей с коней, а на льду их добивала пехота. Сражение превратилось в кровавое месиво, и было непонятно, где свои, а где чужие.

Настала решающая минута сражения. Александр снял рукавицу и махнул рукой, и тогда с северной стороны Воронья камня выехала суздальская конная дружина князя Андрея. Она на полном скаку ударила с тыла по немцам и чуди. Первыми не выдержали кнехты. Они бежали, обнажив тылы рыцарского войска, в тот момент спешенного. Рыцари, увидев, что ратное дело проиграно, тоже бросились вслед за кнехтами. Некоторые стали сдаваться, прося о пощаде на коленях с поднятой правой рукой.

Немецкий хронист с нескрываемой скорбью пишет о поражении крестоносцев:

> Те, кто находились в войске братьев рыцарей,
> были окружены,
> Братья-рыцари достаточно упорно оборонялись,
> Но их там одолели.

По словам автора «Рифмованной хроники», к концу битвы рыцарям стало казаться, что на каждого из них напало, по крайней мере, 60 русских воинов.

Поэт Константин Симонов в поэме «Ледовое побоище» так описал кульминационный момент сражения:

> И, отступая перед князем,
> Бросая копья и щиты,
> С коней валились немцы наземь,
> Воздев железные персты.
> Гнедые кони горячились,
> Из-под копыт вздымали прах,
> Тела по снегу волочились,
> Завязнув в узких стременах.

Тщетно вице-магистр Андреас фон Фельвен пытался остановить бегущих и организовать сопротивление. Все было напрасно. Один за другим падали на лед орденские боевые знамена. Крестоносцы вчистую проигрывали решающую схватку Запада с Востоком. Тем временем конная дружина князя Александра бросилась преследовать беглецов. Она гнала их по льду 7 верст до Суболического берега, нещадно избивая мечами. Часть бегущих не добежала до берега. Там, где был слабый лед, на «сиговице», открылись полыньи и многие рыцари и кнехты утонули. Победа русских над немцами на льду Чудского озера была полной. Это случилось в субботу 5 апреля 1242 года, в день памяти мученика Клав-

дия, на Похвалу Пресвятой Богородице. Всего был убит 531 рыцарь, 50 рыцарей взято в плен. В знак унижения с пленных рыцарей сняли сапоги и заставили их идти босыми по льду озера возле их коней.

Автор Жития утверждает, что очевидцы видели ангельский полк на воздухе, который пришел на помощь и побивал врагов.

Когда князь Александр с войском и пленными приблизился ко Пскову, его вышла встречать торжественная процессия из духовенства, игуменов и монахов с крестами, иконами и хоругвями, а также множество мирян, в том числе женщины и дети. Все славили князя Александра и благодарили Бога за помощь, оказанную ему: «Помог Ты, Господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему освободить город Псков рукою Александровою».

На главной площади кремля перед храмом Святой Троицы собралось все население города и войско, а также пленные и в их числе тот самый немец, который некогда похвалялся взять князя Александра в плен. Обращаясь к псковичам, князь Александр произнес слова, ставшие впоследствии знаменитыми: «О неразумные псковичи! Если забудете обо всем этом и до правнуков моих, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил Господь в пустыне манною и жареными перепелами и которые обо всем этом забыли, как забыли и Бога, освободившего их из египетской неволи. А если кто из самых дальних потомков моих приедет в печали жить к вам во Псков и вы не примете его, то наречетесь вторые жидове!»

«И прославилось имя Александрово, — пишет автор Жития, — по всем странам, и до моря Египетского, и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского, и до великого Рима!»

В честь победы псковичи построили на берегу реки Великой собор во имя святого Иоанна Предтечи. Стройный, как невеста, он походил на белостенные новгородские храмы.

Так был остановлен 500-летний натиск немцев на восток — знаменитый «Drang nach Osten», начатый императором Карлом Великим против славян и прибалтийских народов. Ледовое побоище означало крушение планов Римской курии. В год Ледовой победы восстания против ига Ордена вспыхнули на острове Сааремаа, в Польше, в Литве и Ливонии.

Потрясенный разгромом всего рыцарского войска, магистр Ливонского ордена Дитрих фон Грюнинген с трепетом ожидал рать Александра Невского под стенами Риги. Пото-

му он отправил посольство в Данию, к королю Эрику VI Святому, с просьбой спасти Рижскую Богоматерь от жестоких русских.

Однако «похода возмездия» не последовало. Александр Невский твердо следовал извечному принципу русских князей: «Жити, не преступая в чужую часть».

На следующий год магистр Ливонского ордена прислал в Новгород послов с предложением мира «на всей воле новгородской»: с разменом пленными, возвращением всех захваченных немцами земель и даже с уступкой части Латгалии Новгородской республике. В отсутствие князя Александра договор подписали два посадника и архиепископ Спиридон. Со стороны Ордена подпись под договором поставил магистр Дитрих фон Грюнинген.

Установленные по миру 1243 года границы просуществовали без изменений до середины XVI века, когда под ударами московских ратей царя Ивана IV Грозного хищный агрессор — Ливонский орден — прекратил свое существование.

СЛУЖЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА

Ко времени первого нашествия Батыя на Русь отец Александра Невского, князь Ярослав Всеволодович, пребывал в Киеве. Но чувствовал он себя на «златом» киевском престоле ох как неуютно. Утомляли вечные боярские пересуды и дрязги, досужие жалобы смердов, назойливое шушуканье советчиков. Неспокойно было и вокруг Киева. Князь Даниил Романович уже держал в своих руках Галицию и Волынь и только и ждал часа, чтобы послать в Киев своего воеводу с войском. Князья Михаил Всеволодович Черниговский и Ростислав Мстиславич, внук Романа Смоленского, тоже зарились на киевские богатства, мечтая захватить остатки сокровищницы древних киевских великих князей Владимира Крестителя и Ярослава Мудрого. В церквях и монастырях Киева по-прежнему таились несметные богатства, несмотря на памятные всем набеги и грабежи Юрия Долгорукого и Рюрика Ростиславича.

Благочестивому Ярославу претила вся эта суета. Он тосковал по семье: любимой жене Ростиславе, милым сыновьям Александру, Андрею, Константину, Ярославу, Даниилу. Они остались вместе с матерью в Новгороде, спасаясь от татарщины. Александру вручена власть князя-наместника. Он справится, думал Ярослав.

В начале апреля 1238 года в Киев прискакал скоротеча из Владимира, от брата, князя Ивана Стародубского. Он привез грамоту, в которой подробно рассказывалось о том, как погибла от татар Владимиро-Суздальская Русь, как были сожжены цветущие города, убиты жители, а оставшиеся в живых уведены в плен; как погиб брат Ярослава, великий князь Юрий Всеволодович, и все члены его семьи. Немного позже подоспел скоротеча из Новгорода, от князя Александра. Он привез другую весть — радостную: Бог молениями Пресвятой Богородицы и Святой Софии спас великий Новгород и в нем детей Ярославовых: Александра, Андрея, Константина, Ярослава, Данилу; а еще брата Святослава с сыном Димитрием, внука великого князя Константина Василия Всеволодовича, племянника его Владимира и двоих сыновей Василька Константиновича — Бориса и Глеба с матерью их княгиней Марией Михайловной.

«А татарове ушли от Новгорода на юг. Дойдя до Козельска, что в верховьях Оки, на реке Жиздре, осадили его, и стоял там Батый с Каданом и со всеми несметными силами своими семь недель, пока не взяли город. И избили в нем жителей, не пощадив ни младенцев, сосущих молоко, ни отрочат, ни юношей, ни дев, ни воинов, ни жен, ни стариков. А малолетний князь Василий Титыч, говорят, в крови утонул. Так козляне все погибли, все чашу смертную испили, убив более четырех тысяч татар и троих сыновей темниковых. И прозвали татары Козельск "Злым городом", а сами ушли в Половецкую степь, к кочевьям». Так рассказывали князю гонцы. «А ты, княже, поспеши на стол свой великий во Владимир и людей своих спаси, зане погибаем злой смертию!»

Сразу же после отъезда Ярослава из стольного Киева «златой киевский престол» занял князь Михаил Черниговский. Но и он не удержался в Киеве: вскоре, узнав о приближении татар, покинул столицу.

Между тем в том же мае 1238 года великий князь Ярослав Всеволодович приехал во Владимир. И «пришед седе на столе в Володимери, — записывал летописец. — И обнови землю Суждальскую, и церкви очистив от трупия мертвых и кости их сохранени, и пришелцы утеши, и люди многи собра. И бысть радость велика христианом, их же избави Бог рукою своею крепкою от безбожных татар».

На следующий день рано поутру в наспех поновленном и очищенном от скверны великокняжеском дворце Юрия Долгорукого на княжеском снеме собрались уцелевшие князья: суздальские, ростовские, ярославские, угличские, кост-

ромские, переяславские. Великим князем Владимирским избрали старшего в роду Ярослава Всеволодовича.

Был на снеме и новгородский князь Александр. Он не мог не радоваться торжеству отца. И это торжество было одновременно торжеством Руси, разоренной, но не поверженной. Нет, не погибнет Русь, когда у нее есть такие защитники, как великий князь Ярослав, «доблий» Рюрикович! Тогда же великий князь Ярослав дал брату своему Святославу Суздаль, а другому брату, Ивану, — Стародуб.

Можно думать, что тогда же, во время венчания на великое княжение Владимирское князя Ярослава Всеволодовича, было произнесено торжественное «Слово о погибели Русской земли», сочиненное незадолго до того печатником великого князя Галицко-Волынского Даниила Романовича Кириллом, будущим русским митрополитом. Его текст привез во град Владимир-на-Клязьме скоротеча из Галича. Вот это «Слово», обращенное не только к современникам Ярослава, но и к нам, живущим сегодня:

О светло-светлая
и украсно украшена
земля Руськая!
И многыми красотами удивлена еси:
озеры многими,
удивлена еси
реками и кладязьми месточестьными,
горами крутыми,
холми высокими,
дубровами частыми,
польми дивными,
зверьми разноличьными,
птицами бещислеными,
городы великыми,
селы дивными,
винограды обителными,
домы церковьными
и князьми грозными,
бояры честными,
вельможами многами —
всего еси испольнена
земля Русьская,
о правоверная
вера хрестияньская.
Отселе до Угор,
от Угор и до Ляхов,
от Ляхов до Чахов,
от Чахов до Ятвязи
и от Ятвязи до Литвы,
от Литвы до Немець,
от Немець до Корелы,
от Корелы до Устьюга,

где тамо бяху Тоймичи погании,
и за Дышючим морем.
От моря до Болгарь,
от Болгарь до Буртас,
от Буртас до Чермис,
от Чермис до Моръдви —
то все покорено было Богом
крестияньскому языку поганьскыя страны:
великому князю Всеволоду,
отцю его Юрью, князю Кыевьскому,
деду его Володимеру и Манамаху,
которым то Половьци
дети своя полошаху в колыбели.
А Литва из болота
на свет не выникываху.
А Угры твердяху
каменыи городы железными вороты,
абы на них великый Володимер тамо не възъехал.
А Немци радовахуся,
далече будуче за синим морем.
Буртаси, Черемиси, Веда и Моръдва
бортьничаху на князя великого Володимера.
И кюр Мануил Цесарегородскый, опас имея,
поне и великыя дары посылаше к нему,
абы под ним великый князь Володимер
Цесарягорода не взял.

А в ты дни болезнь крестияном от великаго Ярослава
И до Володимера,
И до нынешняго Ярослава,
и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго...

Но празднество празднеством, а дело делом — главное было восстановить разоренный татарами Владимир, заново отстроить другие города Северо-Восточной Руси. И Ярослав, пригласив строителей со всей Руси (особенно ценились плотники из Новгорода), строил и восстанавливал дома, дворцы, храмы, монастыри, чинил мосты и дороги. Собирал людей из других разоренных татарами земель в свое княжество, всем давал работу*.

Так возрождалась к новой жизни Владимиро-Суздальская Русь. Именно в Ярославе видела она спасителя от тьмы поганства Измаилитова, от окаянных сыроядцев.

Но более всего великого князя Ярослава тяготило отсутствие ратного дела. И когда смольняне попросили его о помощи, он не смог им отказать. Тем паче, что речь шла о деле, благом для всей Русской земли.

---

* Летописцы того времени отмечают, что к нему приходили люди от славной реки Днепра и от многих стран: галичане, волыняне, черниговцы, переяславцы, киевляне, меняне (жители Минска), мещижане (жители Мещоры), смольняне, полочане, рязанцы.

Дикие литовцы, обрадованные бедствиями Руси, завладели Смоленском и большей частью Смоленского княжества. Великий князь Ярослав с дружиной быстро выступил в поход, разбил литовцев в битве под Смоленском, взял в плен литовского князя Ердзивила Рингольтовича и посадил вместо него на смоленский стол русского князя Всеволода Мстиславича, внука Романа. А сам с большим полоном и добычей возвратился во Владимир.

Не мог отказать великий князь Ярослав в помощи и своему дальнему родственнику князю-скитальцу Михаилу Черниговскому, бежавшему из Киева. Тот попросил его вызволить из плена свою супругу, княгиню Феодору Романовну, заключенную в крепости Каменец на Подолии близ Днестра. С малой дружиной прошел Ярослав через всю Русь. Крепость Каменец взял на щит, княгиню освободил и хотел было вернуть ее супругу, но не смог найти того: затерялся князь Михаил где-то в Польше. Зато князья Романовичи — Даниил Галицкий и брат его Василько — потребовали вернуть им сестру на Волынь, что и было сделано Ярославом.

В том же 1239 году великий князь вызвал из Ростова во Владимир монаха-летописца Ефрема и велел тому составить «Летописец» о том, что случилось во Владимиро-Суздальской земле и особенно о татарщине. В другие города и монастыри были посланы грамоты, и оттуда тоже пришли достопамятные известия, включенные в Ростовский свод 1239 года. Свод этот дошел до наших дней.

Летом 1239 года ростовский епископ Кирилл на престольный праздник заново освятил храм святых князей-мучеников Бориса и Глеба в княжеской усадьбе под Суздалем, в Кидекше. Это событие вдохновило русских людей, укрепило их веру: не все погибло, пока у Руси такие заступники, как святые Борис и Глеб!

На другое лето после нашествия великий князь повелел ростовскому владыке Кириллу перенести из Ростова во Владимир тела своего брата, великого князя Юрия Всеволодовича, и племянника, ростовского князя Василька Константиновича, убитых татарами. В годовщину битвы на Сити, 4 марта, сам великий князь Ярослав, а также епископы, архимандриты и весь священный собор Владимира встречали на Суздальской дороге торжественную процессию во главе с епископом Кириллом, которая несла святые мощи князей-страдальцев. После отпевания в соборной златоверхой Успенской церкви тела Юрия и Василька погребли в каменных гробах в притворах собора. И не было слышно церковного пения из-за плача, причитаний и воплей собравшихся, свидетельствует лето-

писец. В ту пору явилось чудо дивное, памяти достойное. Рассказывают, что когда владыка приложил к телу во гробе отрубленную голову великого князя Юрия, она пристала к честному телу его так, словно никогда не была отсечена.

В княжение Ярослава Русь не знала ни одного мирного года. В 1239 году Батый начал свое второе наступление на русские земли. Он направил часть своих войск к ключевому городу Переяславлю Южному, запиравшему подходы к Южной Руси со стороны степи. Город был взят на щит, разрушен до основания, сожжен, несмотря на героическое сопротивление защитников. Осенью восточные завоеватели взяли и сожгли Чернигов. Не помогло и сопротивление дружины князя Михаила Глебовича. Та же судьба постигла Путивль, Глухов, Рыльск, Новгород-Северский. В том же году тумены хана Мункэ подошли к городку Песочне, на левом берегу Днепра, напротив Киева. Издали любуясь красотой и величием стольного Киева-града, с его белокаменными стенами и башнями, золочеными куполами церквей и монастырей, с дворцами и зеленью садов, Мункэ пришел в великое изумление — он и не знал, что на свете бывает такая красота, — и захотел пощадить город. Он направил к киевскому воеводе своих послов, предложив сдать город добровольно. Но киевляне ответили отказом и убили послов. Оскорбленный хан не решился на штурм и ушел в степи.

15 сентября 1240 года большое монгольское войско — летописцы говорят, что оно насчитывало до 600 тысяч человек во главе с самим ханом Бату — подошло к Киеву. Форсировав Днепр, татары окружили крепость и осадили ее со всех сторон. «И бе Батый у города, — пишет летописец, — и отроци его обседяху град, и не бе слышати от гласа скрипания телег его, множества ревения вельблуд его, и ржания от гласа стад конь его». Во время вылазки киевлянам удалось взять в плен татарина Товрула. От него узнали, что у стен Киева собрался весь цвет монгольских военачальников: Урдюй, Байдар, Бирюй, Кайдан, Бечка, Мункэ, Гуюк, Бедяй, Субедэ, Бурундай. Главный удар был нанесен с юга, со стороны Лядских ворот Киева. Татары использовали китайскую военную осадную технику и греческий огонь. Стенобитные машины — пороки — день и ночь разбивали городские стены. В образовавшиеся бреши устремлялись татаро-монгольские воины. Там их встречали киевляне и бились врукопашную, оказывая отчаянное сопротивление. Стрелы, тысячами летевшие на защитников, мешали даже видеть врагов.

В «Своде булгарских летописей» сохранился рассказ полководца Гази-Бараджа Бурундая. Вот что он записал:

«Когда к Башту (то есть к Киеву. — *Ю. Б.*) стало возможным подойти вплотную, хинские (китайские. — *Ю. Б.*) мастера стали неумело бить по стенам. Дело затягивалось, и Бату стал в раздражении драть мастеров плетью, грозя им страшными карами. Я, отлично зная слабости урусских укреплений, не стал, однако, им помогать советами, ибо после гибели Буляра (столицы Волжской Болгарии, где Гази-Барадж был царем. — *Ю. Б.*) не мог уже выдерживать вида жестоких убийств ни в чем не повинных людей. Жалея баштуйцев, я велел Бадри подъехать с нашей стороны к стене и вывести хотя бы часть жителей из города. Когда Аблас-Хин крикнул осажденным: «Выходите! Сейчас будет приступ!» — и высоко поднял наш хонский (то есть гуннский. — *Ю. Б.*) стяг, баштуйцы стали выходить из Медных ворот. Пока не подъехал Гуюк, я успел пропустить через свои порядки с пять тысяч жителей. Гуюк, подскочивший внезапно, оторопел от увиденного, но, к счастью, Бадри успел бросить наш стяг на стену прямо в руки догадливого баштуйца, и я выдал происходящее за вывод пленных из взятых мною ворот. Гуюк не мог меня изобличить, так как баштуйцы размахивали булгарским стягом, и в бессильной ярости велел мне уступить свое место Манкаю (то есть Менгу-хану. — *Ю. Б.*). Пока хан подходил, баштуец вышел из города с моим стягом, а его товарищи наглухо закрыли ворота. Баштуйца звали Якубом... Я поручил ему вышедших из города баштуйцев, и он смог благополучно вывести их в Галидж (то есть в Новгород. — *Ю. Б.*). Мы же отошли от города, и я, под видом несправедливо обиженного, уединился в юрту, дабы не видеть последовавшей вслед за этим бойни».

В конце концов татары завладели стенами города. Дальше, однако, они вынуждены были остановиться. Воспользовавшись передышкой, киевляне восстановили укрепления возле Софийских ворот. Последних защитников города татары осадили в Десятинном храме. Количество людей, укрывшихся в церкви, было столь велико, что рухнули хоры и часть стены.

Киев пал после восьми дней непрерывного штурма, на Николин день, 6 декабря 1240 года. Все жители, от мала до велика, и все воины были убиты. «И Святую Софию разграбили. И иконы и кресты, и все украшения церковные взяли», — с горечью записывал летописец.

В пламени пожаров сгорели дворцы, дома, церкви и монастыри. Только воеводе Дмитру Ейковичу удалось уцелеть.

Весь израненный он попал в плен, но был пощажен Батыем за его мужество.

Итальянский монах-францисканец Иоанн дель Плано Карпини, проезжавший через Киев в 1246 году, писал, что монголы «произвели великое побоище в стране Руси, разрушили города и крепости, убили людей, осадили Киев, который был столицей Руси, после продолжительной осады взяли его, убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили неисчислимые головы и кости мертвых людей, которые лежали на поле, ибо город этот был очень большим и многолюдным; а теперь он низведен почти ни на что, едва имеется 200 домов, а людей держат они в тяжелейшем рабстве». Так не стало «матери городов русских», как назвал Киев еще князь Олег Вещий. «Только дым, и земля, и пепел»...

После взятия Киева главные силы Батыя устремились к Владимиру-Волынскому и Галичу, пленили и разрушили их, а затем уничтожили еще несколько десятков городов.

Красотой Владимира-Волынского в 1231 году любовался венгерский король. Он считал, что такого красивого города нет в «немецких землях».

Русь была порабощена. Южной Руси повезло еще меньше, чем Северо-Восточной, ибо в ней десятилетиями хозяйничали татарские каратели — Куремса, Бурундай, Ногай, Телебуга...

Позднее, в 70-е годы XIII века, владимирский епископ и проповедник Серапион, передавая впечатление от страшного разгрома Руси во время татарщины, писал: «И вот навел Бог на нас народ немилостивый, народ лютый, народ, не щадящий красоты юношей, немощи старцев, младости детей. Воздвигнули мы на себя ярость Бога: разрушены божественные церкви, осквернены священные сосуды, потоптаны святыни, святители преданы мечу, тела монашеские брошены птицам, кровь отцов и братьев наших, словно вода, обильно напоила землю. Исчезло мужество князей и воевод наших, храбрецы наши, исполненные страха, обратились в бегство. А сколько их уведено в плен! Села наши поросли лесом. Смирилось величие наше, погибла красота наша. Богатство, труд, земля — все достояние иноплеменных. Соседям нашим служили мы в поношение и стали предметом смеха для врагов наших... Каких только наказаний не приняли мы от Бога! Не пленена ли земля наша? Не взяты ли города наши? Не усеяли ли наши отцы и братья трупами землю? Не уведены ли жены и дети наши в плен? А кто остался в живых, не порабощены ли они на горькую работу от иноплеменников?..»

Разгром был ужасающий. Но Северо-Восточная Русь сумела за три-пять лет отчасти залечить свои раны — и во многом благодаря великому князю Ярославу Всеволодовичу. Новгородское же княжество, на столе которого сидел Александр, почти не пострадало; исключение составили лишь его южные города: Торжок, Тверь, села Селигерского пути.

«Война — лучший лекарь, — говорили ханы, — она очищает душу монгола, укрепляет тело, делает одних победителями во имя Неба, а других побежденными, рабами, которыми монголы будут повелевать!»

В 1241 году перед Батыем открылся путь в Европу. Ему надо было завоевать Запад, чтобы исполнить завет Чингисхана. Великие ханы домов Чингиса и Джучи были настроены решительно, так как короли европейских стран и сам римский папа не ответили на их требование полной покорности и не явились с данями перед лицо владык Азиатского мира.

В 1241 году Батый двинул из Галицкой Руси свое 500-тысячное войско пятью колоннами через Карпаты в Венгрию, Польшу и далее в Моравию и Чехию, потом в Словению, Хорватию и Далмацию. В войне участвовало булгарское войско Гази-Бараджа Бурундая, а также русские воины. Сам Бурундай писал в своей летописи следующее:

«Мы выступили раньше Бату и на пути в Байлак (то есть в Польшу. — *Ю. Б.*) к Байдару примкнуло 10 000 шамлынцев (смоленцев. — *Ю. Б.*) бека Микаиля. Шамлынцы занимали стены попадавшихся на пути городов, а татары грабили и жгли их... Поход этот был самым отвратительным в моей жизни. Зверства и бессмысленные убийства татар выводили моих людей из себя, а мэнхолов всегда бесило то, что я разбивал свой стан поодаль от них и вызывающе окружал его возами, щитами и завалами из деревьев».

А вот что сообщает современная событиям «Хроника Великой Польши»:

«В году 1241 Батый, татарский хан, со своим войском — народом многочисленным и жестоким, пройдя Русь, вознамерился вторгнуться в Венгрию. Но прежде чем он достиг венгерских границ, он направил часть своего войска против Польши. Они в день Пепла опустошили и город (Сандомир. — *Ю. Б.*), и Сандомирскую землю, не пощадив ни пола, ни возраста. Затем они через Вислицу пришли в Краков, подвергнув все опустошению. Недалеко от Ополья их встретили князья Владислав Опольский и Болеслав Сандомирский и начали было сражаться с ними, но бежали, не имея

возможности сопротивляться ни их многочисленности, ни воле Божьей. И, таким образом, упомянутая часть татарского войска, опустошив Серадз, Ленчицу и Куявию, дошла до Силезии. С ними Генрих, сын Генриха Бородатого, князь Силезский, Польский и Краковский, со многими тысячами вооруженных воинов встретился на поле у крепости Легница и, уповая на Божью помощь, уверенно с ними сразился. Но, с соизволения Господа, который иногда допускает избиение и своих за их преступления, знаменитый вышеупомянутый князь Генрих вместе со многими тысячами несчастных людей пал на поле боя... Когда Батый, татарский князь, вторгся в Венгрию, ему преградили дорогу венгерские короли, братья Бела и Коломан. Последние, потеряв в сражении бóльшую часть своего войска, обратились в бегство. Так Батый опустошил Венгрию, жестоко убивая людей от мала до велика, не щадя ни пола, ни возраста, переправился через реку Дунай. Пробыл он в этом королевстве год или более, учинив жестокую резню в народе и нечестивое разорение городов».

В Венгрии в битве при реке Шайо, притоке Тисы, сложили головы 56 тысяч рыцарей. В битве при Лигнице в Силезии потери рыцарей исчислялись десятками тысяч. Монголы собрали на поле боя 9 тысяч овечьих мешков с отрезанными левыми ушами рыцарей. Правда, король Вацлав и моравский рыцарь Ярослав из Штернберга нанесли чувствительные поражения монголам, но все же они не могли остановить восточных завоевателей. Последние дошли до Кракова, Будапешта, Вены, Загреба и до Адриатического моря, приняв его за «последнее море», достигнуть которого им повелел Чингисхан. Завоевания сопровождались массовыми убийствами, уводом в плен, грабежами и насилиями. В Западной Европе ожидали нашествия монголов как величайшего бедствия, когда-либо постигавшего человеческий род. Властитель Франции читал и перечитывал грозное послание монгольского хана к нему: «Именем Бога Вседержителя повелеваю тебе, королю Людовику, быть мне послушным и торжественно объявить, чего желаешь: мира или войны? Когда воля Небес исполнится и весь мир признает меня своим повелителем, тогда воцарится на земле блаженное спокойствие и счастливые народы увидят, что мы для них сделали! Но если дерзнешь отвергнуть повеление божественное и скажешь, что земля твоя отдаленная, горы неприступные, моря глубокие и нас не боишься, то Всесильный, облегчая трудное и приближая отдаленное, покажет тебе, что мы можем сделать».

В своей «Хронике» Матвей Парижский сохранил рассказ о том, с какой трогательной покорностью западные владыки были готовы принять татар как наказание свыше. Король Людовик с печалью отвечал своей матери королеве Бланш: «Небесное утешение поддерживает нас! Ибо если эти татары, как они себя именуют, дойдут до нас, или мы пойдем за ними в те места, где они живут, то все равно, — мы пойдем на небеса!»

Но зимой 1241/42 года гонец из Сарая принес Бату скорбную весть: 11 декабря 1241 года скончался великий хан Угедей, и трон великих ханов стал свободен. Говорят, что Угедей умер внезапно, отравленный некой знатной женщиной; последнюю тут же казнили. А в империи монголов началась ожесточенная борьба между потомками Угедея, с одной стороны, и потомками Толуя, брата Угедея, с другой. Ведущую роль в этой борьбе, открытой и скрытой, играли женщины-ханши. Клан старшего брата Джучи в лице Бату в противовес Гуюку, старшему сыну Угедея, поддержал Мункэ, старшего сына Толуя. Русь устраивало такое положение вещей, ибо монгольские властители были заняты больше борьбой между собой, нежели подвластными им землями. Русь как бы получила передышку: военно-карательная система монголов окончательно сформировалась только к 1259 году.

1 марта 1242 года Батый собрал свои войска в устье Дуная и двинулся в половецкие степи, в низовья Волги, где он решил построить столицу своего государства.

Официальная государственность Большой Орды Улуса Джучи началась с 1243 года, когда старший брат Бату Орду-Ичен основал столицу Сарай-Бату. Пока это был только кибиточный город. Но монголам не терпелось установить десятину на покоренные народы. Владения Улуса Джучи простирались на громадные расстояния от Дуная, где находилось завоеванное монголами Болгарское царство, до Иртыша, Половецкой степи, Причерноморья, Поволжья, Приуралья, Крыма, Северного Кавказа с Дербентом, а также Хорезма. В Азии и в Европе сложилась единая Монгольская империя во главе с Чингизидами. Средней Азией владел сын Чингиса Чагатай, отчего страна называлась Чагатайским улусом. Внук Чингиса Хулагу готовился со своей армией завоевать Туркменистан до Амударьи, а также Закавказье, Персию и арабские земли до Евфрата. И все эти земли должны были составить Улус Хулагу, иль-хана. Все три улуса подчинялись императору Монголии. Последнему принадлежали, кроме Монголии, Китай, Центральная Азия, юго-восточная Сибирь и Дальний Восток. Но в 1243 году престол

в Каракоруме оставался пуст. Всем руководила лукавая и хитрая вдова Угедея Туракина. Она готовила своего малолетнего сына Гуюка в императоры. Бату мешал ей как мог, уклонялся от присутствия на курултае, ссылаясь на болезни. Но вместе с тем Бату вынашивал планы покорения Европы, и Гуюк нужен был ему как союзник. В этой большой игре обоим ханам понадобился великий князь Ярослав и его сын князь Александр. Те были в курсе монгольских планов и тоже старались лавировать в сложной дипломатической игре. Северо-Западная Русь с Новгородом и Псковом еще не была подчинена татаро-монголам, но ханы надеялись использовать для своих целей молодого сына Ярослава. Юго-Западная Русь тоже не была вполне подчинена Востоку, как и Литовское княжество, чьи князья с вожделением смотрели на восточнославянские земли. Непокоренные страны на Восточно-Европейской равнине занозами торчали в теле Улуса Джучи, и хану Бату непременно хотелось их вытащить. Отсюда проистекает пристальное внимание Батыя и к князю Ярославу, и к его сыну Александру.

В то время татарские баскаки — сборщики дани — еще не развернули своей грабительской деятельности в землях Северо-Восточной Руси. Но беда объединяла людей, побуждая их на подвиг свержения ненавистного ига. Молодые князья Северо-Восточной Руси, истинные русские рыцари, более других кипели негодованием и мечтали отомстить восточным завоевателям, защитить своих подданных от притеснений татар. Пока они еще не полностью отдавали себе отчет в том, что такое татаро-монгольская власть, каковы ее корни и насколько она прочна. Города и селения еще дымились после пожаров, а под развалинами и пепелищами уже разгоралось другое пламя — пламя любви к Отечеству. Однако верховная власть во взбудораженном и бурлящем отечестве не могла поддаваться чувству, противопоставляя ему разум. Сейчас нельзя было воевать с татарами, хотя отдельные князья, вроде князя Костромского Василия Георгиевича, были не согласны с этим. Великий князь Ярослав отлично понимал тяжелую ситуацию, в которой оказалась Русь, но надеялся поправить ее путем тонкой дипломатической игры с Востоком.

В начале 1243 года в стольный город на Клязьме прибыл посол из Сарая. «Сын Неба, великий хан Большой Орды Бату, зовет тебя к себе на поклон, — объявил он. — Приходи, не бойся. Поклонишься и достойную честь примешь и восприимешь старейшинство в Русской земле». Великий князь согласился. Иного выхода не было. Тогда, в первые годы та-

таршины, и князья, и народ были в одинаковом положении данников Орды.

Посол римского папы Иннокентия IV Иоанн дель Плано Карпини так писал о татарских данях: «Побежденные обязаны давать монголам одну десятую часть всего имения, рабов, войско и служить орудием для истребления других народов. В наше время Гуюк и Бату прислали на Русь вельможу своего с тем, чтобы он брал везде от трех сыновей третьего; но сей человек нахватал множество людей без всякого разбора и переписал всех жителей как данников, обложив каждого из них шкурою белого медведя, бобра, куницы, хорька и черною лисьей; а неплатящие должны быть рабами монголов».

Трудно даже представить себе, что ждало Русь. При таких страшных поборах и данях она могла превратиться во вторую Камскую Булгарию или Половецкую степь, исчезнуть с лица земли, затеряться среди народов, нахлынувших из Азии. Если Русь выстояла, то это заслуга таких мужей, как Ярослав и Александр. Но им приходилось платить огромную дань татарам, везти с собою в Орду богатые подарки. «В лето 6753 (1246) при архиепископе Спиридоне Великого Новгорода и Пскова великий князь Ярослав начал дани давать в Золотую Орду», — читаем мы в Новгородской Третьей летописи.

Весной 1243 года великий князь Ярослав прибыл в Сарай. Он привез с собой богатые подарки — бочонки с золотом, которые должны были задобрить хана, отвратить его гнев от людишек Русской земли. Город Сарай еще только строился и не производил впечатления ухоженной столицы: кибитки, шатры, палатки, обозы и пасущийся где попало скот... Одним словом, непритязательное грязное место. Ярослава заставили исполнить положенный обряд поклонения хану: ему пришлось пройти между двух огней, поклониться солнцу и кусту, онгонам — куклам, войти в ханский шатер с востока так, чтобы не зацепиться за высокий порог, и пасть ниц перед троном хана. Батый милостиво разрешил подняться, и великий князь встал на колени и так униженно выстоял все то время, пока хан говорил слова приветствия своему вассалу.

«Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий! Спаси и помилуй меня, грешного раба Твоего Феодора! Согрешил я, поклонившись идолам и твари, ради сохранения державы своей и людей русских! — молился великий князь в своем шатре. — И поганому поклонишься по обычаю его, лишь бы была жива земля Святорусская, о правоверная вера христианская!»

Иоанн дель Плано Карпини так описывает ханскую ставку: «Сам Батый живет на берегу Волги, имея пышный, великолепный двор и 600 000 воинов (160 000 татар и 450 000 иноплеменников, христиан и других подданных). В пятницу Страстной недели провели нас в ставку его между двумя огнями для того, как говорили татары, что огонь есть чистилище для всяких злых умыслов... Мы должны были несколько раз кланяться и вступать в шатер, не касаясь порога. Батый сидел на троне с одной из своих жен, его братья, дети и вельможи — на скамьях, другие — на земле, мужчины — на правой, а женщины — на левой стороне. Сей шатер, сделанный из тонкого полотна, принадлежал королю венгерскому; никто не смеет входить туда без особенного дозволения, кроме семейства ханского. Нам указали место на левой стороне. Он и вельможи его пили из золотых или серебряных сосудов, причем всегда гремела музыка с песнями. Батый имеет лицо красноватое, ласков в обхождении со своими, но грозен для всех; на войне жесток, хитер и славится опытностью... Батый и все татарские князья, а особенно в собрании, не пьют иначе, как при звуке песен или струнных инструментов. Когда же выезжает, то всегда над головой его носят щит от солнца или шатер на коне. Так делают все татарские знатные князья и их жены...»

По знаку хана Ярослав встал и повелел своему толмачу читать приветственное слово в переводе на монгольский язык. Оно было составлено в выспренних, витиеватых выражениях: хан сравнивался с солнцем, а его мурзы — с лунами; восхвалялись многочисленные добродетели хана и его достоинства как государственного мужа, полководца и судьи; говорилось и о том, что покоренные им народы прославляют его милости и молятся о его здравии, благополучии и долгой жизни. Затем наступил черед преподнесения подарков. Слуги великого князя выкатили бочонки с золотом, к шатру подвели венгерских иноходцев, дружинники внесли франкские мечи и доспехи для сыновей хана. Ханша Боракчин и остальные 25 жен из гарема также остались довольны подарками, которые им смиренно преподнес владимиро-суздальский князь. В числе подношений были яхонты, изумруды, топазы, жемчуга, кольца и венцы из серебра и золота, ожерелья, дорогие византийские и русские ткани и одежды.

Хан был доволен. Он оказал великому князю честь, пригласив его подойти к нему и выпить из его рук чашу заморского вина.

Краснолицый, маленький, с монгольскими чертами лица, он не производил впечатление могущественного государя. Но размеры его царства говорили сами за себя.

Ярослав остался у Батыя; сыну же его, князю Константину Ярославичу, пришлось отправиться «к Кановичам» — в самое сердце Монгольской империи — город Каракорум, ставку великих ханов.

Сколько времени великий князь Ярослав пробыл в Сарае, неизвестно. Но в том же году он вернулся. Батый, читаем в летописи, оказал Ярославу «великую честь», почтил и бывших с ним мужей-бояр и утвердил Ярослава великим князем всей Руси. «Ярославе, буди ты старей всем князем в Русском языце», — такие слова Батыя передает летописец. Среди прочих городов Ярослав получил и Киев, где воеводою сел славный ратоборец Дмитр Ейкович — на этот раз уже в качестве суздальского наместника.

Киев был разорен, уничтожен; он оставался лишь символом былого величия Киевской Руси, и только в этом последнем качестве вручен великому князю Ярославу. Отныне и на севере, и на юге Руси Батый решил опираться только на суздальских князей. Впрочем, на всякий случай, хан Батый, недоверчивый и скрытный, взял в заложники сына Ярослава, Святослава, который некоторое время жил в Сарае. Так Ярослав сохранил свое княжество и даже политический строй в нем: систему прежнего вассалитета.

Возвратившись во Владимир, Ярослав призвал к себе жену и сына. Те долго рассматривали ханский ярлык на коже и золотую дощечку — пайцзу — с выцарапанными на ней непонятными буквами.

Вскоре в Орду зачастили другие суздальские князья: углицкий, ростовский, ярославский, белозерский. Здесь они составили совместный договор о границах своих владений и принципах управления ими. Хан Батый утвердил договор.

Так русская феодально-ленная система отныне получила монгольское освящение, которое на века скрепило существующий порядок.

На следующий год, 4 мая 1244 года, в Новгороде скончалась мать князя Александра, великая княгиня Ростислава-Феодосия, честнейшая супружница великого князя Ярослава, принесшая ему восьмерых сыновей и двух дочерей. Перед кончиной она приняла иноческий постриг с именем Евфросиния. Ее тело было положено в усыпальнице Юрьевского монастыря в Новгороде рядом с телом ее старшего сы-

Великий князь Александр Ярославич Невский.
Портрет из «Титулярника» 1672 г.

Великий князь Владимир Всеволодович Мономах. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

Великий князь Юрий Владимирович Долгорукий. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

Переяславль-Залесский. Спасо-Преображенский собор с окружающей застройкой в XII в. *Реконструкция Г. В. Борисевича.*

Великий князь Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

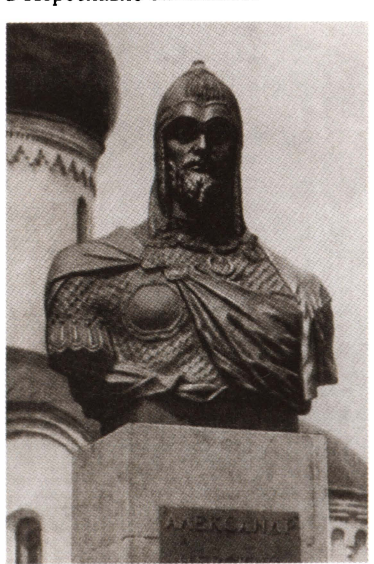
Великий князь Ярослав Всеволодович. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

Шлем великого князя Ярослава Всеволодовича.

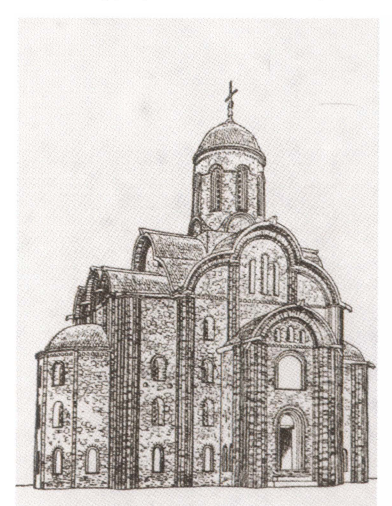

Памятник князю Александру Невскому в Переславле-Залесском.

Собор Святой Софии в Новгороде. *Современный вид.*

Церковь Параскевы Пятницы
в Новгороде. *1207 г.*
Реконструкция Г М. Штендера.

Церковь Николы на Липне
в Новгороде. *1292 г.*

Начало княжения в Киеве великого князя Ярослава Всеволодовича, а в Новгороде — его сына Александра Ярославича. *Миниатюра Лицевого летописного свода. XVI в.*

Великий князь Ярослав Всеволодович. *Ктиторская фреска храма Святого Спаса Преображения на Нередице. Около 1246 г.*

Князь Александр Ярославич молится в храме Святой Софии в Новгороде накануне Невской битвы.
Миниатюра Лицевого летописного свода.

Русские княжества в XIII в. Борьба народов нашей страны с иноземными захватчиками.

Возвращение князя Александра Ярославича после победы в Невской битве в Новгород. *Миниатюра Лицевого летописного свода.*

Памятник Александру Невскому в Пскове.

Псков. Спасо-Мирожский монастырь. *Фото Н. А. Алексеева.*

Князь Александр Ярославич с семьей возвращается из Новгорода после ссоры с новгородцами. *Миниатюра Лицевого летописного свода.*

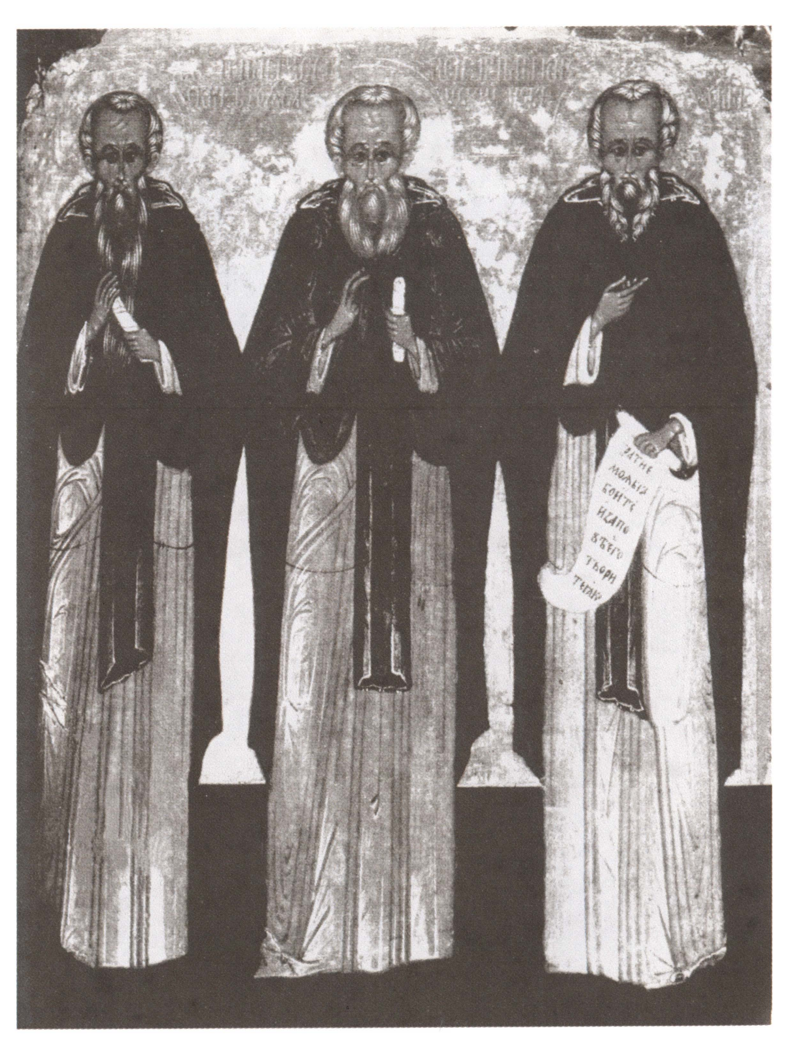
Но укрепи ся силою крестною. и ополчившеся
идоша на них. наступиша на озеро Чюдское. бы
обоих множество велми. отецъ же его вели
кии князь Ярослав Всеволодич. прислал бе ему
на помочь брата его меньшаго князя Андрея
со множеством вои своих. тако бо бяше у предника

Ледовое побоище: войска вступают на Чудское озеро.
Миниатюра Лицевого летописного свода.

Ледовое побоище: в центре князь Александр Ярославич (с нимбом).
Миниатюра Лицевого летописного свода.

Ледовое побоище: небесные силы помогают русскому воинству.
Миниатюра Лицевого летописного свода.

Святой Иоанн (?), преподобный Авраамий Ростовский
и святой Александр Невский. *Новгородская икона XVI в.*

на Федора. Горько плакал Ярослав о разлучении подружия своего: Феодосия была ему всегда другом и истинной помощницей, утешительницей во всем.

Еще год спустя вернулся «от Кановичей», то есть из Монголии, князь Константин Ярославич. Он привез отцу ханскую грамоту: хан требовал великого князя в Каракорум. Делать нечего. Ярослав собрался и вместе с братьями выехал в Орду. На многих подводах везли с собой подарки, без которых в Орде нельзя было сделать ни шагу, припасы на многие месяцы пути, так как предстояло преодолеть семь с половиной тысяч верст в одну сторону и столько же в другую.

В то время в Каракоруме всем заправляла ханша Туракина, вдова Угедея; после смерти мужа она готовила избрание великим ханом своего сына Гуюка. Предполагалось, что князь Ярослав успеет к избранию нового великого хана и получит подтверждение на великое княжение: без этого подтверждения ярлык Бату был недействительным.

Путь в Каракорум был тяжелейшим, ни с чем не сравнимым испытанием езды верхом и в кибитке по безводной степи, через земли тюркских народов — кипчаков, карлуков, каганлы — по нынешнему северному Казахстану до озера Байкал, а далее на юг, через пустыню Гоби к истокам Амура. Там на исторической родине монголов в 1220-е годы была построена столица обширнейшей империи — город Каракорум.

Это была страна, где народ не пахал, не сеял, где не было ни хижин, ни домов, а только войлочные палатки и шатры, где люди одевались в шкуры животных, где жили разведением скота, охотой да рыбной ловлей, где ели рис, просо и молоко, сыр, мясо домашних животных.

В дороге путники испытывали большие страдания от голода, холода, стужи, иногда — от жары. Почти все бояре умерли в пути. Только несколько человек остались в живых, и среди них — великий князь.

Наконец, добрались до монгольской столицы на реке Орхон, где их приветливо встретили вельможи великой ханши. Они проводили великого князя в роскошный шатер, который находился тут же, на окраине города. На следующий день пошли осматривать столицу. Каракорум — громаднейший город, опоясанный глиняной стеной, с четырьмя воротами. Город был одноэтажным. Внутри тянулись бесконечные ряды и вереницы шатров, предназначенные как для знати, так и для простолюдинов. Роскошью выделялись шатры мурз, темников, чиновников и вельмож. Похуже были шатры у слуг, ремесленников, работных людей. Население было многоязычным. Звучала монгольская, татарская, пер-

сидская, хивинская, китайская, уйгурская, маньчжурская, арабская речь. Были даже немцы и французы, которые служили за жалованье в войске, при дворе или как ремесленники и архитекторы. В городе находилось множество храмов всех религий: католические, православные, несторианские, буддийские, мусульманские. Временами попадались языческие кумирни всевозможных азиатских народов, имена которых великий князь не мог запомнить. Зато запомнился шумный восточный базар и разноязыкая, в красочных одеждах толпа, которая без конца что-то покупала и продавала, запомнились восточные менялы и ростовщики — предтечи современных банкиров... А вот и громадный двухэтажный богато украшенный дворец великого хана, находящийся за городом. Перед ним — большая площадь со множеством фонтанов и украшений в виде золотых и серебряных статуй, птиц, зверей, диковинных животных и т. п. Глаза разбегались от этого невиданного великолепия, по сравнению с которым дворцы из сказок «Тысячи и одной ночи» могут показаться блеклыми и серыми.

В тронной зале из мрамора принимались иностранные посольства. Великий хан или ханша Туракина восседали на огромном троне, находившемся на возвышении. Трон был украшен золотом и серебром, искусными фигурками, листьями и цветами из металлов, драгоценными камнями.

Повсюду стояли вельможи, чиновники и слуги в красивых одеждах. На площади вельможи разъезжали на богато убранных конях в роскошных одеждах. Одежды каждый день менялись. Если в первый день все были одеты в белое, то во второй — в зеленое, в третий — в голубое, в четвертый — в золотистое, в пятый — в красное. У коней уздечки, седла, подпруги, нагрудные бляхи сияли золотом и серебром. Но при этом во всем проступало какое-то варварство, нелепица, безвкусица, нечистоплотность (монголам нельзя было мыться!).

Иногда ханы переезжали с места на место в пределах города, и за ними тянулись огромные обозы со снедью, припасами, кумысом, водой и винами в сопровождении слуг, чад и домочадцев, охраны. Перевозились несметные богатства, но при этом никто ничего не воровал. Честность во всем была повсеместной и потрясающей.

Ханский шатер походного типа утверждался на четырех столбах, обшитых золотыми листами. Ковры, золото и драгоценности украшали его внутри и снаружи. Вокруг обширных станов в пределах города и на окраинах паслись бесчисленные стада, состоящие из лошадей, верблюдов, коз, овец и коров.

Проходило время, а о Ярославе как будто позабыли. Как свидетельствует Плано Карпини, «татары более горды, чем другие народы, и презирают других, не обращая внимания на знатность тех, с кем имеют дело».

Ведь великий князь был в числе четырех тысяч других гостей, которые съехались со всех сторон света от покоренных народов на коронацию монгольского императора. Им посылались припасы, кормление — и не более того!

Наконец, в апреле 1246 года великого князя Ярослава приняла ханша Туракина, и после обычных в таких случаях обрядов и принятия дорогих подарков милостиво разговаривала с ним, пообещав русскому князю покровительство в обмен на его покорность и покорность его народа.

Процедура избрания хана продолжалась в Каракоруме четыре года и завершилась только 24 мая 1246 года. Вскоре воссевший на престол великий хан Гуюк принял великого князя из далекой Русской земли.

Молодой хан, небольшого роста, с красноватым лицом с монгольскими чертами, сидел на троне в великолепном шатре восточной работы, сделанном из дорогой белой ткани, украшенном изнутри золотом и драгоценными камнями, которые горели и сверкали при свете светильников. Его трон был из слоновой кости, обрамленный золотом и драгоценными камнями. Это была работа русского пленного умельца Косьмы, золотых дел мастера.

Последовали все те же обычные церемонии, унизительные для Ярослава: все то же вручение подарков, обмен посольскими речами. Наконец великий хан передал князю новый ярлык на владение великим княжением и золотую пластинку — пайцзу. Гуюк был надменен, властен и презирал всех, кроме монголов. Он готовил новый смертоносный поход в Европу ради установления мирового господства. И, может быть, только его ранняя смерть избавила мир от новых рек крови, от разрушения городов, храмов, церквей, монастырей, дворцов, от уничтожения всех памятников искусства.

Во время беседы с ханом Ярослав не забыл и про своего сына князя Александра, получив за него ярлык на Новгородское княжение. И ростовских князей не забыл тоже: испросил Ростовский удел для детей князя Василька Бориса и Глеба. По малолетству братьев Васильковичей и с согласия княгини Марии Михайловны Ростовской областью правил сам великий князь Ярослав Всеволодович.

Однако развязка каракорумской поездки князя Ярослава оказалась трагической. Несмотря на внешне благожелатель-

ное отношение к нему, ханша Туракина, враждебная Батыю, не пожелала допустить утверждения сарайского ставленника главой всей Руси. Злоба душила ее и побуждала на крайние поступки. По свидетельству все того же Плано Карпини, великий князь был отравлен ханшей. Она позвала его в свой шатер и угостила ужином. Выпив из ее рук чашу с отравленным вином, великий князь почувствовал себя плохо. Он с трудом добрался до своего шатра, там слег и через семь дней скончался. Перед смертью великий князь успел продиктовать своему писцу завещание, текст которого сохранился в поздних редакциях Жития святого Александра Невского. Вот что оно гласило:

«Благословение чадом, шести сыновом.

О возлюблении мои сынове! Плод чрева моего — храбрый и мудрый Александре, и споспешный Андрей, и удалый Константине, и Ярославе, и милый Даниле, и добротный Михаиле! Будите благочестию истинии поборницы и величествию державы Русьския Богом утверждении настольницы! Божия же благодать, и милость, и благословение на вас да в земли Суждальстей умножится в роды и роды во веки. Аз уже к тому не имам видети вас, ни в земли Суждальстей быти: уже бо сила моя изнеможе и жития кончина приближися. Вы же не презрите двоих ми дщерей Евдокеи и Ульянии, сестер ваших, уже бяше им настоящее сии время горчайши жельчи и пелыни, понеже матери и отца лишени суть. Изнемогая болезнию от многих истощений и нужи, предаю со многим благодарением душу свою в руце Богови во иноплеменных землих. Месяца сентября, в 30-й день. Лета 6754 (1246)-го. Аминь».

И так скончался. Владимирский летописец позднее записал под тем же годом благочестивое сказание, прославляющее подвиг страдальца великого князя Ярослава: «Что убо сего больши яко же Святое Писание глаголет, еже положити душу свою за други своя? И тако сий приснопамятный, великий князь Ярослав в дальней земли, в Канове Орде, положи душу свою за святыя домы церковныя и за веру христианскую и за вся люди земли Рускияl И за это причьте его Бог ко избранному своему стаду праведных селения».

Воскресенская летопись, составленная в XVI веке, сообщает, что причиной отравления великого князя стал донос черниговского боярина Федора Яруновича. Тот будто бы узнал, что князь Ярослав в присутствии рыцаря Жемера пообещал папскому легату Иоанну дель Плано Карпини перейти в католическую веру. А для монголов союз Руси и Рима был крайне опасен... Впоследствии Федор Ярунович был

узнан в толпе во время похорон великого князя во Владимире и убит.

О гибели Ярослава сообщает и современная ему Волынская летопись: «Ярослава великого князя зельем умориша...

...На десять дней всего пережил Ярослав другого страдальца русского — князя черниговского Михаила Всеволодовича. Тот вместе со своим боярином Феодором был замучен в Сарае 20 сентября 1246 года. Вызванный ханом Батыем, Михаил попросил благословения у своего духовного отца епископа Иоанна и получил его. «Многие князья ездили в Орду, — сказал епископ князю, — и, прельстясь славою мира сего, ходили сквозь огонь, кланялись идолам, вкушали оскверненную пищу. Но ты, князь, не подражай им». Князь отвечал: «Я желаю пролить кровь мою за Христа и за веру чистую». То же сказал и боярин Феодор. Когда князь Михаил с боярином Феодором и князем Борисом Васильковичем Ростовским прибыли в стан Батыя, монгольские волхвы предложили им пройти очищение огнем и поклониться кусту и войлочным куклам, которые олицетворяли изображения ханов, — словом, сделать все то, что требовали ханы от русских князей — своих вассалов. Только после этого им дозволялось преподнести хану и его вельможам и женам подарки и обратиться к хану через толмача.

Михаил отказался исполнять противные христианину обряды. Узнав об этом, Батый рассвирепел и приказал насильно привести к нему русского князя. «Я готов поклониться царю, — твердо отвечал ему князь Михаил, — ему вручает Бог судьбу царств земных, но я христианин и не могу поклониться идолам и твари». Слуги с ненавистью вытолкнули князя Михаила из шатра и проводили его до отведенного ему места. Вскоре пришли мурзы и объявили Михаилу: «Идут от хана люди убить тебя. Покорись и останешься жив!» Скоро явились и убийцы. Соскочив с коней, они схватили Михаила за ноги и за руки и, растянув его, принялись бить кулаками и палками, потом повернули лицом к земле и убивали ногами. Один из телохранителей хана долго бил князя пятками в живот, пока тот не скончался. Какой-то отступник из Путивля, по имени Домант, отрезал убитому голову. После того стали уговаривать боярина Феодора и обещали ему почести в случае повиновения. Он же отвечал: «Не хочу кланяться твари, хочу страдать за Христа, как государь мой!» Его мучили так же, как и князя, и тоже убили. Это случилось 20 сентября 1246 года.

Тела мучеников были брошены псам, но остались невредимыми. Господь явил свое знамение: над святыми мощами

встал столп света, зажглись огни и было слышно ангельское пение. Верующие перенесли их тела на Русь, в Чернигов, и там погребли в кафедральном соборе Святого Спаса. Церковь причислила князя Михаила и боярина Феодора к лику святых.

...Прав был великий русский поэт А. С. Пушкин, когда писал: «Русские необозримые равнины поглотили силу монголов и остановили нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу порабощенную Русь и возвратились в степи своего Востока. Образующееся просвещение было спасено растерзанной Россией».

Прав был и наш романтик-социалист Н. Г. Чернышевский: «Нет, не завоевателями и грабителями выступали в истории политической русские, а спасителями, спасителями от ига монгольского, которое они сдержали на мощной вые своей, не допустив его до Европы, быв стеной ей, правда, подвергнувшейся всем выстрелам, стеной, которую наполовину было разбили враги».

Спасителями и Руси, и Европы в конечном итоге надо считать выдающихся политиков, дипломатов, полководцев, в числе которых на первом месте блистают имена великих князей Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Ярославича.

РАТИ ЛИТОВСКИЕ

В тот год, когда князь Александр с великой победой возвратился во Псков и заключил мир с немцами, пришла весть о том, что литовские князья собрали большое войско, перешли границу Псковской земли, разорили и сожгли десятки сел и малых городов, увели в плен их жителей. По реке Луге, пишет летописец, «поимали вси кони и скот, и нелзе бяше орати по селам, зане же коней не бяше». Все новые и новые отряды литовцев, предводительствуемые своими князьями, выходили из лесов и болот, неожиданно появлялись перед русскими городами, иногда захватывали их, грабили и разоряли, убивали мирных жителей. Воинственная, полудикая литва стала в XIII веке третьим после шведов и немцев врагом Руси, появившимся с запада.

Постоянная война с Литвой отличалась от столкновений с Орденом. Это была не угроза нашествия иной культуры с целью порабощения, но грабительская война, обескровли-

вавшая Новгород и Псков, а также Белорусские земли. Но в новгородскую историческую традицию война с Литвой вошла как сопротивление агрессии, равновеликой агрессии меченосцев.

...Задолго до описываемых событий территория между Вислой и Западной Двиной была занята людьми древнего воинственного балтского племени, которые назвали себя айстами и селились в лесисто-болотистой местности по берегам рек и озер. Они были родичами славян и некогда говорили на одном прабалтославянском языке. Балты жили земледельческими общинами, поклонялись Перкунасу, объединялись в союзы племен. Они отличались друг от друга наречиями. Так, на западе страны жили жемайты, на востоке — аукшайты, на юге — ятвяги. Литовцы были одним из аукшайтских племен. Натиск немцев, укрепившихся на восточном побережье Балтийского моря, в устьях главных рек — Даугавы, Немана, Вислы, поднял литовские племена с места; начался процесс образования Литовского государства. Один из способов выживания литовских племен в условиях растущей немецкой агрессии состоял в захвате земель соседей — восточных славян. После 1219 года литовские князья из родов Палемона и Довспрунгиса объединились и стали нападать на русские земли. Имена этих князей — Живинтуд, Давьят, Довспрунг, Миндовг и другие.

Нападения литовских князей проходили более или менее регулярно, иногда — каждый год. Так, набеги имели место в 1222, 1224, 1225, 1226, 1229, 1234 годах. В 1234 году дружина князя Ярослава Всеволодовича разбила литовское войско под Дубровной. В этой битве участвовал и юный князь Александр. Через год русские разгромили литовский отряд, совершавший набег на город Старую Руссу.

Одновременно литовцы воевали с крестоносцами, сражаясь за свою свободу и независимость. В 1236 году большое орденское войско было отправлено рижским епископом на завоевание Жемайтии. Когда рыцари возвращались из Литвы, близ Сауле (ныне — Шауляй) они попали в западню: рыцарей, заночевавших среди болот на островке, окружили литовские и земгальские воины под командованием новогрудского князя Рынгольта Альгимунтовича. Бой проходил в топкой болотистой местности, облаченные в тяжелые доспехи крестоносцы увязали в болоте и тонули. Сам магистр Фольквин фон Виттерштеттен погиб вместе с 50 командорами. Лишь немногим рыцарям удалось спастись. Сотни же из них попали в литовский плен. Это случилось 21 сентября 1236 года. После этого разгрома Орден меченосцев рас-

пался, и его остатки были включены в новообразованный Ливонский орден (12 мая 1237 года).

Эта победа вдохновила литовцев. Новорожденное Литовское государство сумело расширить свою территорию за счет славянских земель. Князь новогрудский Рынгольт Альгимунтович разбил у Немана объединенное славянское войско и завоевал почти всю Белоруссию с Полоцком, Витебском, Оршей и Смоленском. Его сын — первый литовский великий князь Миндовг (1236—1263) оттеснил от власти своих братьев Ердзивила и Довспрунга и стал собирать большое войско. Видимо, настал черед Псковской земли. Миндовг полагал, что сможет легко захватить ее. Но он просчитался, так как не учел, что земли Новгорода и Пскова защищает такой великий полководец, как князь Александр. Собрав дружину и ополчения новгородцев и псковичей, князь Александр выступил против литвы. Он разбил один за другим семь литовских полков, почти дошедших до Великих Лук. Остальные бежали. Дружинники Александровы ловили уцелевших литовских ратников и, озлобленные на них, привязывали их к хвостам своих коней.

Этот разгром литовцев заставил Миндовга на время прекратить набеги. «Оттоле начаша блюстися и трепетати имени его», то есть Александра, пишет летописец. Впрочем, мир с литовцами продолжался недолго.

В 1245 году, забыв преподнесенный урок, литва снова вторглась в русские земли, захватила Торжок и Бежицу и увела в плен множество жителей и скота. Князь Александр с новгородцами догнал их, отнял весь обоз и убил восемь князей литовских. Ратники литовские, испугавшись, ударились в бегство. Новгородцы погнались за ними до самого Жижина, где, окружив, избили. Затем князь Александр доехал до Витебска и забрал сына своего Василия и жену княгиню Александру, которые пребывали в этом городе, и возвратился восвояси. В Новгороде его уже ожидал посол великого князя Миндовга с приглашением пожаловать в Кернов-град на Вилии. И был грозен приезд Александров в Кернов-град, рассказывает предание. И промчалась весть до устья самого Немана: «Князь Александр едет!» И женщины литовские пугали в колыбелях детей своих: «Князь Александр едет!»

Миндовг торжественно встретил Невского героя в своем дворце. Речь шла о том, как совместными усилиями защититься от агрессии Ливонского ордена. Князь Александр дал совет язычнику Миндовгу: креститься самому и крестить семью свою, а также князей, бояр и весь народ. Лишь в этом

случае, объяснял Александр, литва сможет сопротивляться католической агрессии и рассчитывать на помощь Руси.

Согласно Густынской летописи, в 1246 году князья Миндовг, Войшелк, а также бояре и часть народа крестились по православному обряду. Впрочем, крестились они не искренне, лишь для вида, и князь Александр, по-видимому, понимал это. Потому он не захотел брать на себя обязательство защищать всю Литву от немецкой агрессии. Литовцы изменчивы и коварны, слова у них расходятся с делами, а князья их воюют друг с другом без пощады. И верно: после смерти князя Ердзивила (1240) стал править не его сын князь Товтивил, а брат — Миндовг. Последний раздал племянникам уделы: Товтивилу — Полоцк, Арвиду — Рогачев, Тройнату — западную Литву. Однако племянники были недовольны и составили заговор. В 1251 году Товтивил с помощью крестоносцев нанес Миндовгу поражение под Вилькомиром (ныне — Укмерге). На следующий год рыцари захватили Клайпеду (Мемель) и все побережье до устья Немана. Миндовг занял Черную (Мемельскую) Русь с городами Гродно, Слоним, Волковысск, Новогрудок и территорию в бассейнах рек Яссельды и Березины. Князь Александр не мог одобрить лицемерную военную политику Миндовга, который с помощью литовцев захватывал земли Руси, а с помощью русских пытался распространить свое влияние среди литовских князей. Воюя с немцами, Миндовг использовал против них и русское, и литовское ополчения и одновременно мечтал о расширении территории своего княжества за счет русских земель. Литовское княжение в то время было слабым, но оно держалось, давая литовцам эфемерную защиту от немцев, а русским — убогое прибежище от татар.

Князь Александр не вмешивался в дела Литвы, а редкие набеги литовцев на землю Новгородскую, например, на Шелону в 1253 году, отражал его сын, новгородский князь Василий.

Изменения в литовской политике не замедлили явиться. В 1251 году Миндовг заключил мир с крестоносцами, уступив им Жемайтию, и принял предложение папы Иннокентия IV креститься по католическому обряду. Крестились сам Миндовг, его жена Марта и двое сыновей — князья Руклис и Реплис. Обряд совершил Герман, епископ Хелмский. В 1253 году папский легат короновал Миндовга королевской короной в Новогрудке, а доминиканец Вит стал первым епископом литовским. Но и это крещение оказалось лицемерным. Литва оставалась в язычестве до XIV века.

Тогда же король Миндовг заключил мир с князем Даниилом Галицким, сильнейшим из правителей Юго-Западной Руси. Платой за это стала уступка Даниилу ряда городов и брачный союз дочери Миндовга с сыном Даниила Шварном.

В 1258 году литовцы взялись за старое и вновь совершили набег на Торжок. Новоторжцы устроили засаду и побили многих литовцев.

Но в том же 1258 году Литва была разорена татарами. Татарским войском командовал знаменитый воевода Бурундай. Целью татар было наказание Литвы, а затем и Галицко-Волынского княжества за непризнание их князьями власти ордынских ханов и слишком самостоятельную политику. Воины Бурундая сожгли и разграбили многие города и веси. И долго по всей Литве раздавались плач и вопли по тысячам убиенных и уведенных в ордынский плен. Так и рыцари не помогли Миндовгу, и папа не вмешался, и королевская корона не спасла его от рати иноплеменных.

И Миндовг снова стал искать союза с православной Русью.

Когда Орден предпринял наступление на Жемайтию, Миндовг отринул и католичество (1260 год), и корону и двинулся на Мемельсбург, запиравший литовцам выход из Немана в море. В крепости собралось большое войско крестоносцев. Здесь были ливонские рыцари во главе с магистром Буркхардтом фон Горнгузеном, прусские тевтоны с маршалом Генрихом Ботелем, отряд датских рыцарей во главе с герцогом Карлом, местные отряды и комтуры ливонских крепостей. Они выступили навстречу литовскому войску. У озера Дурбе (близ нынешней Лиепаи) войска встретились. Крестоносцы были разгромлены наголову. Почти все крупные военачальники погибли, и вместе с ними 150 рыцарей и тысячи кнехтов. Это случилось 13 июня 1260 года. Народные восстания против немецкого ига вспыхнули повсеместно в Латвии, в Восточной Пруссии и на острове Сааремаа в Эстонии.

А вскоре, в 1262 году, Александр Невский заключил договор с Миндовгом, и объединенное русско-литовское войско выступило в поход против немецкой крепости Дорпат — то есть Юрьева.

По этому договору литовцы должны были идти на Венден и после взятия двух крепостей — Дорпата и Вендена — соединиться с русскими и выступить на Ригу. По этому же договору князю Александру отходил Полоцк, в котором после смерти князя Брячислава, тестя Александра Невского, с 1262 года должен был княжить литовский князь Товтивил

Ердзивилович. Его сын Константин-Август стал зятем Александра Невского, женившись на его дочери.

Однако и новый союз Александра с Миндовгом оказался недолгим. Жизнь литовского князя протекала в борьбе за все бóльшую и бóльшую власть. Но, как говорится в Священном Писании, «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать». Притязания Миндовга раздражали его племянников, и те устроили заговор против него. Во главе заговора встал князь Жемайтии Тройнат. Осенью 1263 года Миндовг был убит.

В НОВГОРОДЕ, ВЛАДИМИРЕ И В ГЛУХОМ ЦАРСТВЕ ТАТАРСКОМ

Вернемся, однако, к событиям более ранни́м, последовавшим за смертью великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича.

Весной 1247 года князь Александр спешно приехал из Новгорода во Владимир на похороны своего отца. Здесь, в Успенском соборе, на погребении тела великого князя Ярослава собрались все князья Северо-Восточной Руси, потомки Всеволода Большое Гнездо, какие еще оставались в живых. После отпевания к гробнице приблизился владыка Кирилл, «зело учителен и благочестия исполненный», и произнес «Слово похвальное самодержцу Ярославу», им же сочиненное. Вот что в нем говорилось:

«Сей великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович, доброплодная отрасль князей Мономашичей, был в той Орде, в пагубной земле татарской, и все беззаконных их неправедное умышление на благочестие узнал и сердцем разгорелся по Бозе, божественной ревнивостью преисполнился, не стерпев зреть людей земли своей погибающими душою и телом, за них он не пожалел дорогой своей жизни ради истинного благочестия, а более всего, зная исконное отеческое благородие великих князей Рюриковичей и Богом им дарованное скипетродержание, вспомнил о том, как все страны трепетали от их имен — Владимира, Ярослава, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Всеволода Большое Гнездо — не только ближние, но и дальние земли и царства, и даже Греческие цари, и как повсюду в Русской земле процвела православная вера христианская, в той Русской земле, какая исполнена всякой божественной благодати и всего земного доброплодия и изобилия, и не было там тогда у великих князей Киевских ничего ущербного, когда нам

присягали и повиновались многие страны и дань давали от моря и до моря: и Угры, и Чехи, и Поляки, и Ятвяги, и Литва, и Немцы, и Чудь, и Корела, и Устюг, и двое Болгар, и Буртасы, и Черкасы, и Мордва, и Черемисы, и сами Половцы дань давали и мосты мостили, Литва же тогда из лесов боялась выходить, о Татарах же и слуха совсем не было.

А в нынешние дни Божиим гневом за грехи наши было Русской земле пленение от безбожных татар не только телесное, но и духовное.

И того ради Богу подражающий самодержец, храбрый душой и телом, великий князь Ярослав во второй раз пришел в Орду к беззаконному царю Батыю. А тот послал его к Кановичам. И там он смертную чашу от Канович испил, и пострадал крепко за веру и землю Святорусскую, и стал Божиим угодником. Слава Богу Творцу, Отцу и Сыну и Святому Духу. Ныне и присно и во веки веков. Аминь».

И когда окончил владыка свою речь, все присутствующие, словно едиными устами, возгласили: «Буди тебе, Ярославе, Царствие небесное! Аминь».

Горько оплакивал князь Александр смерть отца своего. Ушел из жизни не просто родитель, а наставник и друг, учитель, научивший, как уберечь Русь, как спасти ее в злую годину татарщины.

На княжеском снеме, по обычаю, великим князем Владимирским выбрали старшего из дядьев — князя Святослава Всеволодовича. Святослав утвердил сыновей Ярослава на тех же столах: Александр, кроме Новгорода, получил Переяславль, Зубцов, Нерехту, земли в Торжке и Волоке Ламском, но Тверь — бывшее новгородское владение — была дана его брату Ярославу, и с той поры тот стал князем Тверским, как и все его потомство впоследствии стало княжить в Твери. Потерял Александр и город Дмитров, вошедший в новообразованное Галичско-Дмитровское княжество.

Младшие братья Александра Невского — Андрей Суздальский и Михаил, прозванный Хоробритом, — казались обиженными. Они считали, что сами могут быть великими князьями. И эта их обида и нетерпеливость очень скоро выплеснулась наружу. Спустя немного времени Михаил Хоробрит согнал своего дядю Святослава с великого стола Владимирского и сам занял его. Но пробыл он великим князем недолго. В 1248 году Михаил был убит в столкновении с отрядом литовского племени голядь, которое искони жило по рекам Москве и Протве. Другой Ярославич, Андрей, который по возрасту был старше Михаила и так же, как тот, был недоволен разделом, не стал прибегать к силе, но отправил-

ся в 1247 году к Батыю за ярлыком на Владимир. Такой оборот дел заставил Александра Невского призадуматься. Ведь он, будучи старше Андрея, имел больше прав на Владимирский великий стол. А значит, предстояло также ехать в Орду, к Батыю, и там решать все споры. А пока его ждал к себе Переяславль-Залесский, его родной город.

Возвратившись в Переяславль, князь Александр собрал вече, на котором спросил переяславцев, угоден ли он им. Современники так рассказывают об этом вече: князь обратился с речью к жителям города: «Братья переяславцы, Бог позвал к себе моего отца, а вас передал мне, так скажите мне, братья, хотите ли вы меня иметь вместо отца моего и готовы ли головы свои сложить за меня?» — «Да, — отвечали переяславцы, — вельми, господине, тако буди, ты — наш князь!», и целовали крест. Александр велел заложить терем на Ярилиной горе, на северо-восточном берегу Плещеева озера, в 3 километрах от города, и в том тереме стал жить с женой в короткие наезды, свободные от новгородских и владимирских дел. Доныне та гора зовется Александровой.

В тот же год князь Александр решил украсить фресками в память отца своего Ярослава церковь в Спасо-Нередицком монастыре. Этот монастырь был основан в конце XII века близ Городища, где всегда селились новгородские князья-наместники.

На фреске был изображен во весь рост великий князь Ярослав в княжеской одежде и шапке, с длинной темной бородой. В правой руке он держал церковь, которую подносил сидящему перед ним Христу. Вручение храма — символ сопричастности Богу и отца, и сына. Между фигурами Христа и Ярослава в мемориальной надписи можно различить следующие слова: «О боголюбивый князь, Второй Всеволод! Злых обличал, добрых любил, живых кормил. О, милостивец, кто может воспеть твои добродетели!» Этот панегирик достойно венчал желание сына увековечить память о своем отце, так много сделавшем для Русской земли.

Кто знал тогда, что уготовано Небом самому Александру? Возможно, ему предстояло повторить судьбу своего родителя, и на то была воля Свыше. Но Зло явно спешило: в конце 1246 года в Новгород, на Городище, прискакал гонец от монголов из Каракорума с посланием от ханши Туракины: «Приди в Канович, в мой дворец, как повелел тебе твой отец. Увидишь честь царства Монгольского и землю твою Новгородскую в дар от меня получишь!»

Александру был ясен коварный план знаменитой отравительницы: она хотела покончить с ним — сильнейшим и

опаснейшим для монголов князем Руси — так же, как покончила с его отцом.

В то время Новгород был свободен и не платил даней в Орду. Александр оказался перед *Выбором*: с кем идти ему — с Западом в лице Римского папы Иннокентия IV, который давно уже звал к союзу и его отца, и самого Александра, или с Востоком? Поговорка «брань славна — лучше есть мира стыдна» была мерилом княжеской доблести. Но отражать крестоносную агрессию лучше, чем воевать с бесчисленными полчищами восточных завоевателей. Значит, надо выбрать меч — Западу и мир — Востоку. И времени на раздумье у него оставалось немного.

В течение почти пяти лет князь Александр не появлялся в Орде: его и не звали туда, так как он был до времени только удельным, новгородским князем. Основную тяжесть русско-татарских дипломатических отношений взвалил на свои плечи его отец, принявший из-за этого мученический венец. Но именно в этот период, в 1243—1247 годах, князь Александр Ярославич принял на себя роль защитника пленных, «посылая к царю в Орду за люди своя, иже от пленени быша от безбожных татар. И много злата и сребра издава на пленних сих, искупая от безбожных татар, избавляя их от бед и напасти». Так записал летописец. Конечно, эта благотворительная деятельность, достойная высшей похвалы, была возможной благодаря помощи Господина Великого Новгорода — боярско-купеческой республики, которая снабжала своего князя-защитника серебром.

Осенью 1247 года в Новгород прискакал новый гонец из Орды, который привез сразу две грамоты: одну от Бату-хана, другую — от Гуюк-хана с приглашениями явиться в Сарай и Каракорум как можно скорее. К тому времени ханша Туракина уже умерла. Гуюк же прочно сидел на троне и вместе с Батыем готовил новый завоевательный поход. «Александр! — писал в своей грамоте Батый. — Знаешь ли ты, что Бог покорил мне многие страны и народы? Разве ты можешь не покориться мне? Но если ты хочешь сохранить землю свою, то поскорей приезжай ко мне, чтобы увидеть честь и славу царства моего».

Итак, *Выбор*, сделанный Александром, предстояло не просто подтвердить, но *реализовать* на практике, в конкретных действиях, может быть, даже ценой собственной жизни.

Князь Александр приехал из Новгорода во Владимир «в мале дружине», но грозно, как подобает князю. Печален был он, болея душой о будущем Новгорода и всей Русской земли. Князь захотел посоветоваться с епископом ростовским

Кириллом, местоблюстителем отсутствующего митрополита. Владыка сказал ему: «Брашно и питие да внидут в уста твоя, и не остави Бога, сотворившего тя, яко инии сотвориша, но постражи за Христа, яко добрый воин Христов». Александр обещал исполнить это наставление, а Кирилл дал ему Святые Дары в поддержку духовную.

В декабре 1247 года князь Александр выехал из Владимира на Рязань и оттуда в Половецкую степь, донским путем, до первых татарских застав. С ним были свита, дружина, слуги, братья-князья и большой обоз, в котором везли припасы и подарки. Уже к югу от Рязани открылась горестная пустынная картина: равнина была безмолвна и безжизненна, кругом «печально и унынливо, и не видно тамо ничтоже — ни града, ни села, точию пустыни велиа, и зверей множество». В сторону Дона уходила Половецкая степь. Все бывшие станы разрушены, кое-где белели едва заметенные снегом черепа и кости погибших да время от времени попадались каменные памятники — половецкие бабы, или каменные истуканы, не то в шляпах, не то в шлемах, сидящие и стоящие, сутулые, с отвисшими грудями, с руками, соединенными под толстым животом. Таков был своеобразный вход в Тартарию. Попадались вооруженные татарские разъезды и заставы, а уже от застав начиналась конная ямская служба — ямская гоньба, которая соединяла отдаленные кочевья со столицей Сараем и далее с Каракорумом. Отсюда стала распространяться молва: «Князь Александр едет!» Этими же словами якобы пугали своих детей в колыбели «моавитские жены» — татарки. «И промчеся весть о нем до устья Волги», уверяет автор Жития Александра Невского, и «бысть грозен приезд его».

До Сарая-Бату доехали ямской гоньбой. Ханские слуги хорошо встретили князя и его людей, поселили их в роскошных шатрах. На следующий день русичи пошли осматривать город. Трудом рабов от многих покоренных народов Сарай превратился в красивейший город, он достиг чрезвычайной величины — до 30 верст в разные стороны, имел красочные базары и широкие улицы. Однажды князь Александр с братом Андреем и со свитою выехали на конях утром и доехали до другого конца города только в полдень. В городе имелось 13 храмов разных религий. Здесь жили монголы, половцы, черкесы, русские, греки, аланы, персы, арабы. Всего более 100 тысяч человек. А за городом — несметные стада и повозки, шатры, кибитки на многие десятки верст. Бывшие кочевники мало-помалу становились земледельцами и начинали распахивать землю и сеять хлеб, чтобы затем продавать его в иные земли.

Историк В. Т. Пашуто хорошо и подробно описал ставку Батыя. Вот его описание, которое мы приводим полностью:

«Батый со своей ставкой утвердился в центре бывшей Половецкой степи (Дешт-и-Кипчак). Он не сидел на одном месте, а перемещался по Заволжью в зависимости от времени года и состояния кормов — с января по август поднимаясь к северу, а потом откочевывая обратно.

Ставка Батыя оказалась вытянутым в длину городом, но не обычным, а из жилищ, поставленных на колеса. Это были круглые кибитки из прутьев и тонких палок, с дырой в середине для дыма. Размер кибитки зависел от достатка. Стены и двери из войлока, колеса из плетеных прутьев. Верх дома тоже покрыт белым войлоком или пропитан известкой или порошком из костей. Неподалеку большие дома — повозки 26 жен Бату, окруженные маленькими домиками служанок и десятками грузовых плетеных коробьев на колесах.

Странными казались обитатели этого кибиточного города. Особенно причудливо выглядели женщины. На голове они носили нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, высотою в один локоть и вверху четырехугольное, украшенное длинным прутиком из золота, серебра или дерева, либо пером. Все это нашивалось на шапочку, спускавшуюся с плеч. На шапочке и уборе — белое покрывало. Без этого убора они никогда не появлялись на глаза людям, и по нему узнавали замужних женщин. Девушек же и незамужних лишь с трудом удавалось отличить от мужчин, так как одеяние как у мужчин, так и у женщин было сшито одинаковым образом — кафтаны, спереди разрезанные сверху донизу и запахнутые на груди. А на Руси ведь учили: “Мужем не достоить в женских портех ходити, ни женам в мужних”

Этот странный город был окружен удаленными от него на 3—4 километра стоянками-поселениями половцев, булгар, русских и других подвластных Батыю народов, а также иноземцев. Купцы, ремесленники, рабы, духовенство — все смешалось тут в одну общую пеструю толпу, которая заполняла огромный базар, сопровождавший орду Батыя.

Орда — это, в сущности, центр поселения, Батыев двор. Все иноземцы точно знали, в какой стороне от ханского двора должны они снимать с повозок свои шатры. Самое видное место в этом поселении занимали русские, среди которых расположилось и прибывшее из Руси посольство. С этого момента ему полагалось от двора довольствие кочевника — кумыс, вино, вареное мясо без соли и просо. Хочешь — ешь, не хочешь — голодай.

Второй человек империи (то есть Бату-хан, ибо первым считался великий хан в Каракоруме. — *Ю. Б.*) старался окружить себя подобающим великолепием. Привратники охраняли двор, в котором стояли большие, красивые шатры из льняной ткани. Перед сидевшим на возвышенном, подобно трону, месте скуластым, хитрым человеком и должны были преклонять колена русские послы. Вместе с Батыем находилась одна из жен; братья, сыновья и прочая родня сидела на скамьях. Кроме членов семьи, никто без его вызова не смел приближаться к палатке хана.

На середине поляны, перед входом в ставку, стоял стол, а на нем в золотых и серебряных чашах, украшенных драгоценными камнями (каждому ясно — все награбленное), напитки: кумысы, меды, вина. Когда хан брал чашу, певцы, стоявшие неподалеку, пели под гитару.

Управляющий двора допускал к хану не ранее, чем осведомившись о цели прибытия и тех дарах, которыми послы хотят почтить Батыя. И сами князья, и их дары должны были миновать разложенные огни, куда татарские волхвы бросали часть привезенных сокровищ. Упаси Боже было прикоснуться к веревочному пологу шатра. Лишь к коленопреклоненным послам обращался хан, повелевая встать; в зависимости от их ранга и значения удостаивал он их вниманием, беседой и угощением.

Роскошь двора только подчеркивала царящую грязь. Русским это не внове — насмотрелись на половцев, которые тоже были горазды и “кровь проливати”, и “ядуще мертвечину и всю нечистоту, хомека и сусолы” (сусликов). Русские не были особенно брезгливы, веря в очищающую силу креста: если пес “налокочет” (полакает) пищу, или сверчок в нее впадет, или “стонога”, или жаба, или мышь — они творили молитву, и делу конец. Но тут и молитвы казалось мало. От всей этой несуразицы, нелепости коробило привыкших к европейскому быту русских князей»*.

Было тяжело, но надо было ждать. У монголов было не принято торопиться, напоминать о себе, гостю говорить раньше хозяев, тем более улусникам — покоренным. Наконец пришло время, и бегляриБек позвал князя Александра к хану. Его привели на ханский двор и поставили перед дорожкой, где с двух сторон горели костры, между которыми он должен был пройти, чтобы подвергнуться очищению, и затем, поклонившись на юг тени Чингисхана и онгонам-куклам, бросить в огонь часть подарков и, не задев высоко-

---

* *Пашуто В.Т.* Александр Невский. М., 1974 (серия ЖЗЛ). С. 101—102.

го порога, войти в ханский шатер с восточной стороны, немедленно пасть ниц перед троном хана.

Придворные могли видеть белокурого широкоплечего гиганта, стоящего в безмолвии у начала дорожки поклонения в течение длительного времени. Многократно к нему подходили то волхвы, то татарские чиновники, спрашивая, не пришло ли время князю поклониться и очиститься. Александр молчал, вспоминая судьбу своего родича — черниговского князя Михаила и его боярина Феодора. Наконец, он перекрестился и сказал: «Не подобает ми, христианину сущу, кланятися твари, кроме Бога; но поклонитеся Святой Троице, Отцу, Сыну и Святому Духу, иже сотвори небо и землю, и море, и вся, яже в них суть». Так рассказывает Житие святого князя.

Мурзы, беки, волхвы поспешили к хану, чтобы сообщить ему о неповиновении князя Александра, который, подобно святому Михаилу, не захотел кланяться твари. Можно думать, что мученическая кончина Михаила, случившаяся за год до того, произвела на Батыя сильное впечатление. Он умилился, признавая силу христианского Бога, и подивился мужеству Александра. Желая лично лицезреть его дивный образ, о котором в «немецких странах» сложили легенду, хан приказал привести к нему в шатер князя Александра, минуя дорожку поклонения. Войдя в шатер, князь увидел хана, сидящего на высоком троне, и приветствовал его как царя. Он поклонился ему по монгольскому обычаю, то есть четырехкратно пал на колени, простираясь затем ниц по земле, и сказал: «Царь, тебе поклоняюся, понеже Бог почтил тебя царством, а твари не поклоняюся: та бо человека ради сотворена бысть, но поклоняюся единому Богу, Ему же служу и чту Й».

Батый милостиво выслушал его, кивнул головой. Князь и его слуги преподнесли хану богатые подарки, в числе которых были двенадцать мешков серебра и три бочонка золота, а также драгоценности и украшения для 26 его жен.

Батый был удовлетворен и даже подарил князю перстень со своей руки. «Воистину сказали мне, что нет подобного сему князю», — произнес он. Хан предложил Александру перейти к нему на службу, но Александр отказался, отвечав, что достоинство новгородского князя выше и что не подобает христианину служить царю-язычнику. Батый так и не дал ярлыков русским князьям, не разрешил спора между Андреем и Александром. Князьям предстоял путь еще дальше — в Каракорум.

На этот раз хан дал провожатых, и русское посольство избрало более легкий, хотя и не менее долгий путь. От Ка-

спийского моря путь лежал через кипчакскую степь к городу Сыгнак на Аральском озере, оттуда в Хорезм, затем в страну карлуков и далее через горные перевалы в Кара-Китай, где живут уйгуры, а оттуда через пустыню Гоби на северо-восток к истокам Амура, где стоял Каракорум. Князья Александр и Андрей ехали с татарским конвоем, на каждой станции-яме меняя лошадей. Путешествие продолжалось три долгих месяца, и путники не были избавлены от стужи, голода и жажды.

К концу 1248 года Каракорум еще более вырос в размерах, до 50 верст в диаметре. Из кочевых племен возникла Монгольская империя разных народов. Взаимодействуя с Китаем, Индией, Персией и Афганистаном, с арабским миром, бывшие кочевники меняли свой облик, свою культуру.

По словам Вильгельма де Рубрука, путешествовавшего в 1253—1255 годах, в Каракоруме были «две большие улицы, одна из которых называется Сарацинской: на той улице идет торг и ярмарка. Много иностранцев ездят по ней, потому что на ней стоит дворец, а также большое количество разных посольств, прибывающих из разных стран. Другая улица зовется Китайской, и на ней живут ремесленники. Кроме этих двух улиц, есть палаты, где живут секретари хана, город украшают земляные валы с четырьмя воротами. У Восточных ворот торгуют просом и другими сортами зерна, которого там очень немного. У Западных — торгуют баранами и козами; у Южных — быками и повозками, у Северных — конями». К тринадцати храмам добавились христианские часовня и церковь прямо напротив дворца. Оттуда постоянно раздавалось церковное пение. Во дворце хана появилась балюстрада, наполненная картинами и статуями. Золотых дел мастер из Парижа, по имени Гильом, сделал для хана серебряное дерево, стоящее на четырех серебряных львах. Эти львы служили чанами в пиршествах. В них наливали вино, мед, кумыс, пиво — каждый напиток поступал по своему каналу с вершины дерева и лился сквозь отверстые зевы двух вызолоченных драконов. Жидкость наливалась в вызолоченные сосуды, а оттуда в кубки. На дереве стоял ангел и трубил в трубу, когда гостям хана надлежало пить. Тут же звучала музыка и раздавалось восточное пение. Ханы были большие любители повеселиться и поесть. Иногда хан подолгу жил в шатре, отделенный на ханском дворе от народа целой вереницей придворных, секретарей и чиновников. Каждому надо было вручить какой-нибудь подарок, если посол или подданный хотел с ними разговаривать. Про хана и вельмож и говорить было нечего! Без крупного и до-

рогого подарка не решался ни один вопрос. Дорого стоило Руси благоволение ханов!

К тому времени когда Александр Невский прибыл в Каракорум, хан Гуюк уже умер (в июле 1248 года) и всеми делами в государстве заправляла ханша Огуль-Гамиш, лояльно настроенная к Батыю. Ее правление продолжалось несколько лет. Монголы готовились к великому курултаю, на котором предстояло избрать нового императора Монголии. Приготовления к выборам затянулись и сопровождались ожесточенной борьбой двух группировок: потомков Угедея и Толуя. Старшим в последней группировке был внук Чингиса Мункэ, который, как и дед, отличался сумрачностью и неразговорчивостью. Он не любил пиров и роскоши, предпочитал войну и охоту, придерживался старинных обычаев монголов. У Мункэ были сильные сторонники, среди которых выделялись главные — хан Бату и великий судья и воевода Мангусар. Партию потомков Угедея возглавлял мурза Ширанон.

Князь Александр приехал как раз в то время, когда был раскрыт заговор Ширанона на жизнь Мункэ. Александр видел, как на главной площади Каракорума было казнено около 70 заговорщиков.

После долгих ожиданий и предварительных переговоров было решено, что князья русские и их спутники исполнят обряд поклонения хану по монгольскому ритуалу. Князь Александр на этот раз не мог рисковать судьбой Русской земли и ее народа. И он подчинился. Русские князья после преподнесения великих подарков, которые они специально везли семь с половиной тысяч верст, добились благоприятного решения от ханши Огуль-Гамиш. Александр получил ярлык на великое княжение Киевское, сохранив за собой и Новгород. А Андрей получил великое княжение Владимирское. После этого оба были отпущены на Русь.

Это было коварное решение. Ханы любили ссорить русских князей между собой и на этот раз не изменили своей привычке. Дело в том, что Киева как столицы и даже как города после Батыева разгрома уже не существовало. В руках Александра, таким образом, оказался лишь символ, эмблема, но не реальная власть над Южной Русью, где правил великий князь Даниил Романович Галицкий. Создалось запутанное, двусмысленное положение: как киевский князь, Александр стоял выше своего брата Андрея, но, с другой стороны, как князь Новгородский, зависел от последнего.

Решение ханши Огуль-Гамиш вызвало гнев Батыя, который не хотел запутанности вассально-политических отно-

шений в своем улусе. Впрочем, Русь и не была в полном смысле частью Улуса Джучи, так как имела свое управление, своих князей, хотя и платила унизительную дань и полностью зависела от татарских ханов. Завязался гордиев узел, который надлежало разрубить. Но кто и как, а главное, чем должен был разрубить его? Татарской ли саблей, или русским мечом? А может быть, мечом святого Петра? Ответ на этот вопрос предстояло дать самой истории. И в последней ведущую роль играл Александр Невский.

В Великой Орде князь Александр окончательно понял, что из себя представляет Монгольское государство и в чем состоят основы монгольской власти: в абсолютной покорности подданных и в крайнем обожествлении ханской власти. Понятия свободы не существовало, и все основывалось на жестокости и беспрекословном подчинении воле хана. Историк Н. И. Костомаров так писал об этом: «Чрезвычайная сплоченность сил, безусловное повиновение старшим, совершенная безгласность отдельной личности и крайняя выносливость — вот качества, способствовавшие монголам совершать свои завоевания.

Это было тем удобнее, что монголы, требуя покорности и дани, считали себя вправе жить на счет побежденных, не думали насиловать ни их веры, ни их народности. Напротив, они оказывали какую-то философскую терпимость к вере и приемам жизни покоренных народов... они не только дозволяли свободное богослужение иноверцам, но и отзывались с известным уважением о всех верах вообще. Проницательный ум Александра, вероятно, понял также, что покорность завоевателю может доставить такие выгоды князьям, каких они не имели прежде... Монголы усиливали власть князей за счет веча... Вот отчего все русские князья, побивши челом хану, получали тогда свои княжения в вотчину, и власть их в большей части русских земель очень скоро подавила древнее вечевое право. Звание старейшего князя было прежде почти номинальным: его слушались только тогда, когда хотели. Теперь же это звание вдруг получило особую важность, потому что старейшего сам хан назначал выше прочих князей».

Князь Александр, как выдающийся полководец и военный стратег, не мог не прийти к выводу о невозможности в настоящий момент победить татар силой оружия. Их людские ресурсы безграничны, так как вся их империя — по существу, единый военный лагерь.

История сохранила нам описание монгольских войск ученого архидьякона Фомы из Сплита: «Те люди малого роста, но груди у них широкие. Внешность их ужасная: ли-

цо без бороды и плоское, нос тупой, а маленькие глаза далеко друг от друга отстоят. Одежда их, непроницаемая для холода и влаги, составлена из сложенных двух кож, так что похожа на чешую; шлемы из кожи или железа. Оружие их кривая сабля, колчаны, лук и стрела с острым наконечником из железа или кости, которая на четыре пальца длиннее нашей. На черных и белых знаменах своих имеют пучки конских волос. Их кони, на которых ездят и без седла, малы, но крепки, привычны к усиленным переходам и к голоду; кони, хотя и подкованные, взбираются и скачут по пещерам, как дикие козы, и после трехдневной усиленной скачки они довольствуются коротким отдыхом и малым фуражом. И люди много не заботятся о своем продовольствии, как будто живут от самой суровости воспитания: не едят хлеба, пища их — мясо, и питье — кобылье молоко и кровь. С собой ведут много пленных, в особенности много вооруженных куманов, гонят их перед собою в бой и убивают, как только видят, что они не идут слепо в бой. Сами монголы неохотно идут в бой. Если же кто из них будет убит, тут же гроба закапывают. Почти нет реки, которую они не переплыли бы на своих конях. Через большие реки все-таки приходится им переплывать на своих меховых бурдюках и лодках. Шатры их из полотна или из кожи. Хотя их огромное полчище, но нет в их таборе ни ропота, ни раздоров, они стойко переносят страдания и упорно борются».

Если добавить, что монголы использовали совершенную китайскую осадную технику и греческий огонь, станет понятным, что их армия была в то время непобедимой.

...Вернувшись на Русь, Александр не поехал в данный ему Киев, но остался во Владимире, откуда намеревался отправиться в Новгород. Пока он не был старейшим среди русских князей, он вполне ладил с новгородской вольницей.

Зимой 1249/50 года во Владимире скончался углицкий князь Владимир Константинович. По свидетельству летописца, его оплакивал и провожал из Золотых ворот «Олександр князь и с братьею»

Той же зимой во Владимире умер еще один князь — Владимир Всеволодович Ярославский. Тело его, отправленное из Владимира в Ярославль, провожали князь Александр, все еще живший во Владимире, а также ростовский князь Борис Василькович, его брат белозерский князь Глеб и их мать княгиня Мария Михайловна, печальница за весь род суздальских Мономашичей.

Владимир Всеволодович умер в день памяти святого Феодора, то есть в феврале. Пребывание Александра Невского

в стольном городе брата Андрея вместе с другими родственниками наводит на мысль, что во Владимире в феврале 1250 года состоялся княжеский снем (съезд), на котором были решены вопросы разделения властей и прав и обсуждались дальнейшие взаимоотношения русских князей с иноземной властью. Все эти вопросы были решены к обоюдному согласию. Александр Невский, хотя и не являлся великим князем Владимирским, сохранил за собой моральное верховенство над прочими русскими князьями. И, главное, его *Выбор* стал общим *Выбором* Владимиро-Суздальской Руси. Лишь князь Андрей по-прежнему держался особняком. Он искал свой путь, отличный от пути, избранного старшим братом.

Но великое княжение Андрея Ярославича, надо думать, устраивало далеко не всех. Дядя князей Александра и Андрея, Святослав Всеволодович, отправился в Орду с жалобой на Андрея. Хан, однако, не захотел его слушать. Перед тем как окончательно покинуть великокняжеский стол, князь Святослав успел стать заказчиком Владимирского летописного свода, который датируют 1247—1249 годами.

29 мая 1251 года в Новгороде князь Александр вместе с приехавшим в Новгород митрополитом Кириллом и ростовским владыкой Кириллом участвовал в поставлении на новгородскую кафедру архиепископа Далмата.

Летом 1251 года умерла жена Александра Невского, княгиня Александра Брячиславна. Александр очень любил свою жену и, вероятно, во время ее болезни ухаживал за нею. Так или иначе, но он сам заболел, может быть, заразившись от супруги. «Бысть болезнь его тяжка зело», — записывал летописец. Несколько недель князь находился между жизнью и смертью. Встревоженные новгородцы денно и нощно молились о его здравии в церквах. Наконец, болезнь отступила — князь выздоровел.

Летом того же года в Новгороде прошли сильные дожди. Вода затопила все пастбища и сенокосы, снесла Великий мост. Осенью ударили ранние морозы. Надо было предотвращать голод. Князь Александр озаботился тем, чтобы иноземные купцы с хлебом беспрепятственно могли торговать в Новгороде.

В ДРУЖБЕ С НОРВЕГИЕЙ

Зимой 1251 года норвежский конунг Хакон IV Старый принимал послов из «Хольмгарда» — Великого Новгорода. Их послал в столицу Норвегии Трондхейм князь Александр

Невский для того, чтобы разрешить старый спор о карельской дани.

В «Саге о Хаконе, сыне Хакона», написанной Стурлой Тордарсоном в 1264—1265 годах по велению конунга Магнуса, сына Хакона, говорится следующее:

«Той зимой, когда конунг Хакон сидел в Трондхейме, прибыли с востока из Гардарики послы конунга Александра из Хольмгарда. Звался Микьял* и был рыцарем тот, кто предводительствовал ими. Жаловались они на то, что нападали друг на друга управляющие конунга Хакона на севере в Марке и восточные кирьялы (карелы. — *Ю. Б.*), те, что были обязаны конунгу Хольмгардов, так как они постоянно вели войну с грабежами и убийствами. Были там назначенные встречи и было принято решение, как этому положить конец. Было им также поручено, чтобы они повидали госпожу Кристин, дочь конунга Хакона, так как конунг Хольмгарда так повелел им, чтобы они спросили конунга Александра. Конунг Хакон принял такое решение, что послал он весной людей из Трондхейма, и отправились они на восток в Хольмгард вместе с послами конунга Александра. Возглавлял поездку Виглейк, сын священника, и Боргар. Отправились они в Бьергюн и так еще восточнее. Прибыли они летом в Хольмгард, и принял их конунг хорошо, и установили они тогда мир между собой и своими данническими землями так, что никто не должен был нападать на другого, ни кирьялы, ни финны; но продержалось это соглашение недолго. В то время было большое немирье в Хольмгарде. Пришли татары на государство конунга Хольмгарда, и по этой причине больше не занимались тем сватовством, которое велел начать конунг Хольмгарда. И когда они выполнили свои поручения, отправились они с востока с достойными дарами, которые конунг Хольмгарда посылал конунгу Хакону. Прибыли они с востока зимой и встретились с конунгом в Вике».

Итак, намеченная свадьба новгородского князя Василия Александровича и дочери Хакона Кристин расстроилась летом 1252 года из-за нападения татар — так называемой Неврюевой рати (речь о ней пойдет в следующей главе).

Так Александру не удалось укрепить русско-норвежский союз в противовес союзу шведско-норвежскому (дочь ярла Биргера была выдана замуж за сына Хакона). Впрочем, норвежцев хорошо приняли в Новгороде и успешно решили с

---

* Рыцарь Микьял — это боярин Миша, один из героев Невского сражения.

ними все спорные вопросы. При этом был заключен особый договор — «Докончание», с тем чтобы ни карелы, ни финны, ни саамы, ни норвежцы, ни русские не нападали друг на друга в Заполярье и на Кольском полуострове.

Сохранился текст договора, составленный в 1254 году при участии Александра Невского. Он называется «Разграничительной грамотой». По ней определялись границы сбора дани с саамов норвежцами и карелами «по старине». Русь сохранила за собой право по-прежнему собирать дань до Ингвей-реки и Люнген-фьорда, то есть до западной границы страны саамов. Определены были и нормы даней: «брать в тех крайних границах не более пяти серых беличьих шкурок с каждого лука, или по старине». Так отношения с Норвегией были поставлены на прочную основу государственных соглашений.

Это был несомненный успех дипломатической политики Александра Невского в Северной Европе. «Разграничительная грамота» позднее легла в основу русско-норвежского договора 1327 года.

НЕВРЮЕВО НАШЕСТВИЕ. ОПЯТЬ «В ТАТАРЕХ»

В середине 1251 года при дворе великого хана в Каракоруме произошли большие перемены. Закончилось междуцарствие вдов-регентш, и великим ханом стал старший сын Толуя, внук Чингисхана Мункэ. Это не замедлило сказаться на русско-татарских отношениях. Положение князя Андрея, считавшего себя великим князем Владимирским, пошатнулось. После смерти его дяди, бывшего великого князя Владимирского Святослава (он умер 3 февраля 1252 года), на великий стол могли претендовать двое: Александр и Андрей. Батый не любил Андрея, считая его заносчивым, скрытным, неприветливым и недобрым. Он видел в нем врага, который никогда не смирится с игом. Другое дело Александр. Бату благоволил к нему за то, что князь отверг все домогательства папской курии, не изменил вере отцов и не хотел ссориться с татарами.

Бату пользовался огромной властью во всей Монгольской империи. Избрание на курултае в Каракоруме великим ханом его двоюродного брата Мункэ, сына Толуя и внука Чингиса, было результатом его умелой политики. Теперь Бату и Мункэ могли развернуть крупномасштабную агрессию против стран Запада. Она затронула бы и Русь, ибо через русские земли должны были пройти на Запад монгольские полчища.

Впрочем, великий хан Мункэ нуждался в войсках и вооружениях прежде всего для того, чтобы вести военные действия в Китае и на Ближнем Востоке. Потому в начале 1252 года он повелел собирать денежную дань — «туску» — во всех улусах империи. Своему родственнику хану Бату он доверил сбор дани в улусе Джучи. Бату же передоверил дело своему сыну Сартаку. А тот обратился за помощью к русским князьям. На его предложение откликнулся только князь Александр Ярославич. Братья же Андрей и Ярослав отказались подчиниться ханам. Это и стало причиной конфликта. «В то же время, — пишет летописец, — здума Андрей князь Ярославич со своими бояры бегати, нежели цесарем служити». Автор Никоновской летописи (XVI век) вкладывает в уста князю Андрею такие гордые слова: «Лутчи ми есть бежати в чюжюю землю, нежели царем служити».

За два года до этого, в 1250 году, князь Андрей вступил в брак с дочерью великого князя Галицко-Волынского Даниила Доброславой. Это был не просто родственный, но политический союз: князь Андрей намеревался вместе с южнорусским властителем ударить на татар. Бату подозревал обоих князей также в сговоре с римским папой, для чего имелись веские основания: Даниил поддерживал тесные связи с папой Иннокентием IV и даже принял от него королевский венец. Подозрения хана пали и на князя Ярослава Ярославича, который променял захваченное им Переяславское княжество на княжество Тверское.

В это же время заволновались и новгородцы. В городе назревал мятеж против князя Александра, которого новгородцы заподозрили в сговоре с татарами. Александру пришлось прибегнуть к помощи своих родичей, и на его зов в Новгород явился князь Борис Василькович Ростовский со своими дружинами. Ему удалось усмирить новгородцев более силою слова, чем силой оружия.

— Новгородцы! — говорил князь Борис Василькович. — Разве мы не дети одной матери, что зовется Русской землей? Разве не Пресвятая Богородица нам Покров и Заступница? Разве не Святая София Премудрость Божия одинаково простирает свои крылья над Новгородом, Полоцком и Киевом? Не отличаюсь я ничем от вас, новгородцы, так как душа моя русская, чистая, вольная бьется, как голубица в груди! Любим мы все свои города святорусские как каждый палец на двух руках! Который-то из них нам люб более? Разве достойно есть котороваться на своих князей, а поганые тогда будут нести Русскую землю розно? Не вечно поганым быть на Руси! Но не настало еще время на подвиг свержения ига татар-

ского, хотя на развалинах городов на Суздальщине уже разгорается другое пламя. Это пламя любви к Отечеству! Разве князь Александр Ярославич не показал вам подвиг служения, побив на Неве и льду Чудского озера шведских и немецких рыцарей, отразил набеги ратей литовских, побарая за Новгород и Русскую землю в Орде как страстотерпец? Разве отец его великий князь Ярослав не принял там мученический венец? Подождите, братья, накопите сил, поострите сердца мужеством, соберите полки и оружие! Тогда настанет час Господина Великого Новгорода и всей земли Святорусской, когда укажет Бог!

Ответом новгородцев на речь князя Бориса Васильковича (ее мы знаем в изложении поздних летописцев) были дружные крики одобрения. «Живи сто лет, славный князь Александр Ярославич, Храбрый, Невский! — ликовали горожане. — Живи сто лет и ты, князь Борис Василькович, верный сподвижник его! Все пойдем за вами и умрем за Святую Софию!» Было это 2 апреля 1252 года.

...Рано захотели поднять на татар Русскую землю братья Андрей и Ярослав. Одного мужества мало, коли сил нет. Бату-хан послал на них карательные войска числом до ста тысяч человек во главе с ханом Алексой Неврюем и двумя темниками — Котыем и Алабугой. Вместе с ними выступили на Русь еще 60 тысяч татар — во главе с ханом Хуррумшой (Куремсой). Первые шли на Андрея, вторые — на его тестя Даниила Галицкого.

В это время князь Александр собирался в Орду за ярлыком на великое княжение. Он ничего не знал о том, что татарские войска уже посланы в наказание князей-ослушников. Тайно в обход Владимира шло ордынское войско. 23 июля татары переправились через Клязьму и подошли к Переяславлю-Залесскому. Здесь укрылся князь Андрей. Узнав о беде, он быстро вышел навстречу, и 24 июля, в Борисов день, произошло сражение. Летописец сохранил нам слова князя Андрея, сказанные им перед битвой: «Господи! Что се есть? Доколе нам меж собою бранитися и наводити друг на друга татар?» Но силы были слишком неравными: у Неврюя — 100 тысяч, у Андрея — 35 тысяч. Ярославич потерпел поражение и бежал, малодушно бросив на произвол судьбы тысячи своих подданных. Бежал вначале в Новгород, потом — во Псков, затем — в Колывань, а оттуда — в Швецию. С ним вместе бежали жена Доброслава и бояре. В Швеции их радушно встретил ярл Биргер.

К тому времени отношения между Швецией и Новгородом вновь обострились. Особенно способствовало этому завоевание в 1249 году шведами еми-тавастов в Финляндии. Однако князь Александр сделал все возможное, чтобы не превратить брата в заклятого врага. Он предложил Андрею вернуться на Русь и выделил ему из состава Владимирского великого княжества Суздальское княжение. Андрей Ярославич согласился, а уже в 1257 году поехал в Орду вместе с братом и здесь примирился с юным ханом Улагчи, наследником Батыя.

Союзник же Андрея князь Ярослав Ярославич укрылся в Ладоге, откуда затем переехал во Псков.

Неврюево нашествие 1252 года всей тяжестью обрушилось на простой народ. Татары рассыпались по всему Владимиро-Суздальскому княжеству, пощадив только город Владимир. Они грабили, жгли, убивали, уводили скот и пленных. Сильно пострадал город князя Андрея — Суздаль. В Переяславле-Залесском убили тверского воеводу Жидислава, супругу князя Ярослава и двух его детей-княжичей. Затем Неврюй с полоном и добычей возвратился в Орду.

Можно сказать, что разорение Руси от орды Неврюя вполне сопоставимо по масштабам с нашествием Батыя 1237—1241 годов. Это означало полный провал политики князя Андрея Ярославича. (Что касается князя Даниила Галицкого, то ему в то время повезло: он сумел отбить натиск Куремсы на Галич и сохранить свое княжество. Но его черед придет позже.) Александр Невский избрал другой путь. Его можно было бы назвать политикой невмешательства и непротивления татаро-монголам. Это была осознанная политика, или тот самый *Восточный Выбор*, о значении которого мы говорили выше.

Невмешательство Александра в события Неврюева нашествия говорит о том, что он правильно оценил сложившуюся обстановку. Стратегического союзника в католической Европе для него не было: папская курия и рыцари могли принести восточным славянам только порабощение, потерю веры отцов. Монголы же не посягали на менталитет и культуру русских, на их веру, и в этом смысле они могли стать даже союзниками Руси. Католический Запад оказался бóльшим злом, чем мусульманский Восток. Со временем — и Александр верил в это — Русь вызреет для открытой борьбы с Золотой Ордой. Пока же ничего не оставалось, как вести с монголами дипломатическую игру и стараться сохранить русский народ от гибели. Главным условием возрождения страны был мир с восточными завоевателями и посте-

пенное собирание сил, укрепление военного потенциала. В 1262 году эту стратегию на Руси по-настоящему понимали всего два человека: Александр Невский и митрополит Кирилл, ставший к тому времени сподвижником Невского героя. Именно поэтому князь Александр советовался с ним и получил у него в 1252 году благословение на поездку в Орду.

Древнейшее описание событий, происходивших в 1252 году, принадлежит автору Лаврентьевской летописи. Оно говорит о том, что Александр отправился к Батыю за получением ярлыка на великий Владимирский стол до выступления Андрея против ханов. В таком случае Александр Невский мог действовать по старому уговору снема князей от февраля 1250 года, тем более что Андрей получил наследие отца из рук ханской власти, а не по нормам княжеского наследования, в обход старшего брата.

В июле 1252 года князь Александр со свитой и великими дарами для хана и его вельмож прибыл на Дон, в летнюю резиденцию сарайского хана Сартака, соправителя отца. Хан Бату в это время сильно болел: у него отнялись ноги. К тому же ближайшие вельможи Бату были заняты закреплением новых владений. Хан Мункэ в благодарность за помощь в достижении высшей власти подарил своему двоюродному брату Мавераннахр (земли между Сыр-Дарьей и Аму-Дарьей), а также половину Чагатайского улуса до города Алмалыка, который стоял на столбовой дороге в Каракорум на границе безводной степи.

Князь Александр воздал честь монгольскому властителю, как полагалось по обычаю. Не забыл он и про подарки — пять больших мешков серебра. Только ими можно было купить благоволение хана.

Что же касается пития кумыса с каплями крови кунаков — то мы не знаем, было это или не было. Это уже легенда, повторяемая многими историками: князь Александр якобы стал побратимом хана Сартака*. Это будто бы приближало самого Александра к хану и ускоряло решение всех его проблем! Думают также, что князь Александр не стерпел и пожаловался на младшего брата Андрея, считая, что тот несправедливо получил ярлык на великое княжение, не по закону взял себе отцовские города, которые по праву при-

---

* Побратимство — один из старинных монгольских обычаев. «Закон побратимства состоит в том, что анды, названные братья, — как одна душа: никогда не оставляя, спасают друг друга в смертельной опасности», — говорится в «Сокровенном сказании» монголов. Этот союз скреплялся подарками, которые анды приносили друг другу.

надлежат старшему брату, что якобы неполностью платит хану «выходы и тамги» Суздальского княжества.

Хан Сартак во всем согласился с князем Александром и выдал ему ярлык на великокняжеский стол Владимирский и на «старейшинство во всей братьи его».

Это была победа дипломатии Александра Невского, достигнутая как раз тогда, когда потерпела поражение дипломатия его брата Андрея. Русь выжила. Но надо было закреплять дело мира. Надо было продолжать *Восточный Выбор* и постараться убедить русичей в его жизненной необходимости. Иначе — смерть!

НА ВЕЛИКОМ СТОЛЕ ВЛАДИМИРСКОМ

Князь Александр возвращался на Русь от хана Сартака по первой сакме: дорога шла по правому берегу Дона на север до брода у нынешней станицы Казанской, потом по левому берегу Дона до городища Казар; после переправы через реку Воронеж сакма шла в северном направлении на Рязань, а оттуда на Коломну и Москву и далее по реке Москве до Клязьмы и по ней до Владимира.

Князь дремал в крытой повозке и, наверное, думал о том, что будет с Русью и как дальше править ею. У него были великие предшественники на великокняжеском столе. Первый из великих князей Владимирских — брат его деда, великий князь Андрей Юрьевич Боголюбский (1157—1174). Сын основателя Москвы и Суздальского княжества, великого князя Киевского Юрия Долгорукого, князь Андрей, словно невесту, украсил свой стольный град Владимир, сделал его выше Ростова и Суздаля. Из далекого Вышгорода на Днепре он перенес сюда чудотворную икону Божией Матери, ставшую главной святыней Руси. По преданию, кони с повозкой, перевозившей эту икону, встали у Боголюбова на Клязьме, и никакие силы не могли их сдвинуть с места. Ночью во сне князю Андрею явилась Пресвятая Богородица с хартией в руке. Она сказала ему: «Не хочу, чтобы ты нес Мой образ в Ростов. Поставь его во Владимире, а на сем месте воздвигни церковь каменную во имя Моего Рождества и устрой обитель инокам». Князь Андрей так и поступил. Он построил церковь, монастырь и дворец в Боголюбове и стал жить там, отчего и получил прозвище — «Боголюбский».

В летописи сохранилось описание сказочной красоты церкви Рождества Богородицы:

И украси ю иконами многоценьными,
Златом и каменьемь драгым,
И жемчюгом великымь безьценьным,
И устрои е различными цятами,
И аспидными цятами украси ю,
И всякими узорочьи удиви ю.
Светлостью же не како зрети,
Зане вся церкви бяше золота:
И украсив ю,
И удивив ю сосуды златыми многоценьными,
Повеша тако, яко и всим приходящим дивитися.
И вси бо видивше ю не могут сказати
Изрядныя красоты ея...

Пращур Александра был крутым и суровым властителем. Не жалуя удельных князей, он угрожал самостоятельности Новгорода и Рязани и хотел быть единственным хозяином земли Русской. Он умел сгибать спины непокорных бояр и жаловать своих дружинников и слуг — первых русских дворян — угодьями и деньгами за верную службу. Князь Андрей был хозяином и радетелем Владимиро-Суздальской земли и правил самовластно. Потому здесь не было ни веча, ни сильного боярства, а только покорные его воле горожане. Будучи самодержцем, он опирался на Церковь и хотел сделать Владимирскую митрополию независимой от Киева. Он мечтал сосредоточить в своих руках огромную власть, такую, чтобы все народы и их властители страшились бы его. Александр в душе мечтал о том же, а потому вспоминал деяния своего пращура с одобрением и гордостью за него. Он помнил, что во времена Боголюбского греки зорко следили за тем, что происходит во Владимире, а патриарх Лука Хризоверг слал грамоты владимирскому князю. Греки верно угадали растущую в глубине Восточной Европы созидательную Русскую силу, которая могла стать опасной и для них, и для Латинского Запада с его папежниками. Александр знал и о том, что князь Андрей начал с «духовного делания», с религиозного обоснования своей будущей политической мощи. В 1158—1161 годах он построил внутри кремля над самым обрывом, на городском холме «небеси подобный» великолепный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы, которому суждено было стать общерусским кафедральным собором. Князь созвал премудрых мастеров из Византии и Руси и украсил с их помощью храм великолепными фресками, чудотворными иконами, золотом и серебром, жемчугом и драгоценными камнями, мозаикой, утварью церковной, дивными ризами и паволоками, золотыми крестами и паникадилом. Одни только золотые ризы весили более 30 гривен.

Но главным украшением и святыней собора стала чудотворная икона Владимирской Божьей Матери, по преданию, написанная рукою самого святого Луки Евангелиста. С помощью двух «вервей чудесных» ее подвесили в центре и украсили драгоценными тканями и облачениями. Окруженная в легендах ореолом чудес и почитаемая с древнейших времен, икона эта стала патрональной святыней Владимира и всей земли Святорусской. Подобно тому как Константинополь и Византия считались родным домом Пресвятой Богородицы, также и Владимир, и Владимиро-Суздальская Русь прослыли Домом Пречистой. С тех пор великие князья Владимирские и чудотворная икона стали неразлучными на берегах Клязьмы.

Помнил князь Александр и о том, как вскоре после обретения мощей святого Леонтия Ростовского (1164), князь Андрей, вооружившись чудотворными иконами — Владимирской Богородицы, Святого Спаса и Святого Креста, повел свои полки на волжских булгар. Тогда огненные лучи от иконы Святого Спаса охраняли его воинство и поражали неприятельское войско. Эта победа случилась 1 августа — в празднование Святому Спасу. 1 октября того же года Андрей Боголюбский учредил новый, чисто русский церковный праздник — Покрова Пресвятой Богородицы, которая своим Платом, подобно омофору, покрыла весь народ и повела его к спасению. Святой князь Александр Невский молился, чтобы и его княжение унаследовало частицу этой благодати небесной, а Владимир-на-Клязьме стал подлинной пуповиной земли Русской, ее средоточием, политическим центром будущего объединения Руси, «отцом городов русских», подобно тому как прежде Киев был «матерью городов русских»...

1 сентября 1252 года великий князь Александр Ярославич въехал во Владимир — город отца, деда, прадеда. У Золотых ворот его встречал митрополит Кирилл. Он носил титул митрополита Киевского, но жил большей частью во Владимире. Все духовенство, епископы и священники в ризах, с хоругвями, иконами и крестами, игумены и монахи, все миряне, простые и знатные, воины и горожане вышли ему навстречу. Торжественно гудели колокола, заглушая церковное пение. А большой хор пел слова святого псалма:

«Да воздаст Господь каждому по Правде его... Возлюбил еси Правду и возненавидел беззаконие: сего ради помаза тя Боже, Бог твой, елеем радости паче причастник твоих» (*Пс. 44. 8*).

Перед входом в Успенский собор князь вышел из повозки и подошел к митрополиту под благословение.

— Благословляю тебя, сын мой, — возгласил Кирилл. — С благополучным прибытием к отнему столу. Вокняжись над стадом овец своих, сколь можешь борони землю Русскую от ворогов!

Митрополит высоко поднял свой крест и осенил им великого князя, дав ему приложиться к кресту губами:

— Будь во всем подобен отцу твоему, великому князю Ярославу!

Затем митрополит ввел князя в храм и посадил на великокняжеский престол, возложив на голову великокняжеский венец, а в руку дал скипетр. Кирилл помазал его чело миром и провозгласил:

— Буди здрав великий князь Александр Ярославич на столе Владимирском! Многая лета!

— Многая лета! — раздавалось на площадях и на улицах. Народ ликовал, приветствуя своего князя.

В жизни города Владимира было что-то глубоко созвучное жизни князя Александра. Самый склад жизни был здесь «тише, размереннее и строже, чем в Новгороде», писал историк Н. А. Клепинин. Владимир был милее Невскому герою с его внутренним распорядком и законностью. Новгородцы с их необузданностью, шумливостью, неуемностью являли прямую противоположность владимирцам. Первые жили по «Русской правде» и по распорядку веча, вторые — слушались Закона и слова княжеского. Первые были непредсказуемы в своих действиях, вторые — законопослушны и рациональны.

Здесь, между походами и поездками в Орду, и жил князь Александр размеренным бытом своих отцов. Вставал на рассвете, молился. Спешил по крытому переходу из княжеского дворца в храм Святого Димитрия Солунского, построенный его дедом Всеволодом Большое Гнездо. Затем, после заутрени, завтракал, вершил княжий суд, справедливый и скорый. Потом беседовал с митрополитом Кириллом, почитая его как отца. Порой общался со странниками и убогими, приходившими к княжескому двору, слушал диковинные рассказы калик перехожих о других странах, раздавал милостыню. Общался он и со священниками и монахами, ибо любил священнический и иноческий чин. Наступал черед бояр, и князь советовался с ними, если ему был важен их совет. Потом диктовал писцам свои распоряжения и послания, выслушивал гонцов. После вечерни иногда слушал гусельников и сказителей. Если приходило время ловитвы, ездил по рощам Боголюбова или отправлялся на соколиную и лебединую охоту в дремучие леса ростовские или двинские.

Но государственные дела требовали постоянного внимания, самоотдачи, кропотливого и необычайного труда: ведь во всем великом княжестве было 30 городов!

Подражая во всем своему отцу, Александр Невский начал с того, что собрал в города и веси людей, разбежавшихся по окрестным лесам после Неврюева нашествия, утешил их, успокоил, одарил милостыней, выдав ссуды из княжеской казны. Он возвратил крестьянина к плугу, ремесленника к ремеслу, священника к алтарю, купца к товару. Он пригласил на постоянное жительство 2 тысячи семейств из южной и юго-западной Руси, помог им построить дома и насадить сады, засеять нивы, наполнить луга пасущимся скотом. Он строил дома и храмы, открывал монастыри, прокладывал дороги и чинил мосты, заботился о мастерских, где писцы переписывали книги, а изографы писали иконы. Не забывал он и о торгах и торжищах, охранял торговые пути. Особо заботился о княжеской дружине и народном ополчении, следил за оружейными мастерами, чтобы те не испытывали ни в чем недостатка. Твердая державная рука рачительного хозяина чувствовалась во всем.

Сумел князь Александр помириться и с братьями, утвердив их на уделах: Андрею дал Суздаль, а Ярославу — Тверь.

Осенью 1252 года князь Александр Ярославич женился на рязанской княжне Дарье Изяславне «чадородия ради», то есть ради продолжения княжеского рода. И Господь «угобзи лет ему» и даровал потомство: трех сыновей, а землю его распространил и наполнил богатством.

«И бысть тишина!» — записал летописец. В 1252 году великий князь повелел составить Владимирский летописный свод на основе Ростовской летописи 1239 года и Владимирской летописи 1247—1249 годов. Эта летопись велась во Владимире в Рождественском монастыре, а затем вошла в состав Ростовского летописного свода 1278 года, который стал основой знаменитой Лаврентьевской летописи 1377 года.

С 1252 по 1257 год великий князь как будто забыл о существовании Орды: он не допустил к себе великого баскака Берцик-Беркая и в 1252 году запретил тому собирать дань.

В те годы Русь еще не была обременена данями и военными обязательствами. Это объяснялось главным образом тем, что хан Батый не вел войн. И только со смертью Батыя в 1255 году положение изменилось, так как его дети и брат начали борьбу за власть в Сарае. И пришлось тогда снова великому князю ездить в Орду и задабривать ханов подарками.

АЛЕКСАНДРОВ ОТВЕТ ПАПЕ РИМСКОМУ

В конце 1252 года во Владимир приехали послы от римского папы Иннокентия IV — два кардинала, Галд и Гемонт. Они привезли послание «герцогу Суздальскому», то есть Александру. Это послание было датировано еще 1248 годом, но только теперь, с большим опозданием, нашло адресата.

Князь принял послов в княжеском дворце и оказал им подобающую честь. Затем толмач прочел переведенный с латинского языка текст послания, который был выслушан в тишине и с большим вниманием. В послании сперва говорилось о том, что земля великого князя велика и богата, а имя его прославлено по всему свету, и потому папа предлагает ему познакомиться с учением католической церкви. Он, папа, знает, что его отец, великий князь Ярослав, находясь в Каракоруме у великого хана, по совету одного боярина якобы дал слово ученому монаху Иоанну дель Плано Карпини принять латинскую веру и исполнил бы это обещание, если бы не скончался внезапно в Каракоруме. Папа уверял Александра, что сын, если он любит отца, обязан следовать его благому примеру и послушать католического учения, а после того принять веру святой Римской католической церкви. Это он должен сделать, если хочет душевного спокойствия и мира. В противном случае, уверял римский первосвященник, князь Александр доказал бы свое безрассудство, так как князья и их подданные на Руси найдут тишину и славу лишь под сенью Римского престола. Иннокентий IV требовал, чтобы великий князь, как верный страж истинного христианства, немедленно уведомил магистра Тевтонского ордена в Ливонии в случае, если татарские полчища снова направят свои стопы против христиан Европы. Великий князь, требовал папа, должен будет также построить католический храм во Пскове для иноземных купцов и пригласить к себе в гости епископа Прусского. В заключение папа хвалил великого князя Александра за то, что тот не пожелал подставить свою выю жестокому игу татарскому: Иннокентий еще не знал, что летом 1252 года Александр Невский уже ездил к хану Сартаку и получил от него ярлык на великое княжение Владимирское.

Князь Александр поблагодарил послов и отпустил их с миром, пообещав, что скоро им будет вручен ответ.

Затем он призвал к себе митрополита Кирилла и долго советовался с ним. Им было о чем поразмыслить. Ибо разве не римская курия организовала в 1240—1242 годах крестовый поход против Новгорода и Пскова? И теперь, потерпев поражение в открытых боях, не хочет ли Запад дипломатическим

путем добиться прежних целей? И не одно ли лицемерие скрывается за словами папы? В том же 1248 году папа отправил письма галицким князьям Даниилу и Васильку, предлагая им перейти в католическую веру и пообещав взамен свое покровительство и помощь в организации крестового похода европейских рыцарей против татар. Ведь еще летом 1245 года папа Иннокентий IV собрал Вселенский собор в Лионе, на котором с яркой речью выступил волынский епископ Петр Акерович, посланный черниговским князем Михаилом Всеволодовичем или Галицким Даниилом Романовичем. Владыка призывал к совместному походу против татар. Собор даже принял решение об организации крестового похода, но папа и прелаты ничего не сделали для этого. За военную помощь папа требовал ни много ни мало как признания власти Римского престола. Ни князь Александр, ни митрополит Кирилл не могли принять такое условие, так как оно противоречило основному принципу русской государственности: верности православной греко-славянской вере, утвержденной семью вселенскими и девятью поместными соборами.

Папа толкал Русь на войну с Монгольской империей — причем именно тогда, когда военные силы монголов необычайно выросли. Подлинная цель Иннокентия IV была ясна: чужими руками сокрушить Русь и облегчить ливонским рыцарям захват земель Новгорода и Пскова. Одновременно с переговорами с Русью папская курия предприняла новое дипломатическое наступление на Русь, обязывая католических прелатов завоеванной Прибалтики оставить внутренние распри и более энергично помогать братьям-рыцарям «советом и делом» готовить очередную агрессию.

Князьям, боярам и духовенству было хорошо известно и то, зачем папа посылал на восток посольство во главе с францисканским монахом Иоанном дель Плано Карпини (1245—1246), которое, с одной стороны, стремилось привлечь монгольских ханов к союзу с папской курией, а с другой — склонить русских князей к покорности Римскому престолу. За первым последовало второе посольство во главе с доминиканцем Асцелином (1247), а затем и третье — от французского короля Людовика IX во главе с Вильгельмом де Рубруком (Рубруквисом), которое выехало из Парижа в 1252 году. Цели их были все те же.

Посовещавшись еще и со своими боярами, князь Александр составил свой ответ папским легатам. Написано в нем было следующее:

«От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама, от Авраама до прохода

Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от Давида до начала царствования Соломона, от Соломона до Августа-кесаря, от власти Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения же Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем».

Вечером того же дня в храме Успения Пресвятой Богородицы князь Александр Невский произнес свое «Исповедание веры»*. Отказ великого князя посланцам папы укрепил позиции Невского героя на Руси, где не любили латинян, где сохранение веры отцов и дедов означало верность русскому национальному самосознанию и власти, опирающейся на веру и народное единство. За политикой великого князя Александра и его отношениями с Западом внимательно следили и в Монгольской империи. К тому времени великий князь Литовский Миндовг уже переменил веру, а великий князь Галицко-Волынский Даниил был близок к этому, хотя удержался и не сделал последнего шага. Своим отказом от переговоров с папой Александр Невский приобрел и прочную незыблемую поддержку Православной Церкви, что было особенно важно в тот момент, когда греко-православная вера находилась из-за латинской оккупации Константинополя в поношении в самой Византийской империи. Это свидетельствовало о росте международного авторитета Владимиро-Суздальской Руси и имело огромное значение для будущего.

ВО ПСКОВЕ

Город Плесков, или Псков, названный так по имени реки Плесковы (Псковы), впадающей в реку Великую, был основан в земле кривичей в 903 году по пророчеству святой княгини Ольги. Уроженка ближнего к Пскову села Выбуты и супруга великого киевского князя Игоря Рюриковича, она, как гласит предание, стояла однажды на возвышенном берегу реки Великой, где ныне находится псковский кремль, и, воздев руки к небу, пророчествовала о том, что здесь, на мысу двух рек, будет построен великий град и воссияет благодать во славу Божию. На другом берегу реки тогда шумел дремучий лес: там позднее возник Спасо-Мирожский монастырь.

---

* Текст «Исповедания» печатается в Приложениях к книге.

Ольгино пророчество сбылось. Спустя много лет после смерти княгини Псков стал большим торговым городом, западными воротами в Русь, оплотом рубежей земли Святорусской.

С 1132 года Псков считался «пригородом» и «младшим братом» Новгорода Великого, то есть частью Новгородской вечевой республики, — «Господином Псковом», или «Городом Святой Троицы», управляемым собственным вечем и князьями-наместниками, которые по преимуществу принимались из дома святого великого князя Мстислава Владимировича, сына Владимира Мономаха.

В XIII веке в связи с возросшей опасностью немецкой агрессии увеличился и политический вес Пскова как порубежной русской крепости, что ярко проявилось в событиях 1240—1242 годов.

После великой победы князя Александра на льду Чудского озера более десяти лет ливонские немцы не угрожали Пскову. Однако в 1253 году они вновь появились у городских стен, сожгли посад, убили людей, хотели даже штурмовать крепость, но тут подоспела подмога из Новгорода. Когда новгородский полк и отряд карел подошли к Запсковью, немцы бежали прочь. Новгородцы с псковичами стали их преследовать, догнали и побили. «И победиша их новгородци и плесковци силою креста честнаго», — пишет летописец и добавляет: «И поделом им: сами виноваты окаянные нарушители Правды», то есть договора 1243 года.

Князь Александр Ярославич лично встретился в Новгороде с магистром Андреасом Стирландом и заключил «Докончание», согласно которому обе стороны обязались забыть о прошлом, торговать друг с другом, а князь Александр пообещал построить в Пскове католическую церковь для иноземного купечества. (Об этом русского князя просил в свое время еще римский папа Иннокентий IV.) Примерно в те же годы посол французского короля Людовика IX Вильгельм де Рубруквис писал, что братья-тевтоны, «разумеется, легко покорили бы Русь, если бы принялись за это». Но это была заведомая ложь. Александр Невский уже однажды доказал на льду Чудского озера, что военные силы Руси превосходят орденские. Псковские события 1253 года дали тому новое подтверждение.

Но «худой мир лучше доброй ссоры», как любил повторять князь Александр. И он на деле доказывал верность этой поговорки.

...В тот год княгиня Дарья Изяславна родила своего первенца Димитрия, будущего князя переяславского и великого князя Владимирского.

ВОССТАНИЕ НОВГОРОДЦЕВ

Разорительное Неврюево нашествие, которое косвенно затронуло и Новгород, вновь привело к разделению новгородцев на две враждебные партии. Одна, суздальская, во главе с семьей посадника Степана Твердиславича стояла за союз Новгорода с Владимиро-Суздальским княжеством и только оттуда желала иметь князя-наместника. Вожди этой партии отличались расчетливостью и отстаивали государственные интересы всей Русской земли. Другая партия стояла за волю «по старине» и готова была принять любого князя, признававшего новгородскую вольность и противостоявшего бы Владимиру и Суздалю. Если в первой партии преобладали бояре и зажиточные купцы, торговавшие на Суздальщине заморскими товарами, то во второй были простолюдины: смерды да худые мужики-вечники, славившиеся безудержным буйством. Когда споры между двумя партиями накалялись, то только архиепископ с крестом в руках мог остановить побоище.

Князь Александр Ярославич в течение всей своей жизни пытался лавировать между двумя партиями. Он равно любил и Новгород, и Суздаль, ибо и тот и другой город были для него прежде всего частью единой Русской земли. Ее он лелеял в своих мыслях, заботясь, чтобы Свеча Рода Русского не угасла.

Потому особенно горько было услышать князю Александру о том, что младший его брат, князь Ярослав Ярославич, чувствуя себя обделенным, захватил престол во Пскове — «младшем брате» Великого Новгорода, а затем стал зариться и на сам Новгород. И новгородское вече поддержало его: новгородцы выгнали сына Александра Невского князя Василия из Новгорода и пригласили на княжение Ярослава. Князь Александр двинул свои войска на Торжок, где находился Василий. Там он соединился с дружиной сына и пошел на Новгород «в силе тяжце». Ярослав испугался и бежал во Псков. «Меньшие» новгородцы решили насмерть стоять «за Правду новгородскую, за свою вотчину». Они собрали свое собственное вече на Торговой стороне, возле Николо-Дворищенского собора, на Ярославовом дворе. По требованию горластых мужиков-вечников были смещены и посадник — участник Невской битвы Сбыслав Якунович — и тысяцкий. Великий князь прислал с Городища на вече суровую грамоту с требованием выдать ему зачинщиков мятежа. Это вызвало бурное негодование. В ответ вече избрало посадником своего любимца Ананию, человека бескорыстно слу-

жившего новгородской вольнице. Вечники поклялись на иконе Пресвятой Богородицы стоять всем заодно за Святую Софию, за «Правду новгородскую». Свою конную рать они поставили у церкви Рождества, а пешую — у церкви Святого Ильи, напротив Городища.

Между тем «вятшие» собрали другое вече на Софийской стороне, у храма Святой Софии, и выбрали посадником Михалка Степановича, внука Твердислава. Они тоже стали собирать свое войско у Юрьева монастыря для того, чтобы, переправившись через Волхов, ударить на «меньших» возле Городища. Там стояла дружина князя Александра, и «вятшие» намеревались соединиться с ней.

Князь Александр колебался. Он хотел избежать кровопролития, а потому вновь послал к «меньшим» своего посланника, боярина Бориса, и потребовал выдать Ананию-посадника. «Или не выдадите, — говорил он, — то я не ваш князь, но враг, иду на город ратью». «Меньшие» заволновались и послали к князю архиепископа Далмата и тысяцкого Клима, умоляя увести рать из города и оставить им Ананию. «Ступай, князь, — говорили они, — а злодеев не слушай, на Ананию не наступай, а на всех мужей новгородских перестань сердиться».

Князь отверг просьбу владыки.

А «меньшие» по-прежнему стояли твердо. «Если князь не согласится с нами, — говорили они между собой, — то пусть будет Бог ему судья и Святая София, а князь без греха».

Три дня и три ночи продолжалось противостояние. На четвертый день князь опять послал грамоту: «Если лишите посадничества Ананию, то я вас помилую».

«Меньшие» не выдержали. За четыре дня их рвение поубавилось. Новгородцы послушались уговоров бояр. Анания добровольно сложил с себя посаднический чин и покинул город. Восстание прекратилось.

Великий князь Александр с войском выступил из Городища в город. У Прикуповичева двора его встретил архиепископ Далмат с духовенством и всем народом. Посадничество Михалки Степановича было подтверждено. Уезжая, великий князь вновь оставил наместником своего сына князя Василия.

Боярская партия победила. Получилось так, что Александр Невский действовал в ее интересах, но одновременно и в интересах всего Новгорода, а также всей Руси. При этом он действовал в духе суздальского единодержавия великого князя Андрея Боголюбского, брата своего деда.

Он так и правил Новгородом — предельно властно, жестко, по своей воле, не взирая на прежние льготы, вольнос-

ти Великого Новгорода. В многочисленных договорах различных князей с Новгородом нередки ссылки на притеснения, которые творил новгородцам князь Александр. Невский герой предстает в них нарушителем «Русской Правды»: он отнимал у бояр земли, захватывал их покосы, рыбные тони и охотничьи ловы, чинил суд в Торжке и Волоколамске как суздальский князь, подчинял себе «закладников» и «холопов», а потом освобождал их от кабалы, он отнял у бояр Терский берег на восточном побережье Кольского полуострова, посылал за богатой меховой данью своих ватажников, предтечей ушкуйников, покупал у новгородских бояр села и раздавал их своим сторонникам.

По свидетельству Н. М. Карамзина, Александр Невский стремился ограничить судебную власть веча и в 1262 году в числе других дел разбирал тяжбу «Лочка и Ивана, и всех Рожитчан с Родишею, и с Кузьмою и чернецами Спасскими».

Новгородцы возмущались, но терпели. Они и через 70 лет вспоминали об этом и в своих договорных грамотах требовали от князей: «А что, княже, брат твой Александр деял насилие на Новегороде, а того ся, княже, отступи...»; или: «А што будеть дед твой сильно деял... того ти не деяти».

Своими действиями Александр Невский показывал возможность возрождения Руси через преодоление многовластия и утверждение единодержавия. По этому пути пошли и его потомки — князья и цари из дома Ивана Калиты. Потому-то они весьма чтили своего пращура, святого благоверного великого князя Александра Ярославича, заложившего первый камень в фундамент будущего Русского централизованного государства.

...В тот год княгиня Дарья Изяславна родила своего второго сына, Андрея, будущего князя городецкого, нижегородского и великого князя Владимирского.

ПОХОДЫ НА НАРОВУ И ЕМЬ

На следующий год новгородцам вновь понадобилась помощь Александра Невского. В самом начале 1256 года объединенное войско шведов, эстонских датчан, суми и еми во главе с рыцарем Дитрихом фон Кивелем вторглось в новгородские пределы и встало на реке Нарове. Вражеский флот вошел в устье Наровы. Шведы начали строить крепость там, где позднее возникли города Ивангород и Нарва. Они не скрывали своих намерений: завоевать Водскую и Ижорскую земли, а при случае — и Карельскую, воспретив выход нов-

городцев к Новгородскому (Финскому) заливу. Новые крестоносцы, пришедшие сюда со своими епископами, имели предписание самого римского папы Александра IV: крестить людей на завоеванной территории по католическому обряду. Новгородцы послали за помощью во Владимир к великому князю Александру Ярославичу.

Мог ли Александр отказать им? Он быстро собрал войска и вместе с митрополитом Кириллом пришел в Новгород. Присоединив к себе новгородское ополчение, Александр стремительно двинулся на Нарову. Услышав об этом, рыцари испугались и, бросив недостроенный город, уплыли за море. Они помнили Невское сражение и учли его уроки.

Князь Александр приказал срыть все укрепления на Нарове. Затем он направил войско к Копорью. Здесь было объявлено о действительной цели похода: Александр собрался воевать земли еми в южной Финляндии. Митрополит благословил князя и все войско и отправился восвояси. Александр же и его воины повернули на север. Впереди были льды и торосы, дул пронизывающий ветер. Двигались на добротных новгородских лыжах. Путь во льдах прокладывал целый отряд шестников.

Тавастландия, то есть земля еми (тавастов), была завоевана Швецией в 1249—1250 годах. Тогда войско шведов возглавлял соправитель шведского короля Эрика Леспе ярл Биргер, из рода Фолькетингов. Теперь, с 1250 года, на шведском престоле сидел его сын Вальдемар. В центре страны Биргер заложил сильную крепость Тавастхус. Были также созданы поселения шведских колонистов на берегу озера Ваная с тем, чтобы в случае восстания финнов те могли подавить его силой оружия. Коренное население Нюландии и Тавастландии было обложено тяжелой данью в пользу шведов. Емчане через новгородцев приглашали князя Александра прийти и освободить их. И этот час настал. Князь Александр надеялся использовать восстание еми против шведского владычества для того, чтобы вернуть южную Финляндию под свое владычество.

«И бысть путь зол, — пишет новгородский летописец, — якоже не видали ни дня, ни нощи, и проидоша горы непроходимые, и повоева Поморие все». Под «горами» летописец имеет в виду громадные снежные торосы на заливе, пройти которые было непросто. Шведы никак не ожидали здесь русских; их крепости были взяты и срыты до основания.

В булле папы о походе 1256 года сообщалось следующее:

«Из писем дражайшего во Христе сына нашего Вальдемара, прославленного короля Швеции, стало известно непри-

ятнейшее для нашего слуха и души сообщение о тягчайших и жестоких нападениях, которые очень часто переносят верноподданные этого королевства от врагов Христа, называемых обыкновенно карелами, и от язычников других близлежащих областей. Действительно, среди всех прочих опасностей, которые причинили названному государству коварства и жестокость этого племени, особенно в этом году, когда оно, неистово вторгнувшись в некоторые части данного государства, свирепо убило многих из его верноподданных, пролило множество крови, много усадеб и земель предало огню».

Тавастландия была освобождена от шведских рыцарей, шведский оплот у русских рубежей уничтожен. Войско вернулось в Новгород без потерь, с пленными и добычей. И «славен же бысть приход его страхом и грозою», — завершает свой рассказ летописец.

Так Александр Невский еще раз проявил себя как выдающийся полководец и политический деятель.

СНОВА В ОРДЕ. ТАТАРСКОЕ ЧИСЛО И НЕПОКОРНЫЙ СЫН

Новая страшная беда, словно черная туча, нависла над Русью. Татары потребовали огромную дань с покоренной страны.

Поручив Новгород своему сыну князю Василию, великий князь Александр поехал в Орду. К тому времени уже умер хан Бату (1255), был отравлен своим дядей сын Бату Сартак (1256) и на ордынском престоле сидел третий сын Бату Улагчи (1257). На Руси его звали Улавчий. Он потребовал подтверждения покорности и обновления ярлыков на княжения. Великий князь согласился. Вместе с ним в Орду поехали его братья — Андрей Ярославич Суздальский и Ярослав Ярославич Тверской, с которыми Александр успел примириться, а также князья Борис Василькович Ростовский и Глеб Василькович Белозерский.

Выполнив положенные по монгольскому обычаю обряды поклонения хану, князья преподнесли ему богатые подарки — огромные мешки серебра, серебряные сосуды и кубки, украшения из драгоценных камней. Улавчий сменил гнев на милость, и князья Андрей и Ярослав были прощены. Получили подарки и ближайшие вельможи и родственники хана. Улавчий объявил волю великого хана Мункэ, который еще в 1253 году повелел упорядочить сбор даней на всей терри-

тории Империи, а в 1257 году назначил главного баскака улуса Джучи — Китата. А это означало, что на территории Руси будут действовать особые военные отряды, частью из местного населения, частью — из татар, а командовать ими будут нойоны, темники, мурзы, наместники. Отряды эти поступали в распоряжение баскаков, которые сидели в главных городах — Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле, Угличе, Костроме, Переяславле, Твери, Рязани, Муроме, Курске, Смоленске. Во Владимире при великом князе находился великий баскак, которому подчинялись все другие баскаки. Власть его была безгранична. По сути баскаки и их отряды заменяли собою оккупационные войска монголов.

Русским князьям в Сарае было объявлено, что они обязаны принять на Руси чиновников из Орды для поголовной переписи населения (на Руси эту перепись называли «число»). Эти меры были приняты для того, чтобы наилучшим образом обеспечить повсеместное и ежегодное собирание даней — «тамги» и «туски»*. Позднее прибавились и другие виды поборов.

Систему даней, закрепляющих порабощение покоренных Империей народов, придумал китаец Елей Чу-цзы, советник Чингисхана, еще в 1230—1240-е годы. Именно с введения этой системы на Руси началось «настоящее» порабощение Руси татарами.

Чиновники появились на Руси вместе с князьями уже в феврале и 4 марта 1257 года начали свою работу в Суздальском, Ростовском, Рязанском и Муромском княжествах. По большей части люди не оказывали им сопротивления, ибо хорошо помнили Батыево и Неврюево нашествия. Переписав жителей поголовно, монгольские чиновники поставили над ними десятников, сотских, темников и наместников или мурз для собирания даней. Освобождались от даней только представители духовенства и все церковные люди.

Но кое-где баскаки встречали ожесточенное сопротивление. 3 июля 1257 года на Туговой горе, близ Ярославля, произошло сражение княжеской дружины с отрядом татарских грабителей. В нем был убит ярославский князь Константин Всеволодович, позднее причтенный к лику святых.

---

* Тамга — таможенный знак или печать, например, на ухе лошади. За приложение клейма — тавро — полагалось взимать особый таможенный сбор — деньги, поскольку считалось, что все лошади в улусе Джучи принадлежат хану и частные владельцы лошадей должны за них платить. Туска, или тузга — денежный налог, а также налог дарами и съестными припасами, изделиями ремесленного труда на содержание администрации.

Спустя несколько месяцев, в 1258 году, великому князю в сопровождении тех же родичей вновь пришлось отправиться в Орду. Здесь была объявлена новая воля великого хана Мункэ: Новгород и Псков, не подвергшиеся разорению и не завоеванные татарами, также должны были платить поголовную дань, а для этого дать «число» — то есть пройти перепись всего населения.

Невский герой, всегда бывший ревностным поборником соблюдения русской чести и вольностей новгородских, теперь был вынужден взять на себя тяжелейшую и неприятнейшую обязанность: склонить к рабству новгородцев, народ гордый и пылкий, всегда славившийся исключительным свободолюбием. Вместе с татарскими численниками он сам отправился в Новгород «в силе тяжце», то есть с большим войском.

Когда до новгородцев дошла весть о намерении татар взять «число» с их родного города, они пришли в великое смятение. Тут же на вече был схвачен и убит посадник Михалка. Напрасно он упрашивал новгородцев подчиниться, уверяя, что воля сильных есть закон благоразумия для слабых. Посадничество вручили Михаилу Федоровичу из Ладоги. А тысяцким выбрали Жироху, который понимал, что численникам надо уступить, иначе — беда.

Все лето 1258 года кипело народное негодование. В городе царили смятение и хаос. Даже юный наместник князь Василий, по внушению бояр, говорил, что не хочет повиноваться отцу, который якобы везет с собой оковы и стыд для людей вольных. Узнав о приближении отца с войском, он бежал во Псков.

Наконец собралось роковое вече. Татарские численники по вечевым ступеням взошли на помост и объявили свои требования: «числу» быть!

— Вольные мужи новгородцы! — гремел на вече голос князя Александра. — В чем упорствуете? Жизнь братий гибнет, а вы жалеете золота и серебра! Смиримся, укрепимся Богом и Святой Софией, верою и единодушием, покорностью и смирением!

— Нет, нет! — бушевало вече. — Не быть Новгороду под погаными!

Новгородцы отклонили требование численников и согласились только послать подарки хану. С тем и отпустили послов.

Позднее русский поэт Аполлон Майков так напишет про Александра Невского, вспоминая его труженичество за землю Русскую и за Новгород:

Очи сверкнули огнем,
Грозно сверкнули всем гневом высокой души.
Крикнул: «Эй вы, торгаши!
Бог на всю землю послал злую мзду.
Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь — я себя не щажу.
Я лишь один на плечах их держу!
Бремя нести — так всем миром нести!
Дружно, что бор вековой, подыматься, расти,
Веруя в чаянье лучших времен,
Все лишь в конец претерпевый — спасен!»

Послы уехали во Владимир, возложив исполнение ханской воли на великого князя. Тяжело пришлось Александру, однако иного выхода, кроме как добиться повиновения, не было, иначе Руси грозило новое нашествие и уничтожение народа. Уж лучше платить гривнами, чем жизнями людей. Князь ввел войска на Славно и Торговую сторону и приготовился силой выбить из новгородцев покорность. Но те уже не могли сопротивляться ему. Князь жестоко расправился с ослушниками. Сына он велел схватить во Пскове и под стражею и в оковах доставить в Суздальскую землю. Так князь Василий Александрович сошел с политической сцены. Он умрет в изгнании в 1271 году в возрасте тридцати одного года.

Мятежных бояр, тех, кто науськивал сына на отца, в том числе некоего воеводу Александра, князь казнил, других ослепил, третьим повелел урезать носы. Однако после этого новгородская беднота, голь кабацкая, продолжала бесчинствовать, убивая княжеских людей. Так погиб боярин Миша с Прусской улицы, герой Невской битвы.

Тем временем ханское войско уже собиралось на Волге и готовилось идти на Новгород. С Низу приехал новгородский посол Михаил Пинещинич «со лживым посольством». «Аще не имемся по число (то есть не подчинимся переписи. — *Ю. Б.*), — говорил он вечу, — то все татарские полки уже на Низовой земле».

Вече подчинилось неизбежному. Немедленно было сообщено во Владимир, что татарские чиновники могут приехать.

Вскоре на берега Волхова приехали суздальские князья и с ними татарские численники — Бецик-Беркэ и Касачик. «с женами своими и инех много». Численники начали было перепись населения и сбор дани в окрестностях Новгорода. Однако новгородцы снова заволновались и потребовали созыва веча. Татары запросили охрану у великого князя, так как опасались за свои жизни. Александр приказал стеречь их сыну посадника и служилым боярам с дружиной. Перепись

продолжилась, но новгородцы по-прежнему всячески уклонялись от нее и грозили послам. Раздосадованные численники предъявили вечу ультиматум: «Дайте нам число или бежим прочь». А это означало неминуемый приход татарских войск в Новгород. Если новгородские бояре успели столковаться с монголами, то простой люд кипел от возмущения. «Бояре сделали себе легко, а меньшим зло», — говорили они.

Люди вновь бушевали на вече. Одни собирались на Торговой стороне возле храмов, другие на Софийской стороне. И те и другие готовились к схватке: собирали оружие, налаживали лодки.

На следующий день великий князь выехал с Городища, а за ним потянулись все его войско и татарские чиновники с женами и со свитой. Это означало, что мирные средства исчерпаны.

По совету «вятших», то есть «лучших», богатых, новгородцы наконец согласились «дать число». Послали за татарами и князем, и те вернулись с дороги. «И начали окаянные татары ездить по улицам и переписывать дома и души христианские», — говорит летописец. Основная тяжесть даней ложилась на бедных, ибо подушная подать была одинаковой для каждого, независимо от его доходов.

Закончив перепись и нагрузив многие возы серебром, мехами и припасами, окаянные «сыроядцы» удалились восвояси.

А великий князь Александр покинул Новгород лишь после того, как заключил новый ряд с новгородцами, помянув «число», и посадил на новгородском столе своего малолетнего сына Димитрия. Тому шел лишь шестой год. Начиналась весна 1259 года.

Так вольный Новгород признал над собой власть Орды.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ВЛАДИМИР

Ранней весной 1259 года великий князь Александр с чадами и домочадцами выехал из Новгорода во Владимир. Наступила распутица. Путь был нелегок. Горько и тяжело было на душе у князя Александра. После двукратных унизительных хлопот в Орде он пережил тягостное время татарской переписи вольнолюбивых новгородцев. Несмотря на его блистательные победы над шведами на Неве и в Емской земле и над немцами на льду Чудского озера, новгородцы восстали против него, и в этой крамоле пострадали его сын

Василий, многие бояре и храбрецы, участники Невского сражения. Нелегко было согнуть выю под татарский ярем свободолюбивому народу. Тяжело отдавались в сердце незаслуженные укоры новгородцев: «Князь-де заодно с сыроядцами и оковы нам привез!»

После всего перенесенного князь хотел отдохнуть душою и для того заехал к своим родичам в Ростов. После разрушения Владимира цветущий Ростов стал главным городом Северо-Востока Руси, хотя формально столицей княжества считался Владимир. Ростов мало пострадал от татар. В нем жила старшая в роде княгиня Мария Михайловна, вдова князя-страстотерпца Василька Константиновича и дочь другого страстотерпца великого князя Михаила Всеволодовича Черниговского. Сыновья княгини Марии, Борис и Глеб Васильковичи, находились большей частью при ней (во всяком случае, когда жили в Ростове). Они получили блестящее образование, а среди их учителей выделялся некий Всевед, княжеского происхождения. Ростовские князья принимали политику Александра Невского и всегда сочувствовали ему.

Великий князь хотел успеть в Ростов к Вербному воскресенью, но его задержала распутица. Наконец он добрался до города, где его встречали князья Борис Василькович и Димитрий Борисович, княгиня Марина, вдова князя Константина Всеволодовича Ярославского, и ростовский владыка Кирилл.

— Отче и господине, — воскликнул князь Александр, подходя под благословение к маститому пастырю, — благодаря тебе и твоей молитве я благополучно и в добром здравии съездил в Новгород и твоею же молитвою благополучно возвратился, веление Божие исполнив!

Великий князь вошел в храм Успения Пресвятой Богородицы и, пав на колени, горячо молился, а затем поклонился мощам великого проповедника ростовского, святителя Леонтия.

На Святую Пасху, 12 апреля 1259 года, Невский герой с княгиней Марьей Михайловной, князьями Глебом и Димитрием и княгиней Мариной побывали в селе Угожь, где молились в местной церкви Богоявления Господня и дали большие вклады во здравие души. Затем великий князь возвратился в Ростов, где жил до дня празднования перенесения святых мощей князей Бориса и Глеба (2 мая). Он совершал молебны с великим торжеством и благоговением и творил великие милостыни храмам и людям. Особенно довольна поездкой была великая княгиня Дарья Изяславна, супруга Невского героя, мать его детей Димитрия и Андрея.

На следующий день, 3 мая, князья Глеб и Димитрий проводили великого князя до холмистого возвышения на суздальской дороге и простились с ним. На том месте потом долго стоял намет, а затем князь Глеб Василькович поставил терем и нередко останавливался в нем, когда ездил на охоту. Впоследствии здесь возникла деревня Александрино.

Приехав во Владимир, великий князь удостоился торжественной встречи митрополита Кирилла со всем освященным собором, с черноризцами и мирскими, с боярами и горожанами. Люди несли хоругви и иконы, распевая псаломские песни.

После литургии митрополит возгласил с амвона: «Слава тебе, великий князь Александр Ярославич! Ты ведь уподобился святому Константину Великому, лесть агарянскую преодолевшему! Не преступай, княже, завета, что положили твои пращуры — святой Владимир, богоизбранный Ярослав, мудрый Владимир Мономах и другие иже с ними доблии отпрыски благородного корени славных Рюриковичей, ибо ты стяжал Константинову доблесть, Владимирову веру, Ярославле мужество. Помни, что заповедал царь Соломон Премудрый: “Золото не в сокровищнице познается, но когда помогает сирому и вдовице, когда хранишь Правду и завет нищелюбия”».

С этого времени великий князь еще больше стал заботиться о русских полонянниках, живших в Орде. Дважды он посылал подарки хану и серебро для выкупа пленных с епископом ростовским Кириллом. И грамоту посылал хану Берке, чтобы тот позволил открыть в Сарае православную епархию, включавшую бы земли по Дону и его притокам, а также земли Переяславля Южного.

Хан Берке согласился, и епархия была открыта. В 1261 году в Сарай приехал епископ Сарский и Подонский Митрофан. Вскоре он построил и открыл в Сарае первый православный храм и крестил много народа, в том числе и татар. Хан дал иерархам Русской церкви особый ярлык, в котором говорилось: «Кто будет хулить веру русскую или ругаться над нею и ничем не извинится, пусть тот умрет злою смертью».

Владыка Ростовский Кирилл часто ездил в Орду. Хан Берке не раз вызывал его для врачевания, ибо Кирилл Ростовский славился и как искусный лекарь. Однажды он исцелил сына Берке, наследника престола. Хан любил слушать рассказы владыки (разумеется, на монгольском языке, которым святитель владел) о святых апостолах Петре и Павле, о святом епископе Ростовском Леонтии, особенно о том, как тот учил детей.

В конце 1250-х — начале 1260-х годов начинается некоторое сближение русской знати с татарской. Так, князь Белозерский Глеб Василькович* 20 мая 1257 года вступил в брак с родственницей хана Улавчия царевной Газель, дочерью Неврюя. Газель крестилась в Ростове и получила в святом крещении имя Феодора. Племянник хана Берке царевич Даир Хайдакулла тайно бежал в Ростов и там 29 июня 1261 года крестился с именем Петр. Он поселился в Ростове, женился на дочери татарского баскака мурзы Узбека (в святом крещении Феодулии); Узбек остался на Руси, обрусел и тоже крестился**. Царевич Петр стал другом князя Бориса Васильковича, позднее он построил монастырь в честь святых апостолов Петра и Павла***. Татарские и болгарские купцы сделали Ростов своим торговым центром и основали Татарскую слободу в окрестностях Ростова, на берегу Ростовского озера.

...Между тем княгиня Дарья Изяславна в 1261 году родила младшего сына Даниила, будущего князя Московского, основателя дома Ивана Калиты и грядущей России...

Русские летописцы тогда записали: «Бысть тишина велика христианам». Воистину так! Восточная дипломатия Александра Невского приносила свои ощутимые плоды, хотя до избавления от ига было еще очень далеко.

Но это было затишье перед бурей.

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ

Отстояв Русскую землю от уничтожения, великий князь должен был согласиться на повсеместное взимание тяжелой дани, на колоссальные унижения, которым подвергался народ со стороны восточных завоевателей. Александр Невский видел, с какой жадностью, грубостью и бесцеремонностью обращаются татары с русскими. Поругание и насилие стали нормой их поведения. Князь понимал и до конца прочувст-

---

* Князь Глеб Василькович (князь белозерский с 1251 по 1277 год; ум. в 1278 году) несколько лет прожил в Сарае как заложник при ханах. Тонкий дипломат, владевший татарским и монгольским языками, он не раз улаживал конфликты Руси и Орды в лучших традициях Александра Невского и его восточной политики.

** В Ростовской земле есть деревня Узбеково. Там в XIX веке показывали место за Сохатским болотом, где стоял терем мурзы Узбека.

*** По кончине супруги своей постригся в монахи Петровского монастыря. Кончил жизнь в глубокой старости 29 июня 1290 года. Причтен к лику святых. В числе потомков — князь Георгий Петрович Шубин и священник Георгий Скрыница, который выступал в 1503 году на соборе о вдовых попах.

вовал всю трагедию жестокого века, когда жизнь человеческая ценилась ни во что, когда свободолюбивый народ должен был привыкать к постоянным злодеяниям, рабской покорности, терпеливому перенесению невзгод.

До татаро-монгольского ига власть собственных князей и бояр не была обременительной для народа: дани платились хлебом, воском, медом, плодами и овощами, рыбой, дичью и мясом. Взамен князья и их дружины защищали и смердов, и горожан от врагов, отечески заботились о подданных в полном соответствии со славянскими традициями взаимопомощи, доброты и кротости. Праведный суд и милость — для своих, гнев и гроза — для врагов. Все это было в чести у потомков Всеволода Большое Гнездо. Слова властителя: «Да будет мне стыдно» — служили порукой верности и нерушимости принятых на себя обязательств.

После татаро-монгольского нашествия положение изменилось. Теперь уже во властвовании не было отцов и детей, а только — властители и подданные. После всеобщей переписи татары без церемоний ставили на правеж неимущих должников, секли их кнутом, истязали пытками для того, чтобы вытянуть из жертвы последнюю гривну. Бывало и так, что казнили должника смертью для того, чтобы добиться полной покорности от оставшихся в живых. Особенно зверствовали хивинские, хазарские, персидские и иные откупщики-бесермены, которые за мзду откупали у баскаков право взимания даней в той или иной области, или в том или ином городе. Хитрые торговцы, придумав целую систему вымогательств, назначали различные сроки платежей с применением «резов», то есть процентов. В результате бедняки попадали в кабалу и превращались в полных или обельных рабов. Их хозяин мог продать «живой товар» в рабство. Бесермены открыто ходили по весям и городам с военными отрядами, забирали должников, беспощадно их били палками на улицах и площадях, допытываясь, не спрятали ли они где-нибудь гривны или другое имущество. Убедившись, что должник полностью неплатежеспособен, откупщики забирали у него в счет долга сыновей, дочерей или уводили самого в рабство.

Известно, что именно из русских рабов формировалась знаменитая гвардия египетских султанов.

Русские исторические песни сохранили свидетельства беспредельного поведения восточных завоевателей:

Брали дани, невыходы,
Царски невыплаты
С князей по сту рублев,

С бояр по пятидесяти.
У которого денег нет,
У того дитя возьмут,
У кого дитяти нет,
У того жену возьмут,
У кого жены-то нет,
Тебя самого головой возьмут...
И вдовы-то бесчестили,
Красны девицы позорить,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.

Глубокую ненависть к восточным завоевателям затаил русский народ, сохранивший среди своих пословиц и такую: «У них что у собаки, души нет: один пар».

В 1262 году чаша терпения наконец переполнилась, и народ восстал против мусульманских откупщиков, которые творили людям «великую пагубу» и «лютое томление». В тот год ростовский летописец записал: «Вложи Бог ярость в сердца христианские, не тръпяще насилия поганых, и созвониша вече». Княгиня Мария Михайловна, вдова князя Василька Константиновича, попыталась сдержать ростовчан от большого кровопролития. И все-таки не смогла этого сделать. По свидетельству булгарской летописи «Бу-Юрган Китабы», в одной из стычек русские разграбили восточных купцов, издевавшихся над народом, и убили булгарина-баскака Гази-Бабу.

Среди сборщиков дани явился на Руси «злой бесерменин» по имени Титям, от царя Кубилая. Ярославский монах, по имени Зосима, похвалившись милостынями царя Кубилая, отрекся от христианской веры православной и, «вступив в прелесть ложного пророка Мухаммеда», по наущению Титяма, стал ругать нашу веру. Летописец сообщает, что Зосима «бе мних образом, точию сотонин сосуд: бе бо пияница, и студословец, и празднословец, и кощуник». Он стал ругать кресты, иконы, церкви, пока его не убили возмущенные горожане. А тело его бросили на съедение собакам и на поклев воронам. Побили и изгнали из Ярославля всех других слуг откупщика.

Весть о гибели Зосимы, друга великоханского чиновника, промчалась по городам и весям Владимиро-Суздальской земли. В Ростове, Владимире, Суздале, Переяславле загудели вечевые колокола. Граждане быстро собрались на вече и решили наказать своих притеснителей. Откупщикам и их слугам пришлось бы серьезно поплатиться за свои злодеяния. Но Бог удержал руку мщения, и из татар никто не пострадал. Ярость народная утихала в тех случаях, когда виновные каялись в своих прегрешениях и просили у веча

прощения. Так случилось в Великом Устюге. Народ простил обиды главному откупщику монголу Буге, когда тот, явившись с повинной на вече, согласился принять крещение. Буга был назван во святом крещении Иоанном. Женившись на своей бывшей наложнице, христианке Марии, Иоанн старался искупить свои грехи и заслужить полное прощение. В Великом Устюге показывают Соколью гору, где, по преданию, Буга однажды во время соколиной охоты дал обет построить храм в честь Рождества святого Иоанна Предтечи. Впоследствии так и случилось.

Кем же были организованы городские восстания? Устюжский летописец прямо свидетельствует об этом так: «Приде на Устюг грамота от великого князя Александра Ярославича, что татар бити». Грамота эта, видимо, читалась на вече, так как о ней услышала Мария и посоветовала Буге поскорее прийти на вече и покаяться пока не поздно.

Устюжскую версию подтверждают другие, правда, более поздние источники: Житие святого Пафнутия Боровского и Волоколамский патерик (оба XVI века). Можно предполагать, что Александр Невский все рассчитал заранее. Он знал, что изгнание откупщиков Кубилая не вызовет гнева хана Берке, так как между Сараем и Каракорумом уже произошел разрыв и Берке вовсе не хотел отдавать Кубилаю самые лакомые куски своей добычи.

Восстание не привело к отмене ига, но преподало суровый урок ордынцам: русский народ готов отстаивать свою честь, и с его желаниями необходимо считаться.

Вскоре после восстания прошел слух, что разгневанный хан собирает на Волге огромное войско, чтобы наказать Русь. Александру Невскому надо было поспешить с поездкой в Сарай с оправданием и дарами. Летописцы называют и другую причину поездки Александра в Орду: летом 1262 года татары потребовали от великого князя вспомогательного войска из русских рекрутов для того, чтобы использовать его на Кавказе и в Персии против армии хана Хулагу, с которым воевал тогда хан Берке. Александр надеялся «отмолить» русских людей у хана от тягостной обязанности проливать свою кровь за чужие интересы на чужой земле.

Тогда же ростовская княгиня Мария Михайловна, которую чтил князь Александр, велела своим книжникам составить Ростовский летописный свод 1262 года во имя Божие и описать в нем все события, которые были в Русской земле от начала татарщины. Летопись вся была проникнута идеей необходимости крепко стоять за веру и независимость Руси. Позднее она вошла в состав поздних ростовских летописцев.

НА ЮРЬЕВ ЛИВОНСКИЙ

Город Юрьев (Дерпт) был основан в эстонской земле великим князем Киевским Ярославом Мудрым в 1030 году на месте старой крепости Тарбат. Долгое время он был русским форпостом для сбора даней, а с началом немецкой агрессии в Прибалтике — совместной русско-эстонской крепостью. Однако в 1224 году Юрьев был захвачен рыцарями-меченосцами, и с тех пор началась непрерывная война за его возвращение.

Летом 1262 года, когда происходили народные восстания, великий князь Александр был занят подготовкой военного похода на Юрьев. К тому времени русский князь заключил союз с Литвой. Вынужденный ехать в Орду на поклон к хану Берке, он решил вручить командование над войском своему девятилетнему сыну князю Димитрию Александровичу и дал ему в помощь своего брата князя Ярослава Ярославича Тверского и иных князей: полоцкого князя Товтивила Ердзивиловича и его сына, а своего зятя, витебского князя Константина-Августа Товтивиловича, со многими полками. К ним присоединился полк литовцев во главе с князем жмудским Тройнатой с 500 воинами и без числа новгородцев.

По словам княжеского Жития, обращаясь к князьям и войску, великий князь сказал: «Служите сыну моему, князю Димитрию, так же, как мне, всею жизнью своей». Эти слова стали политическим завещанием великого князя, отъезжающего в далекую Орду.

Дерпт был сильной крепостью. Его окружали три ряда стен, а в городе имелось достаточно войск для обороны. Но «честнаго креста сила и Святей Софии всегда низлагает неправду имеющих», — пишет летописец. Союзники взяли Юрьев «на щит» одним приступом, сожгли посад, убили множество вражеских воинов, а других взяли в плен, и товаров забрали без числа. Уцелел лишь сам замок на Тоомемяги. У союзников были убиты стрелами два человека: один из них боярин по имени Петр Мясникович.

Впрочем, немецкий хронист сообщает, что русско-литовское войско было вынуждено отступить, так как пронесся слух, будто на выручку городу движется ливонское войско во главе с магистром Вернером фон Брейтгаузеном.

«И прииде князь Димитрей весь здрав в Великий Новгород со всеми новгородци и с многим товаром», — сообщает летопись под тем же 1262 годом.

Несмотря на успех под Юрьевом, Ливонский орден не

был разгромлен. Русско-литовские войска ждали короля Миндовга, чтобы вместе идти на Ригу. Однако Миндовгу не удалось взять крепость Венден (Цесис), о чем он договаривался с Александром. Миндовг отступил и занялся опустошением окрестностей Вендена.

Послы из Риги не заставили себя ждать. Прибыв в Новгород, они заключили «Докончание» с наместником Александра князем Димитрием: «Се аз князь Александр и сын мой с посадником Михалкой и с тысяцким Жирославом и со всеми новгородци докончахом мир с послом немецкым Шивордом и с любецким послом Тидриком, и с гоцким послом Ольстенем, и со всем латинским языком...» Так начиналась договорная грамота 1262 года Новгорода с Ригою, Орденом, Любеком — центром торгового союза Ганзейских городов, а также Вюсби — главным городом острова Готланд. Договор о мире отметал все тяжбы и разногласия и провозглашал мир и свободную торговлю на Балтике. И в самом деле — лучше торговать, чем воевать!

В предчувствии большой торговой прибыли заволновались купеческое подворье Иванского ста в Новгороде да Готландский и Немецкий дворы. «Докончание» Александра открывало им новые перспективы в торговле на Балтике.

Этот договор, как и все, что делал замечательный дипломат Александр Невский, оказался долговечным. Прошло полтора века, и в 1420 году новгородцы заключили с магистром Ливонского ордена «мир по старине, како было при великом князе Александре Ярославиче».

«О, ЗЛЕЕ ЗЛА ЧЕСТЬ ТАТАРСКАЯ!»

Такие слова записал в Галицко-Волынской летописи под 1250 годом летописец-монах, хорошо знавший историю пребывания в Орде великого князя Даниила Романовича. Такая же честь выпала и на долю великого князя Александра Ярославича.

Из всех поездок в Орду — эта самая трудная и вместе с тем самая ответственная. Малейший промах — и на Русь обрушится тяжелейшая кара. Князь помнил мученический подвиг святого Михаила Черниговского и боярина его Феодора: они не подчинились хану и погибли. Но теперь не подчиниться было нельзя. Там, за степью Половецкой, Русская земля ждала приговора, ждала решения своей судьбы. Как обреченный, ехал Александр к Берке. Может быть, и ему уготована в Орде участь святого Михаила Черниговского или участь отца

его, великого князя Ярослава Всеволодовича? Он знал, что во время восстания на Руси не пролилась монгольская кровь, и это позволяло ему надеяться на лучшее. Но была и другая беда, другая опасность. Ему предстояло отмолить людей русских от рекрутчины, от участия в монгольских войнах.

Берке был одним из хитрейших, коварнейших и жестоких ханов. В булгарской летописи «Казан тарихы» шейха Мохаммедьяра говорилось следующее: «В 1262 году Беркай, тяготясь унизительной ролью наместника великого татарского хана в Кыпчак-Йорты (таким было тогдашнее название татаро-монгольского государства. — *Ю. Б.*), отделил свою область от Чина великого хана. Все татары после этого ушли из Кыпчака, и их место заняли кыпчаки, которых по причине службы стали называть "татарами" Ведь слово "татарин" означало "наемный человек, идущий на смерть ради хана" В Кыпчаке с того времени стала господствовать куманская речь, а писать стали на "туран теле", и кыпчаки достигли своего через Джучидов: поставили в зависимость от себя русских».

Приняв мусульманство от хорезмийцев, Берке решил опереться на ордынских мусульман. Он вырезал христиан-несториан в Самарканде, отравил двух племянников, а также вдову брата Бату Боракчин, установил в ханстве мусульманскую диктатуру и рассорился с великим ханом Монгольской империи Кубилаем, сыном Толуя, своим двоюродным братом. Кубилай сильно расстроил могущество монголов, переселившись из Каракорума в Бейпин, превратил Монгольскую империю в Китайскую, поддавшись очарованию древней китайской культуры. А Берке, властвуя над Улусом Джучи, в том числе над Русью, данницей Улуса, сохранил первобытный кочевой образ жизни, хотя и отверг родную религию и родной язык, заменив последний тюркским (половецким), то есть татарским. Новые друзья мусульмане настаивали, чтобы Берке покарал язычника Хулагу, ставшего иранским шахом, или иль-ханом, и завоевавшего Афганистан, Иран, Ирак и восточную часть нынешней Турции, Закавказье. Основатель государства Хулагидов, он мечтал завоевать и Большую Орду. Поэтому двоюродные братья Берке и Хулагу стали непримиримыми врагами. В середине 1261 года Берке вступил в союз с сирийско-египетским султаном Байбарсом, врагом Хулагу, и надеялся с его помощью отнять у Хулагу Азербайджан. Однако наместник Хулагу в Дербенте и Ширване разбил войска царевича Буки. Теперь Берке были необходимы русские вспомогательные войска. Хан колебался в том, как использовать свое трехсоттысячное войско: послать ли его на Русь или в Азербайджан.

Именно в этот решающий момент в Орду и прибыл великий князь Александр.

Ему пришлось несладко. Здесь он был не великим князем, а улусником, рабом хана. Три месяца князь жил за Ахтубой, на дальних кочевьях хана. У него был большой шатер, в котором могли расположиться небольшая дружина и слуги князя, товары и подарки, предназначенные для хана и его вельмож. День и ночь перед входом в шатер горел костер, чтобы отгонять злых духов. Внутри шатра имелись ковры, кошмы, шелковые подушки, одеяла, а также питье и еда. Имелась также печь для обогрева. Но хан не звал Александра, и время проходило в бездеятельности. Горькими были думы о Руси и о той судьбе, которую уготовил ему Господь.

У монгол не было принято напоминать о себе: нельзя спешить, нельзя говорить первым, нельзя отвечать прямо и дерзко, а только тихо, смиренно опустив голову, вперив взгляд в ковер, чтобы не раздражать хана. Надо ждать, когда тебя позовут, и выполнять то, что хан прикажет.

Наконец в конце марта 1263 года хан пригласил к себе князя. Он сидел в шатре на высоком троне. От роду хану было 56 лет: жидкая бородка, большое расплывшееся лицо желтого цвета, волосы зачесаны за оба уха, в одном ухе — золотое кольцо с драгоценным камнем. На нем были царские цветные одежды, на голове — монгольский колпак. Хан был опоясан золотым поясом с драгоценными камнями, на ногах — башмаки из красной шагреневой кожи. На кушаке виднелись изображения черных витых рогов. Сзади трона стояли 50 младших ханов и мурз.

Хан взял золотую чашу и, отпив из нее глоток, подал князю Александру из своих рук. Это была высокая честь — но честь по-татарски. Потом велел князю стоять возле себя и говорить.

Александру удалось отмолить своих людей от войны. Сыграли свою роль и богатые подарки, привезенные им из Руси, и обещания увеличить «выход» — дань Орде, и умелая дипломатия князя, убедившего хана, что со своими собственными войсками он скорее сумеет одолеть своих врагов*.

Потом хан и князь еще не раз уединялись и беседовали с глазу на глаз, благо князь Александр в совершенстве овладел монгольским языком. Они обсуждали между собой политическое положение современного им мира. Говорили, напри-

* Следование совету Александра Невского: не брать рекрутов на Руси, а использовать трехсоттысячное войско в войне с иль-ханом Хулагу помогло хану Берке одержать победу в 1263—1264 годах в Азербайджане; Хулагу скончался от огорчения и болезни сердца в 1265 году.

мер, о том, как в прошлом году греки освободились от латинского господства, как никейский император Михаил VIII Палеолог завладел Константинополем, как восстановил государство отцов — такое же могущественное, как и в прошлом. Свою дочь Евфросинью император Михаил отдал замуж за хана Ногая из орды Берке.

Отношения между Большой Ордой, Византией и Русью будут улучшаться, объяснял Александр хану, к тому же Сарай стал теперь центром православия. А Большая Орда, развязав войну с Хулагу, вступила в союз с Сирией и Египтом. Теперь нужно наладить взаимовыгодную русско-татарскую торговлю с Египтом через Константинополь и проложить новый торговый путь в Средиземноморье.

Хану нравились эти беседы. Он оценил ум и широту политического кругозора князя Александра Ярославича. Но видел и другое: опасность Александра для Орды, а потому задержал князя у себя.

Наступила осень. Однажды — а был уже конец октября — в шатер великого князя вошел темник и сказал: «Великий хан Синего и Чистого Неба зовет тебя, Искандер, на пир».

— Хорошо, приду, — сумрачно отвечал князь.

Тяжелые предчувствия бередили его душу.

КТО УМИРАЕТ? СМЕРТЬ В ГОРОДЦЕ

Был конец октября 1263 года. Проливные дожди сменились снегопадом. Снег покрыл землю. Непролазная грязь на дорогах промерзла и образовала жесткую корку.

Из Сарая-Берке, что близ Волги, выехали на конях. Дорога шла по левому берегу Волги. Путь домой в седле был нелегким. Князю Александру было муторно на душе, несмотря на сознание добротно выполненной работы.

Двояростный гнев хана Берке удалось временно укротить: ценой унижений и за богатые подарки хан обещал не брать рекрутов на Руси и даже царев выход отдать на откуп великому князю Владимирскому в обход баскаков. Вспомнилась Александру и последняя на пиру золотая чаша с мастикой, услужливо преподнесенная беглярибеком. В ушах все еще звучали прощальные слова Берке-хана: «Искандер! Служи мне верно! Наш ты будешь, татарин! Великую власть от нас примешь на Руси. Ступай в Русь и помни: от нашей ханской грозы не уйдешь, не скроешься, как и от “Ясы” Чингисхана и заветов его. Я мог бы поднять на Русь сто тем воинов и уничтожить тебя и твою землю, ибо управляю мо-

гущественным народом, который собрали мой дед и его дети. Нынче я отпускаю тебя домой, так как милостив без меры и могущество мое беспредельно!»

На память хан Берке подарил князю Александру чудесный восточный шлем. Александр тяжело вздохнул. В теле ощущалась какая-то тяжесть, к горлу подступала тошнота, на губах держался металлический привкус. Сил становилось все меньше и меньше. Нельзя было больше сидеть в седле, и в Нижнем князь пересел с коня в повозку.

В Городце Радилове на мысу Волги начинались владения брата князя Андрея Ярославича. Александру видны были белые крепостные стены и башни, колокольня, деревья монастырского сада. Этот монастырь основал в 1164 году псковский князь Георгий Всеволодович в честь чуда Федоровской иконы Божьей Матери, которую нашли еще в начале XII века в деревянной церкви святого Феодора Стратилата близ города Кидекши.

Эта чудотворная икона охраняла Городец Радилов и всех его жителей, а также монастырь, прозванный Федоровским; в нем в 1177 году похоронили великого князя Владимирского Михаила Юрьевича, который отомстил убийцам своего брата великого князя Андрея Боголюбского.

У монастырских ворот повозку и конников встретил игумен Пафнутий. Он низко поклонился князю и бесконечно повторял: «Слава Господу, слава Господу, великого страдальца в мой монастырь приведшего!»

Рослые новгородские дружинники помогли князю выбраться из повозки, бережно поддерживая тело больного, не давая ему ступить, перенесли на руках в игуменский покой. А там уже было приготовлено ложе, покрытое мехами, с балдахином. Дружинники уложили князя.

— А ведь, поди, не чаял и живу быть, — промолвил князь и добавил: — Что, ребятки, поратоборствуем еще?

Бояре и дружинники не отозвались. Монахи столпились у двери.

Вдруг лицо князя дрогнуло, исказилось, лоб покрылся испариной. Живот обуяла страшная боль, такая, будто острые ножи пронзили все недра. Князь застонал, запрокинув голову, и забылся.

Немного спустя пришел монастырский служка и принес теплое питье и греческое снадобье. Князь выпил, принял порошок. Немного полегчало.

Приступил игумен Пафнутий и сказал:

— Знаешь ли, княже, притчу о сем месте святом? Расскажу тебе во спасение души.

Необычные у нас места: красивые, нетронутые. Однажды, во время Батыевщины, полк темника Шихача подступил к Малому Китежу, то есть к Городцу Радилову. Наш князь Михайло Ефимонтьевич выступил врагам навстречу, но был разбит и бежал за стены города. Татары после непродолжительного штурма (разбили стены пороками) взяли Малый Китеж и стали пытать местных жителей: где великий князь Георгий. Один из пленных русских дружинников, по имени Гришка Кутерьма, не выдержав пытки, показал татарам дорогу через чернораменские леса, дубравы и поля к граду Большому Китежу, что на реке Люнде, в ветлужских лесах. Сам хан Батый, говорят, повел свое войско. Вступив в неравный бой, великий князь Георгий был побежден и убит. Ему, мертвому, татары отрезали голову и бросили в лесу. На этом месте потом возник источник с целебной святой водой, а великий князь Георгий прослыл святым мучеником.

Тем временем хан Батый захотел войти в Большой Китеж, который был 200 саженей в длину и 150 в ширину. Но святой град исчез, стал невидимым, так как сошел с возвышенности прямо в озеро Светлояр.

Прошло 25 лет. Только праведники могут иногда слышать раздающийся из глубины вод колокольный звон. Они же могут видеть останки стен, купола церквей, тени крестов, крыши домов и горящие свечи. Говорят, что князь Георгий до своей гибели спрятал клад в одной из китежских церквей. Бусурманы и грешники не могут видеть Святой град, а видят только черный страшный лес в глубине вод. Праведники же могут увидеть Святой град и получить исцеления на берегу озера Светлояр. Оно недалече от нас. Воистину святость и свобода неразделимы. И праведная власть святорусская вечна, как вечен народ и его заступники и праведники.

— Благодарю тебя, отче. Воистину свята и беспредельна воля Божия. И все мы в руце Божией пребываем! — сказал князь Александр.

А князю становилось все хуже и хуже. Чувствуя приближение кончины, он призвал игумена и стал просить его о пострижении в иночество, в схиму великую, ибо, сказал, давно уже «страждет душа моя сподобиться ангельского чина».

Просьбу князя услышали бояре, дружинники и слуги, стоявшие у двери поодаль. Раздались плачи и причитания. Один из бояр выступил вперед и, прервав рыдания, заговорил: «Увы нам, драгий господине наш! Уже к тому не имамы видети красоты лица твоего, ни сладких твоих словес насладитися. Кому прибегнем и кто ны ущедрит? Не имут бо чада от родителя такого блага прияти, якоже мы от тебе

приимахом, сладчайший наю господине». Услышав это, князь заговорил о суетности жития земного и о взалкании вечной жизни. Он приказал всем удалиться и не смущать покоя души его.

Князь остался один в полной тишине наступившей ночи. Он стал вспоминать всю свою жизнь, осознавая правильность своего выбора земного. Кто умирает сорока трех лет от роду? Кто умирает: не червь, не гад, но Человек, Божье создание, но грешное, стремящееся приблизиться к Божественному по тридцати ступеням лествицы святого Иоанна Раифского своим служением Русской земле. Уходил тот, кто в пять лет получил княжеский постриг, в восемь стал наместником своего отца в Новгороде Великом, в тринадцать обрел боевое крещение, в шестнадцать стал князем-управителем, в двадцать лихим ударом смел с берегов Невы шведских рыцарей, а двумя годами позже наголову разгромил орденских рыцарей на льду Чудского озера, положив предел их агрессии на восток, в двадцать пять лет наказал дерзкую литву за набеги, в тридцать пять лет ходил на емь по трудному пути: был непобедим всегда как доблестный воин. Покидал мир тонкий дипломат, чьими партнерами в большой евразийской политике были ханы Батый, Сартак, Улагчи, Берке, князья Товтивил Полоцкий и Миндовг Литовский, великий хан Мункэ и василевс Михаил Палеолог, норвежский король Хакон и король Галицкий Даниил, римский папа Иннокентий IV. Заканчивал свой земной путь верный вассал Большой Орды, добившийся для русских людей права не проливать свою кровь в чужих землях. Уходил из жизни властитель, закрепивший за Владимиром место стольного града и церковного центра Руси. Тем самым Александр Невский воплотил в жизнь главную идею своего славного предка, великого князя Андрея Боголюбского, о сильной Русской державе, которая со временем превратится в могущественную Россию.

Предстает перед Царем Небесным на Божий суд великий князь Владимирский, князь новгородский, переяславский, киевский, прозванный «Храбрым» и «Невским», защитник Святой Софии — Премудрости Божией, покровитель церквей и монастырей.

Не напрасно он жил, если щедрость и благородство противопоставил стяжанию и сутяжничеству за столы княжеские. Не напрасно он жил, если душу свою положил за Русскую землю и за всех людей православных, если больше всего любил иерейский и мнишеский чин, митрополита чтил как отца, защищал сирот и вдовиц, давал милостыню нищим, судил-рядил по «Русской правде» Ярослава Мудрого.

Он при жизни достиг невидимого для других града Китежа, стал гражданином Небесного Иерусалима.

Кто умирает?.. Тот, кого Бог хранил. Теперь его терзает жестокий недуг. Его могучее тело, истомленное военными трудами, отказывается служить прежде всегда бодрому духу. Сколько храбрых пало на его глазах более чем в 20 битвах, в которых он участвовал? Сколько раз приходилось ему ездить в глухое царство татарское? Скольким опасностям он подвергался? Но Бог хранил его: отовсюду он выходил невредимым: мечи врагов и ножи убийц не причиняли ему вреда. Побеждая, он был непобедим!

И Господь не оставил угодника своего.

Александр Невский знал, что победил, хотя и надорвался от неимоверных трудов в сорок три года. И потому он был умиротворен, так как приготовился лицезреть светлый лик Господа нашего Отца, Творца неба и земли, вместе с Сыном и Святым Духом и Пресвятой Богородицей, и всем сонмом Его небесного воинства.

Начался обряд пострижения. К нему приступил игумен Пафнутий, кляцнул ножницами, состригая локон волос его. Князь Александр был пострижен в схиму великую с именем Алексия. На него возложили куколь и переодели его в иноческое одеяние. И отрекся от мира князь Александр, и стал отныне монах Алексий. После пострижения «нача изнемогати зело». Тогда призвал всех своих и начал прощаться с ними, прося у каждого прощения.

— Об одном скорблю, — тихо проговорил князь, — борозда моя на Русской земле не доралена. Раньше срока оставляю вам плуг свой тяжкий. Пусть мои потомки с помощью Божией воссоединят Русскую землю! Аминь.

После прикоснулся устами к чудотворной иконе, причастился Святых Тайн и тихо преставился. Это случилось под утро 14 ноября 1263 года, в день памяти святого апостола Филиппа Аравийского.

Новгородец так записал в своей летописи под 1263 годом: «Тако прослави Бог угодника своего, иже много трудися за Новгород и за Псков, и за всю землю Русскую живот свой отдавая».

Жизненный путь святого Александра Невского ясно свидетельствует о том, что защита Родины, ратоборский и дипломатический труд ради нее есть исполнение Божьей воли, угодной Господу во все времена. Так государственное служение Руси превратилось в путь коллективного спасения грешных душ наших. Поэт Аполлон Майков в своем стихотворении 1875 года «В Городце в 1263 году» так провидел далекое будущее как бы глазами самого Александра:

...Тихо лампада пред образом Спаса горит...
Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...
Тьма, что завеса, раздвинулась вдруг перед ним...
Видит он: облитый словно лучом золотым,
Берег Невы, где разил он врага...
Вдруг возникает там город... Народом кишат берега...
Флагами веют цветными кругом корабли...
Гром раздается: корабль показался вдали...
Правит им кормчий с открытым высоким челом...
Кормчего все называют царем...
Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздается, священные гимны поют...
Крышку открыли... Царь что-то толпе говорит...
Вот перед гробом земные поклоны творит...

ПОГРЕБЕНИЕ И ЧУДО С ДУХОВНОЙ ГРАМОТОЙ

Митрополит Киевский и Владимирский Кирилл служил обедню в Успенском соборе Владимира, когда вошедший в храм скоротеча сообщил о кончине Александра Невского в Городце. Митрополит вышел к народу и, подняв руки к небу, возгласил: «Чада мои! Разумейте, яко уже заиде солнце земли Суждальской! Уже бо не обрящется таковый князь ни един в земли Суждальстей!» И весь собор: бояре, иереи, дьяконы, черноризцы, миряне, нищие и богатые, воины и купцы, и все люди — ответили рыданиями, воплями и плачами. Были слышны слова: «Уже погибаем!»

Стоял сильный мороз. На дорогах установился крепкий снежный наст. Тело святого князя повезли из Городца через Стародуб ко Владимиру. Вдоль пути повсюду стояли люди и встречали тело любимого князя с воплями, плачем и причитаниями. Митрополит со всем причтом церковным, с горящими свечами и кадильницами вышел встречать тело святого князя к Боголюбову, где некогда великий князь Андрей Боголюбский построил чудный дворец, храмы и два монастыря — Боголюбов Рождество-Богородицкий и Спасский Златовратский — и наполнил их чудотворными иконами.

Когда показался великокняжеский стяг с образом Святого Спаса, который несли перед гробом дружинники, в народе поднялось большое волнение. Раздались такие крики и вопли, что казалось, будто земля разверзлась и началось землетрясение.

«О горе вам, бедные люди! — передавал впоследствии свои чувства от погребения князя один из его участников. — Как возможно понять кончину господина нашего! Как не

выпадут из глаз зеницы вместе со слезами! Как не разорвется в груди сердце от отчаяния! Отца ведь человек может оставить, а доброго господина никогда невозможно забыть: если бы я мог, то в гроб его влез бы и лег рядом с ним!»

Крики «Уже погибаем!» раздавались на улицах и площадях стольного града. Люди теснили друг друга, желая дотронуться до гроба. Наконец гроб внесли в храм.

Погребение состоялось 23 ноября во Владимире, в храме Рождества Пресвятой Богородицы — «Архимандритии великой». Рождественский Богородицкий мужской монастырь располагался в юго-восточной части Кремля, на возвышенном месте над Клязьмой. Он был основан великим князем Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо в 1191—1192 годах и считался первым в церковной иерархии. В нем с 1250 по 1274 год жил митрополит Кирилл, управлявший митрополией и владимирской епархией.

На панихиде митрополит сперва прочел отходную молитву, а потом — духовную грамоту.

Затем зазвучали псалмы и рыдания народа заглушили погребальное пение. Сами певцы на клиросах едва могли петь: их пение прерывалось рыданиями. Митрополит с трудом совершал погребальный чин. Наконец пришло время главного действия.

Автор Жития святого Александра Невского повествует со слов очевидцев о том, что, когда митрополит и митрополичий эконом Севастьян подошли к находящейся в центре храма гробнице, чтобы вложить в руку усопшего духовную грамоту, рука святого князя согнулась, затем распростерлась и взяла грамоту, после чего снова сжалась.

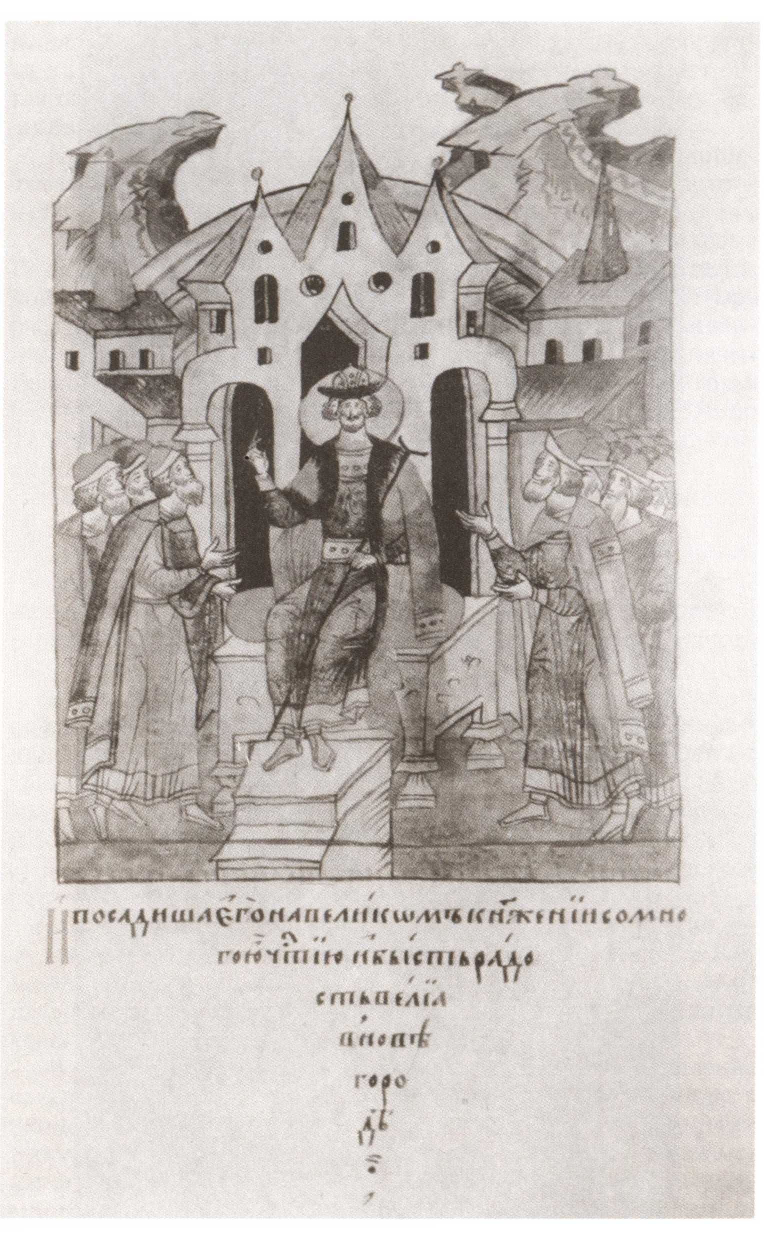
Присутствующих в храме объял ужас. Все оцепенели и едва смогли отойти от раки страстотерпца.

«Се же бысть слышано всем, — пишет автор Жития, — от господина митрополита и от эконома его Севастьяна. Кто не удивится о сем, яко телу бездушну сущю и привезену от дальних мест в зимнее время! Так Бог прослави угодника своего».

В чуде с духовной грамотой увидели явное проявление святости Невского героя. Позднее митрополит Кирилл и эконом Севастьян заказали некоему монастырскому книжнику написать Житие святого Александра Невского для местного почитания князя, ибо святость его, впоследствии многократно подтвержденная нетлением тела и чудесами от мощей, — есть освидетельствование о Христе, прославляющем Бога Творца со Святым Духом в жизни и смерти, в телах и душах во имя спасения.

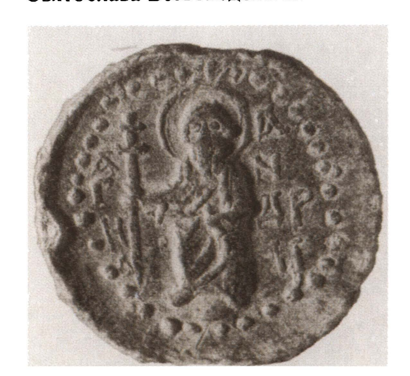
Александр Невский. *П. А. Корин. Центральная часть триптиха «Александр Невский». 1942 г.*

Князь Александр Невский на новгородском престоле.
Миниатюра Лицевого летописного свода.

Успенский собор во Владимире. *Современный вид.*

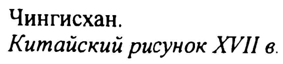
Печать князя
Святослава Всеволодовича.

Печати князя
Александра Ярославича. *Прорись.*

Чингисхан.
Китайский рисунок XVII в.

Батый.
Китайский рисунок XVII в.

Угон полона в Орду. *Миниатюра из венгерской хроники. 1488 г.*

Изображение древней поясной иконы святого и благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. *(С иконы «Александр Невский в житии» начала XVII в. из Покровского собора на Красной площади.)*

Церковь Архангела Михаила в Смоленске. *Конец XII в. Реконструкция С. С. Подъяпольского.*

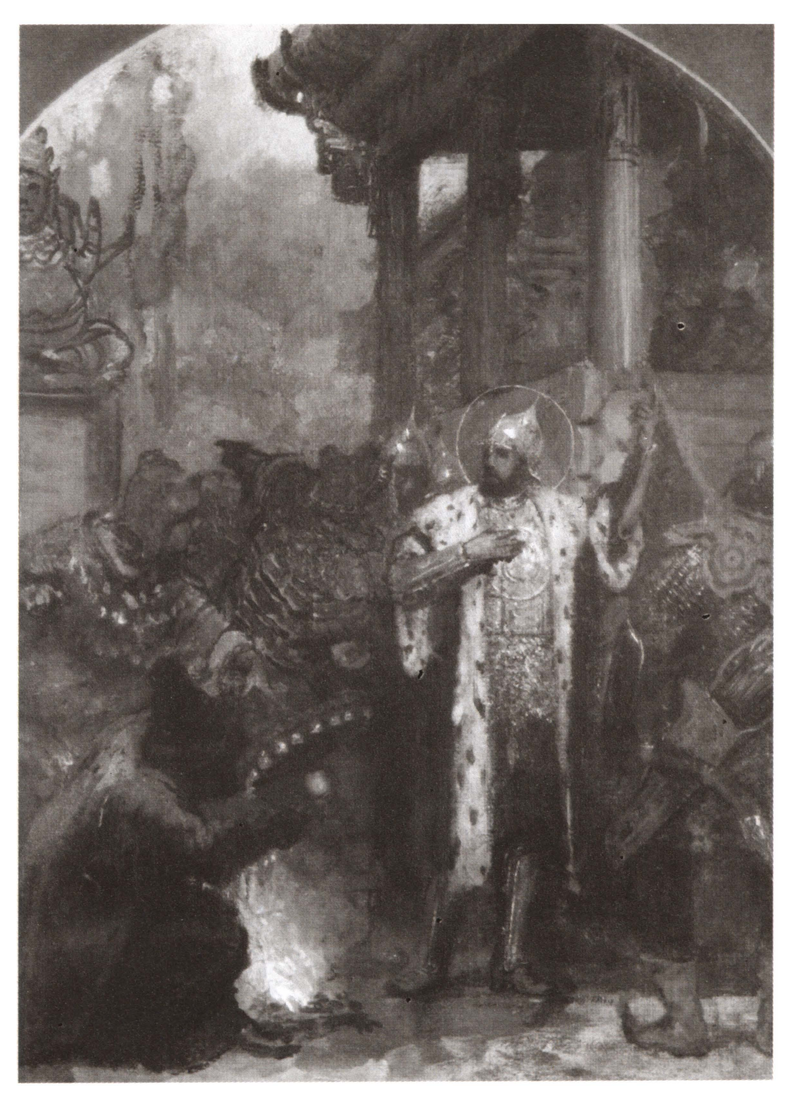

Ярославль. Спасо-Преображенский собор (1216—1224) и церковь Входа Господня в Иерусалим (1218—1221). *Реконструкция Е. Ю. Алексеевой, П. Л. Зыкова, О. М. Иоаннисяна.*

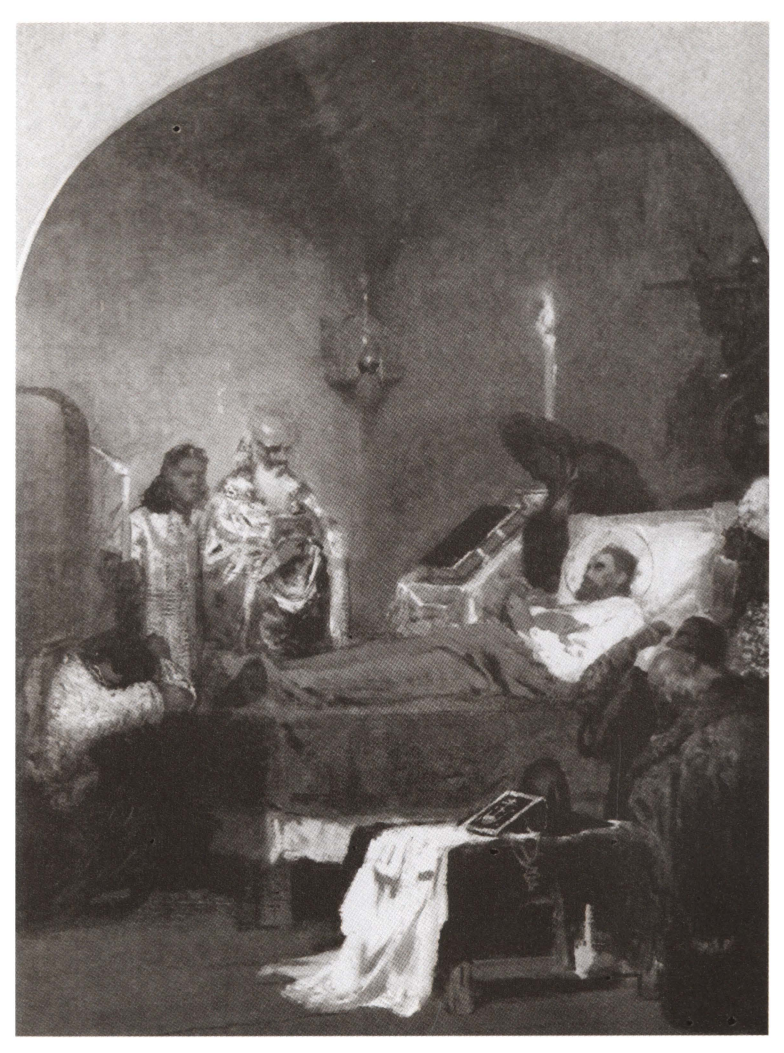
Святой Александр Невский принимает папских легатов.
Г И. Семирадский. Эскиз росписи храма Христа Спасителя в Москве. 1876 г.

Святой Александр Невский в Орде. *Г И. Семирадский. Эскиз росписи храма Христа Спасителя в Москве. 1876 г.*

Въезд Александра Невского во Псков после Ледового побоища.
В. А. Серов.

Кончина святого Александра Невского. *Г И. Семирадский. Эскиз росписи храма Христа Спасителя в Москве. 1876 г.*

Памятник Александру Невскому в Городце.

Федоровский Городецкий монастырь. *Со старинной гравюры.*

Святой и благоверный великий князь Александр Невский, в иночестве Алексий. *Икона конца XVI в. из Костромского историко-художественного музея-заповедника.*

Начало Жития Александра Невского в рукописи конца XVI — начала XVII в.

Александр Невский в житии. *Икона начала XVII в. из Покровского собора (храма Василия Блаженного) на Красной площади в Москве.*

Князь Даниил Александрович Московский. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

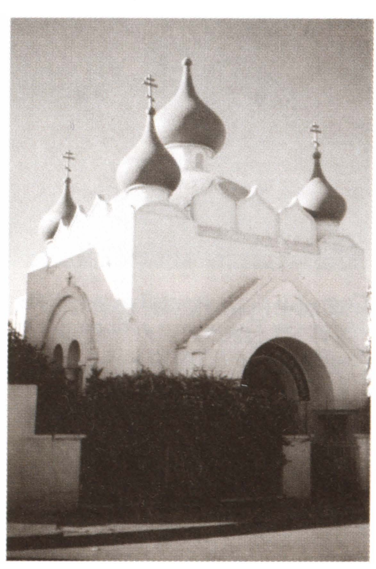
Великий князь Дмитрий Иванович Донской. *Портрет из «Титулярника» 1672 г.*

Храм Святого Александра Невского в Софии.

Храм Святого Александра Невского в Бизерте (Тунис). *Фото С. Власова.*

Святой и благоверный великий князь Александр Ярославич Невский.
Икона из Троицкого собора Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ДАНИИЛ ГАЛИЦКИЙ

В следующем, 1264 году* ушел из жизни король Галицко-Волынской державы Даниил Романович, дальний родственник Невского героя, тоже Рюрикович (он происходил из рода Волынских Мономашичей).

В тот жестокий век князь Александр был не единственным мужем, который «положил свою голову за други своя». И Роман Мстиславич Галицкий, и его сыновья Василько и Даниил тоже были доблестными воинами, защитниками Русской земли. Великого князя Романа Мстиславича вспоминали как «недавнего самодержца всея Руси, превзошедшего все языческие народы умом-мудростью, соблюдавшего все заповеди Божии, устремлявшегося на поганых, как лев, свирепого, как рысь, нападавшего, как крокодил, проходившего сквозь землю их, как орел, храброго же, как тур. Ведь подражал он деду своему Мономаху, победившему поганых измаильтян, называемых половцами» (так говорится в Галицко-Волынской летописи под 1201 годом). Таким же доблестным воином был и отец Александра Невского Ярослав, не знавший устали в непрерывных сражениях.

Когда князь Роман погиб в сражении с поляками при Завихвосте (1202), для Даниила и Василька и их матери княгини Анны наступили тяжелые времена. После короткого вокняжения в Галиче семейство было изгнано боярами и скиталось то в Польше, то в Венгрии.

Даниил на всю жизнь запомнил совет сотского Микулы, который так говорил о властолюбивых галицких боярах: «Не передавив пчел, меду не есть!» Этому совету Даниил следовал во внутренней политике, жестоко расправляясь с местным боярством. У князя Александра все было по-другому: бояре Северо-Восточной Руси безоговорочно поддерживали своих князей; исключение составляли новгородские бояре — хозяева вечевой республики. Но и они впоследствии узнали тяжелую руку Александрову.

Народ, возмущенный польско-венгерским игом, призвал на княжение в Галич торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удалого (1218). У него были две дочери — Ростислава и Анна. Одна из них вышла замуж за Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, другая — за Даниила Галицкого.

---

* Польский хронист Ян Длугош указывает на 1266 год как на год смерти великого князя Даниила Романовича, однако других подтверждений этой даты не имеется.

Детство и юность князя Александра не были столь бурными, как у Даниила. Ему не приходилось пользоваться услугами иноземных войск, чтобы утвердиться на княжеском столе. Он постоянно находился под опекой отца — князя Ярослава, хотя первый воинский подвиг совершил в тринадцатилетнем возрасте, в то время как князю Даниилу первое испытание выпало в двадцать два года. Даниил «мужествовал с татарами крепко», когда князь великий Галицкий Мстислав Мстиславович Удалой послал его с полками за Калку (1223). Даниил получил тяжелую рану в грудь, но в пылу битвы не ощутил ее. След от раны татарской саблей остался у него на всю жизнь. О ранах, полученных в битвах князем Александром Невским, источники не сообщают, но и его крепкие рати на Амовже, Неве и льду Чудского озера помнит вечно вся Россия.

Только к 1238 году князю Даниилу удалось окончательно воссоединить Галицию и Волынь под своей властью. А в 1239 году в соперничестве с отцом князя Александра Ярославом удалось захватить и Киев, «матерь городов русских». Однако уже вскоре 6 декабря 1240 года Киев был взят, разграблен и сожжен полчищами Бату-хана. Даниил уехал в Польшу, а оборону города взял на себя его воевода Дмитр Ейкович. Ему и пришлось испить горькую чашу. Как только татаро-монголы ушли, Даниил вернулся и сделал своей столицей новопостроенный Холм, который очень любил. Он достойно украсил его и перевел сюда православного епископа из города Угровска. Даниил, как великий князь Ярослав в 1238 году и как великий князь Александр в 1252 году, сделал все возможное, чтобы восстановить свое разоренное княжество, наполнив его людьми. Даниил приглашал к себе не только русских, но и ляхов, немцев, венгров. Он построил более 70 городов, в том числе красавец Львов, названный так в честь его сына князя Льва Даниловича. Князю Александру было в этом отношении чуть проще: его Новгородская земля не пострадала. Во Владимиро-Суздальскую же и Переяславскую земли, пострадавшие от нашествия Неврюева, князь Александр пригласил две тысячи семейств из Южной Руси, отстроил города и веси.

Даниил понимал, что для укрепления политической власти надо укрепить власть церковную и сделать последнюю своей опорой. Поэтому с согласия собора южнорусских епископов он поставил на Киевский митрополичий стол своего бывшего печатника Кирилла (это произошло в 1243 году).

Разными оказались взгляды Даниила и Александра на пути противодействия татарскому игу. Для князя Александра

союз с Западом был неприемлем. А князь Даниил еще в 1245 году послал во Францию, в Лион, на вселенский собор епископа Волынского Петра Акеровича. Последний призывал римского папу Иннокентия IV и европейских государей организовать крестовый поход против татаро-монголов. В том же году, 17 августа великий князь Галицко-Волынской державы одержал решительную победу под городом Ярославом на реке Сан над объединенным войском венгров, поляков, галицких бояр и черниговского князя Ростислава Михайловича. Для князя Александра это было время восстановления сил после отражения крестовых походов шведских и немецких рыцарей; уния Восточной и Западной церквей была совершенно невозможной для Невского героя. Он делал ставку на союз с Востоком.

Князь Даниил был вынужден также заниматься восточной дипломатией, поскольку понимал, что разрозненные и разоренные русские княжества не в состоянии сопротивляться восточным завоевателям. В 1246 году, еще прежде Александра, он был вызван в Орду, к Батыю, и там после унизительных процедур поклонения хану получил ярлык на великое княжение Галицко-Волынское. Князь Александр получил подобный ярлык через два года. Оба князя проявили себя умелыми дипломатами, отдающими себе отчет в тех изменениях, которые произошли в мире. Чего нельзя сказать о великом князе Михаиле Черниговском, который отказался поклонится хану и был замучен в Орде.

В том же 1246 году в городе Никее, где жил Константинопольский патриарх Мануил, был утвержден на Киевской митрополии митрополит Кирилл. Вскоре, однако, он переехал в Северо-Восточную Русь. Можно предполагать, что этому переезду предшествовала договоренность двух князей — Даниила и Александра — об усилении митрополичьей кафедры во Владимире-на-Клязьме. Так сподвижник Даниила Галицкого стал другом и сподвижником Александра Невского. В 1250 году Кирилл едет из разоренного Киева в Чернигов, оттуда в Рязань и, наконец, во Владимир. Там его встретил великий князь Владимирский Андрей Ярославич, чей брак с дочерью князя Даниила Доброславой и должен был освятить митрополит. С Александром Невским Кирилл встретился в 1251 году в Новгороде. Неприятие Запада и отстаивание веры православной от посягательств Рима сблизили Александра и Кирилла. Даниил же был не прочь получить помощь Рима и европейских государей. В 1255 году в Дрогичине папский легат Ониза увенчал Даниила королевской короной, присланной от папы Александра IV.

Между тем татарская угроза не ослабевала. Завидуя процветанию земли Галицко-Волынской, хан Батый в 1252 году послал 60-тысячное войско темника Курумши, известного в русских источниках как Куремса, с целью разорить и запугать Галичину и Волынь. Татарский клич «Дай Галич!» испугал бы кого угодно, только не Даниила. Татары ворвались в галицкое Понизье, союзная Куремсе суздальская рать пробилась в Галич. Но князь отбил татарский приступ, освободил Галич и вступил в Киевскую землю, временно занятую татарами. По соглашению с литовским князем Миндовгом Даниил даже получил литовскую рать в подмогу. Но галичане рассорились с Миндовгом из-за добычи, и поход не состоялся. Волынский летописец не без гордости писал тогда, что князь Даниил «николи же не бояся Куремсы», что он укреплял города — «грады зиждай противу татар». Но Куремса был самым младшим из татарских военачальников, а дело защиты и противостояния Руси татарщине — и последующие события доказали это — должна была решать не столько храбрость, сколько дипломатия. К ней охотно прибегали и Александр, и Даниил. Недаром летописец называет князя Даниила мудрым, подобно царю Соломону. Автор Жития святого Александра Невского также сравнивал князя Александра с премудрым Соломоном.

В том же 1252 году бывший сподвижник Даниила Галицкого Кирилл встречал князя Александра во Владимире у Золотых ворот, когда тот вернулся из Орды с ярлыком на великое княжение. Он преподал ему поучение о мире и посадил с честью на великий стол. Союз «священства» и «царства» стал нерушимым и, пройдя проверку временем, возродился в конце XV—XVI веках в доктрине преподобного Иосифа Волоцкого. Православное царство стоит на благочестии и на силе воинской.

«Гроза и правда» были главными принципами правления обоих государей. Оба сочетали дела ратные с государственным строительством. И оба были вынуждены признать в конце концов верховное владычество ордынских ханов: Александр Невский в 1247—1248 годах, Даниил Галицкий в 1259 году.

Самый характер государственного строительства в Юго-Западной и Северо-Восточной Руси был разным. Даниил Галицкий уповал на взаимовыгодную торговлю и культурный обмен с соседями: Венгрией, Литвой, Польшей, Тевтонским орденом, а также с Австрией, Болгарией, Византией, Священной Римской империей и Чехией. Связи с этими странами он всемерно укреплял с помощью династических браков. Например, его сын Шварн женился на дочери вели-

кого князя Литовского Миндовга. В вопросах веры князь Даниил был терпим и не противопоставлял православие католицизму, считал возможной унию двух христианских церквей. Подобные идеи создания униатской церкви возродились на Украине в XVI веке и в итоге привели к расколу Православной Церкви.

Александр Невский придерживался другой, православной точки зрения, считая Православную Церковь единственно возможной для великороссов. Он был сторонником самобытного национального развития Руси без участия Запада и Рима. Такая позиция оказалась судьбоносной для последующего развития Владимиро-Суздальского и Московского княжеств и всей последующей русской цивилизации. Она предопределила и отношение к киевскому наследию. Глубоко и искренне верующий человек Александр Невский в последние годы своей жизни был занят решением нелегких вопросов умиротворения ханов и смягчения ига. Это ему удалось. Последний духовный подвиг стоил ему жизни. По словам автора Жития Александра Невского, «на таковыя Бог призирает: Бог бо не аггелом любит, но человеком си щедря ущедряет и показает на мире милость свою. Распространи же Бог землю его богатьством и славою, и удолъжи Бог лет ему». Неудивительно, что Господь удостоил князя Александра святости и почтил его в сонме подвижников Святой Руси. А потомство Александра Невского благословил на создание сильного Московского царства. Идеи святого князя живы и сегодня, спустя 750 лет.

Галицко-Волынская же держава просуществовала после смерти короля Даниила недолго, всего 76 лет.

Ее история полна смут, усобиц, войн. После смерти Даниила вспыхнула война с польским королем Болеславом. Потомки Даниила постоянно находились в распрях, бояре потеряли прежнее значение, горожане не обладали патриотизмом и были бесправны, селяне не были благополучны. После смерти последнего герцога Малой Руси (1340), Юрия II Болеслава, праправнука Даниила Галицкого страну захватили и разделили между собой Литва, Польша и Венгрия. Со смертью Юрия II закончились претензии Даниловичей на обладание Русской землей, и центр восточного славянства окончательно переместился на Северо-Восток, в Москву.

Так Владимир-на-Клязьме и Москва выиграли у Холма, Львова, Галича и Владимира-Волынского церковно-политическое состязание за обладание киевским наследством. Цивилизационная формула оказалась здесь такой: Киевская Русь — Владимиро-Суздальская Русь — Московское княжество и царство — Российская империя.

На Украине же переходная формула материализовалась в иной цивилизационный код, а именно: Киевская Русь — Галицко-Волынская Русь — Литовско-Русская держава — казацкое украинское сообщество.

При оценке политической эффективности двух выборов политики удачной нам представляется суждение историка Г. А. Артамонова. Вот что он пишет: «В научной литературе при сравнении политических программ “возрождения отечества” Даниила Галицкого и Александра Невского обычно делаются выводы об их несовместимости, диаметральной противоположности: если Даниил делал ставку на союз с католическими государствами, то Александр — на союз с Ордой. История подтверждает правильность выбора владимирского князя. Но если задаться вопросом, а была ли альтернатива у Даниила, то становится очевидным, что выбирать галицкому князю не приходилось: в отличие от земель Владимиро-Суздальской Руси, Галичина и Волынь на всем протяжении юго-западной, западной и северо-западной границы находилась в окружении враждебных католических государств. Поэтому и отношение к Западу здесь было объективно иным, чем на северо-востоке. С другими внешнеполитическими реальностями приходилось считаться князьям юго-западных территорий.

Что касается политики Александра Невского, то необходимо помнить, что не о союзе с Ордой помышлял он — о мире, мире даже такой тяжелой ценой, как иго, но во имя будущих генеральных сражений с поработителями. Именно в этом направлении совместно действовали владимирский князь Александр и киевский митрополит Кирилл III»*.

Пройдет 75 лет, и *Восточный Выбор* Александра Невского станет понятен Ивану Калите и его потомкам. Это-то понимание и приведет Русь на поле Куликово.

НАСЛЕДНИКИ АЛЕКСАНДРОВЫ: ОТ СЫНОВЕЙ ДО ПРАВНУКОВ

У великого князя Александра было четыре сына и одна дочь. Старший сын — Василий Александрович (1240—1271), от первого брака с княгиней Александрой Брячиславной. С 1252 по 1258 год — князь-наместник новгородский, с 1259 по 1271 год — князь Переяславский. В 1253 году вместе с новгородцами он ходил в поход против литовцев и немцев.

---

* *Артамонов Г. А.* Митрополит Киевский Кирилл // Великие духовные пастыри России / Под ред. проф. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 126.

Второй сын — Димитрий Александрович (1253—1294), от второго брака с княгиней Дарьей Изяславной. Князь Переяславский с 1253 по 1294 год, князь Новгородский с 1259 по 1263 год и в 1276—1283 годах, великий князь Владимирский в 1277—1281 и 1283—1294 годах. Был отцом последнего переяславского удельного князя Ивана, который умер в 1302 году, и двух дочерей.

Третий сын — Андрей Александрович (1255—1304), от второго брака. Удельный князь Городецкий с 1263 по 1304 год, удельный князь Костромской с 1276 по 1304 год, великий князь Владимирский в 1281—1283 и 1294—1304 годах. Отец Бориса, удельного князя Костромского, и Михаила, удельного князя Городецкого.

Четвертый сын — святой Даниил Александрович (1261—1304), от второго брака. Родоначальник династии Московских князей.

Дочь — Евдокия (годы жизни неизвестны), от первого брака. В браке с 1262 года с князем Константином-Августом Товтиviловичем Витебским, участником похода на Юрьев в 1262 году. После смерти Товтивила (1263) князь литовский Тренята потребовал выдачи Константина-Августа, но тот ушел с женой и двумя детьми, Юрием и Федором, в Новгород. Князь Ярослав Ярославич послал его княжить во Псков, и Константин погиб в междоусобицах. О судьбе княгини Евдокии ничего неизвестно.

После смерти Александра Невского великокняжеский престол унаследовал его брат Ярослав-Афанасий Ярославич (1247—1272). Он стал родоначальником династии Тверских великих князей. После него великим князем Владимирским стал Василий Ярославич Костромской (1236—1276), и только затем настал черед их племянников, сыновей Александра Невского.

Князья Димитрий и Андрей мало чем походили на отца. Они ожесточенно боролись друг с другом за великий стол, не брезгуя никакими средствами.

Впрочем князь Димитрий начал свою политическую и военную карьеру в лучших традициях Александра Невского. В 1268 году, всего пять лет спустя после кончины Невского героя, датские и ливонские рыцари начали тревожить новгородские пределы близ реки Наровы. Там находился датский каменный замок Везенберг (или Раковер, Раквере). Новгородское вече решило дать отпор крестоносцам. Оно послало за военной помощью к сыну Александра Невского Димитрию в Переяславль. Тот сразу же откликнулся на просьбу вольного города и прискакал с княжеской дружи-

ной на берега Волхова. Свои полки прислали Псков и Тверь. Псковскую дружину возглавил воевода-литовец святой князь Довмонт-Тимофей, сын Трабуса. История сохранила до наших дней его слова, обращенные к псковским ратникам: «Слышал я о мужестве вашем в Ледовом побоище против немцев. Потягнем, братия, за Святую Троицу и за свое отечество!»

Сражение произошло 18 февраля 1268 года на поле за рекой Кеголой. Ливонских рыцарей возглавляли магистр Отто фон Роденштейн и епископ Дерптский Александр. Орденское войско построилось «свиньею», а русская рать — в линию, поэшелонно. На правом крыле встал с псковичами князь Довмонт, за ним — конный полк князя Димитрия и полк князя Святослава. На левом крыле разместилась дружина тверичей во главе с князем Святославом. В центре боевого порядка встало пешее новгородское ополчение, а за ним находился обоз. «Свинья» с ходу врезалась в новгородское ополчение, и ее клин увяз в обозе из-за «злой сечи» с новгородцами. В битве пал смертью храбрых посадник Михаил. Тут по рыхлому клину мужественно ударили псковичи и конница князя Димитрия, которому еще не исполнилось 15 лет. «Ни отцы наши, ни деды не видали такой жестокой сечи», — записал летописец. Жестокость боя превосходила Ледовое побоище. Крестоносцы были разгромлены на льду реки Кеголы. Рыцари проваливались в полыньи. Конница князя Димитрия и новгородцы гнали рыцарей и кнехтов до Раковорского замка. Ливонские летописцы пишут, что в битве погибло 1350 рыцарей и Дерптский епископ. А кнехтов убивали без числа. Правда, и у союзников были большие потери: в сражении погибло 5 тысяч воинов. Магистр вынужден был отступить от Раковора. Он собрал еще большее войско: до 18 тысяч воинов, и с ними отправился в новый поход. Немцы сожгли Изборск, осадили Псков. Мужественный князь Довмонт десять дней сражался с немцами под стенами Пскова, ранил магистра, а подоспевшее новгородское войско во главе с князем Юрием Андреевичем помогло прогнать рыцарей за реку Великую. Победа над немцами была полной.

Впоследствии князь Довмонт, подражая Александру Невскому, стал доблестным защитником Пскова. Он был псковским князем с 1265 по 1299 год (скончался 19 сентября 1299 года), а также князем полоцким с 1281 по 1299 год и даже в год кончины выиграл очередную битву с немцами. Он построил Довмонтову стену и оставил потомкам знаменитый Довмонтов меч. Довмонт был женат вторым браком на до-

чери князя Димитрия Александровича Марии; княгиня Мария пережила мужа всего на один год. Русская Православная Церковь причислила князя Довмонта-Тимофея к лику святых за его беспримерную воинскую доблесть и благочестивую жизнь христианина. Сохранилось его церковное Житие в нескольких редакциях, написанное в подражание Житию святого Александра Невского.

Братья же Димитрий и Андрей Александровичи с ожесточением боролись за власть над Русью. Они ненавидели друг друга и не берегли людей русских, часто приводили на Русскую землю татарские рати. Восточная политика отца в их понимании превратилась в нечто совершенно противное духу Александра Невского: братья использовали татар в своих корыстных целях, их интересовали только личная власть и богатства. Служения людям и Руси у них не было.

Разногласия великого князя Димитрия с Большой Ордой начались с того времени, когда Димитрий отказался признать за ханом Мангу-Темиром право собирать рекрутов на Руси. В то время, когда часть русских князей — Глеб Василькович, Константин Борисович, Федор Ярославский и Андрей Городецкий — помогли татарам разбить войска аланов и овладеть городом Дадаковым (1278), великий князь Димитрий остался не у дел. Он не поехал в Орду поклониться новому хану Туда-Менгу (1280), и хан отдал ярлык на великое княжение Андрею Городецкому (1281).

По наущению своего советника боярина Семена Тонигглиевича (родом из половцев) князь Андрей выпросил у хана татарское войско во главе с воеводами Тука-Темиром и Алыном. В Муроме к нему присоединились войска удельных князей. Они опустошили Ростовскую землю и заставили Димитрия Александровича бежать вначале в Переяславль, потом в Новгород, а оттуда «за море» в Швецию. Татары разорили и пожгли города Тверь, Юрьев, Ростов, Муром, окрестности Владимира и Суздаля. В благодарность за помощь великий князь Андрей устроил татарским вельможам роскошный пир во Владимире, угостив их на славу. В следующем году великий князь Андрей снова поехал в Орду и убедил хана еще раз наказать строптивого князя Димитрия. Хан согласился и послал новое войско во главе с воеводами Кавадыем и Алчедаем, которые обрушились на Ростовское княжество. Татары жгли и грабили селения, монастыри, церкви, не щадя никого и ничего. Народ разбежался и спасался в лесах. Переяславль хотел обороняться, но был взят и сожжен, а его жители убиты. По словам «Ростовского летописца» А. Я. Артынова, «от этого разбойничьего погрома

уцелели только приданые отчины княгини Андрея Городецкого Василисы, дочери князя Романа Андреича Углицкого. В этих отчинах князь Андрей с татарами пировал за победу над христианы». Это была татарская месть за восстание ростовцев в 1275 году. Тогда, по словам того же летописца, «ростовцы собрали вече и изгнали из города злых бессермен, из-за которых было лютое томление и насилие христианам от поганых татар и многие души были разведены бессерменами. Князь Глеб ходил в Орду и едва великими дарами мог утишить гнев ханский». Этот князь Глеб Василькович Белозерский, а потом и Ростовский, женатый на татарке Газели-Феодоре, ревностно служил мечом своим татарам и умер 13 ноября 1278 года в Ростове. Он заслужил народную нелюбовь. Ростовцы даже однажды разрыли его могилу и надругались над его прахом. Это случилось 14 февраля 1279 года.

Не любил народ также и князя Андрея Городецкого. В 1282 году тот снова навел татар на Русскую землю. Вместе с отрядами тверского и московского князей и с новгородцами татары громили Владимиро-Суздальскую землю. В 1283 году братья примирились, и младший якобы отказался от великого княжения. Однако князю Димитрию этого показалось мало, и он поехал жаловаться на Андрея к хану Ногайской Орды Ногаю. Тот был сыном Тотара, внуком седьмого сына Боала, а значит, Чингизидом, и в то время его власть превышала власть хана Большой Орды. Димитрий возвратился от него с ярлыком на великое княжение Владимирское и уже до конца своей жизни не терял его. В 1285 году князь Андрей снова навел на брата татарское войско одного ордынского царевича, но был разбит великим князем Димитрием. В 1293 году князь Андрей еще раз навел татар на Русскую землю. На этот раз пришло большое войско во главе с братом хана Тохты, царевичем Туданом («Дюденева рать»). Казалось, будто на Русь вернулись времена Батыя. Цветущие города Владимир, Москва, Дмитров, Волок лежали в развалинах. Тверь громил другой татарский царевич — Тахтамир. Были сожжены села и деревни. Жители убиты или уведены в ордынский плен. Новгородцы откупились дарами. Ужас царил повсюду, и только дремучие леса спасли часть населения. В 1294 году братья наконец помирились. Но Димитрий, изнуренный горем и болезнями, умер на пути близ города Волока, и великокняжеский престол достался властолюбивому Андрею по праву старшинства.

История не сохранила отчетов о его последующих деяниях, за исключением, пожалуй, одного. Речь идет об отражении агрессии шведских крестоносцев в 1295—1301 годах.

Стремясь подчинить себе карелов, рыцари построили в Новгородской земле две крепости — Выборг и Кексгольм. В 1300 году сильный шведский флот, состоящий из 111 больших кораблей с войском, вошел в Неву. Сам правитель Шведского королевства маршал Торкель Кнутсон предводительствовал им. Рыцари высадились в устье реки Охты и у впадения ее в Неву построили крепость Ландскрону, или, по-русски, «Венец земли». Затем они отплыли, оставив в крепости гарнизон во главе со Стеном. Великого князя Андрея тогда не было в Новгороде. Уступая многократным просьбам новгородцев, великий князь только весной 1301 года пришел с суздальскими полками и осадил крепость. 18 мая 1301 года Ландскрона была взята и срыта до основания. 300 королевских воинов попали в плен. За этот успех русские летописцы прозвали великого князя «Невским». Эта победа была, пожалуй, единственным достохвальным событием в жизни сына Невского героя. Он скончался 27 июля 1304 года в том же городе, что и его отец, — Городце Радилове на Волге.

Историк Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» так написал о князе Андрее Городецком: «Никто из князей Мономахова рода не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родителя».

Полной противоположностью старшим братьям был младший сын Александра Невского Даниил. Ярко и накрепко вошел он в историю России как сын святого, сам святой, как родоначальник Московских великих князей, как первый князь московский (с 1276 года).

Если основателем Москвы по праву считается прадед Александра Невского великий князь Юрий I Долгорукий, то возведением Москвы в ранг столицы княжества мы обязаны младшему сыну Александра Невского. Именно им была заложена основа могущества Москвы, а в дальнейшем — Московского великого княжества, царства и Российской империи. Казалось бы, в жизни он не сделал ничего особенного. До 1272 года находился под опекой великого князя Ярослава Ярославича Тверского, а потом — под опекой своего брата великого князя Димитрия, от которого получил в удельное владение Московское княжество. В 1282—1283 годах он вместе с князьями Андреем Городецким и Святославом Тверским действует против князя Димитрия, но когда Андрей Городецкий занял великокняжеский стол, князь Даниил выступил против великого князя, заключив союз с племянником князем Иваном Переяславским и с двоюродным братом князем Михаилом Ярославичем Тверским. В середи-

не 1290-х годов складывается союз трех княжеств — Московского, Тверского и Переяславского — против Андрея Городецкого, который стремился уничтожить всех удельных князей как своих конкурентов в борьбе за власть над Русью. Действуя умело, Даниил присоединяет к Москве Коломну (1300), а в 1302 году, после смерти бездетного переяславского князя Ивана Дмитриевича, — Переяславское княжество. Плодородные переяславские ополья, бортные леса, соляные варницы, рыбные тони на Плещеевом озере значительно обогатили московского князя. «Примыслы» младшего сына увеличили территорию Московского княжества в три раза. Потом по такому же пути пойдет сын святого Даниила Иван. Человеколюбивый и образованный, кроткий и добрый, Даниил ненавидел войны как средства разрешения межкняжеских конфликтов. Он не стремился к высшей власти и умел довольствоваться малым. Святой Даниил унаследовал от своего отца прекрасную душу. При необходимости он проявлял храбрость и мужество в сражениях, например, с татарами в 1301 году при пленении князя Константина Романовича Рязанского. Но он предпочитал мир войне и стремился к духовно-культурному созиданию Руси. Даниил понимал выгоды положения Москвы и умело использовал их. Центр политической жизни страны постепенно перемещался с берегов Клязьмы на берега Москвы-реки. Так святой Даниил воплотил в жизнь мечту святого Александра Невского о создании объединительного центра всех русских земель. Только этим центром стала Москва, а не Владимир.

Умер святой князь Даниил Александрович 4 марта 1303 года, приняв перед смертью схиму. Согласно преданию, записанному в его Житии, могила князя находилась в Даниловом монастыре, им же основанном. Там и нашли его святые мощи в 1652 году. С тех пор Свято-Данилов монастырь стал высокочтимой обителью для всех русских людей. Сюда по великим праздникам ходили крестным ходом из Кремля. Позже Свято-Данилов монастырь стал всероссийским некрополем, а с 1988 года — духовно-административным центром Русской Православной Церкви.

У князя Александра Невского было 10 внуков: Иван Переяславский (1275—1302) — сын Димитрия; Борис Костромской (ум. 1303) и Михаил Городецкий (ум. ок. 1311) — оба от Андрея; великий князь Владимирский и князь Московский Юрий III (1281—1325), великий князь Владимирский и Московский Иван I Калита (1287—1340), удельные князья Александр (1303—1308), Борис (1304—1320), Афанасий (1305—ок. 1320) — от Даниила; а также Андрей и Семен,

сведения о которых не сохранились. Внучка Александра княгиня Мария Димитриевна, как уже отмечалось, была замужем за князем Довмонтом Псковским (ум. 1300).

Самые знаменитые из внуков Александра Невского — Юрий III и Иван I Калита. Оба вели бескомпромиссную борьбу за Владимирский великокняжеский стол с тверскими великими князьями, потомками великого князя Ярослава Ярославича, брата Александра Невского. Именно по оговору Юрия Даниловича был убит в Орде великий князь Тверской Михаил Ярославич (1318), позднее причтенный Русской Православной Церковью к лику святых. Сын его, великий князь Димитрий Михайлович Грозные Очи, отомстил за смерть отца и убил Юрия по дороге в Сарай (1325). Перелом в отношениях между Москвой и Тверью наступил при Иване Калите, когда после восстания в Твери (1327) московская рать вместе с татарским войском разорила великое княжество Тверское. Иван Калита получил от хана ярлык на великое княжение Владимирское (1328) и с тех пор не выпускал из своих рук высшую власть. Решение золотоордынского хана Узбека имело тяжелое последствие для Руси. Отныне размеры царского выхода увеличивались, и платить эту главную дань должен был отныне только старший среди всех удельных князей — великий князь Владимирский и Московский. Последний возложил основную тяжесть платежа на Великий Новгород за счет его богатых северных владений.

При Иване Калите произошло важное церковно-политическое событие: митрополит Владимирский и Всея Руси Петр Волынец переехал из Владимира в Москву (1325) и тем самым стал первым митрополитом Московским (1325—1326). Впоследствии он был канонизирован Русской Православной Церковью. Москвичам стали хорошо известны три пророчества святого Петра. Первое было проповедано им в 1325 году. Убеждая великого князя соорудить соборную церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы, святой Петр сказал: «Если послушаешь меня, сын мой, то и сам прославишься с родом твоим паче иных князей, и град твой будет славен пред всеми градами русскими, и святители поживут в нем и взыдут руки его на плещи врагам его, и прославится Бог в нем». Иван Калита с усердием выполнил завет святого.

Второе пророчество связано с толкованием одного вещего сна. Незадолго до блаженной кончины первосвятителя князь Иван видел сон. Ему привиделась высокая гора, на вершине которой лежал снег. Но вдруг снег растаял и исчез. Рассказав об этом сновидении святителю, князь услышал от него такое объяснение: «Гора высокая — это ты, князь, а

снег — это я, смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из сей жизни в жизнь вечную».

Третье пророчество связано с завещанием святого на смертном одре. Когда святой почувствовал приближение своей кончины, великого князя не было в Москве. Митрополит призвал к себе тысяцкого Протасия Воронцова-Вельяминова и сказал ему: «Чадо, я отхожу от жития сего. Оставляю сыну моему возлюбленному, князю Ивану, милость, мир и благословение от Бога ему и семени его до века. За то, что сын мой успокоил меня в старости, воздаст ему Господь сторицею в мире сем и дарует ему живот вечный, и не оскудеют от семени его обладающие местом его, и память его прославится».

Все три пророчества исполнились. Святитель же скончался 21 декабря 1326 года во время вечерней службы в Успенском храме, с молитвой на устах и с воздетыми к небу руками. Мощи его были положены в приготовленной им самим гробнице в деревянном Успенском храме, позднее они были перенесены в новую раку в каменный Успенский собор (1 июля 1472 года).

Так Москва превратилась в церковно-политическую столицу Русского государства. Центр Руси, по завету святого Александра Невского, должен быть отстроен и украшен достойно. Великий князь Александр Ярославич думал, что этим центром будет Владимир. Но судьбе было угодно распорядиться так, что таким центром стала Москва. Иван Калита построил в столице дворцы, храмы, монастыри, богатые дома. Он возвел дубовые стены Кремля. Позднее внук Ивана I святой Димитрий Донской поставил новый белокаменный Кремль, а завершил строительство Кремля Иван III.

Во исполнение пророчеств святого Петра Москва стала возвышаться над старинными городами, первосвятители — митрополиты, а потом патриархи московские, способствовали процветанию православной веры и увеличению могущества Русской Церкви и Русского государства. Московское княжество при Иване Калите значительно увеличило свою территорию, благодаря «примыслам» — «куплям» Ивана I. К Москве были присоединены Галич, Белоозеро, Углич, Ростов. В дальнейшем почти вся Восточно-Европейская равнина признала власть Московского царя. Единодержавная власть московских государей облеклась при Иване IV порфирою царскою и Мономаховым венцом.

А главное, что сделали внуки и правнуки святого Александра Невского в XIV—XV веках — превратили Владимиро-Суздальскую Русь в Московскую Русь, а Москву в общерусский центр национально-освободительной борьбы великороссов от

татарщины. Правнуки святого Александра, сыновья Ивана I Калиты, великие князья Симеон Гордый (1341—1353) и Иван II Красный (1353—1359) продолжили государственное строительство. А внук Ивана Калиты святой Димитрий Иванович Донской (1359—1389) поднял знамя освободительной общенародной войны против Золотой Орды. Он привел Русь на поле Куликово, исполнив самую заветную мечту святого Александра Невского: избавление от татарщины!

Правда, победную точку в этом избавлении поставил четырежды правнук святого Александра Невского великий князь Иван III. Освобождение свершилось после великого стояния на реке Угре в октябре-ноябре 1480 года, когда хан Большой Орды Ахмат побежал со всем своим войском из русских пределов.

Стало быть, мы можем с полным правом считать святого Александра Невского духовным создателем и вдохновителем могущественной России на все времена!

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Главный завет святого Александра Невского — это защита своей Родины и труд для нее. Если он совершается во имя Божие, то этот труд есть исполнение воли Божьей. Потому Господь исполнил Русскую землю благодатью и богатством, а святому Александру Невскому даровал жизнь после смерти в его посмертных чудесах, в делах его потомков и последователей.

Вскоре после погребения тела князя, в 1280-е годы, в стенах Рождественского монастыря во Владимире одним из младших современников князя было написано его Житие, в котором Невский герой прославлялся как святой. Для местной канонизации было необходимо, во-первых, свидетельство о нетлении мощей, во-вторых, извещение о чудесах от мощей, в-третьих, описание праведной жизни нового угодника Божия, в-четвертых, санкция местных церковных властей на канонизацию. Всем этим целям и служило новосоставленное Житие. Нетление тела подтверждалось его сохранностью в течение девяти дней пути от Городца до Владимира и позднее вплоть до самого погребения. Чудо с духовной грамотой при погребении князя было засвидетельствовано митрополитом Кириллом и экономом Севастьяном, рассказ о нем вошел в Житие. О праведной жизни князя свидетельствовало его рождение от благородных и праведных родителей, его премудрость и благочестие, которые он явил с детских лет,

его внешнее и внутреннее сходство с библейскими героями, его нищелюбие и милостыня, забота об иноческом и священническом чине, защита вдовиц и сирот, праведный суд и воинские подвиги, совершенные при поддержке божественных сил — Святой Софии, Святой Троицы, святых мучеников Бориса и Глеба, ангелов и самого Господа. При большом самопожертвовании, смирении и кротости ясно были видны в нем стойкость и чистота православной веры, желание «паче меры» сподобиться ангельского образа и даже схимы.

Так были заложены основы почитания Александра Невского, его принятия соборно в лоно святых Русской Православной Церкви. Ореол святости еще не мог в Первой редакции Жития заслонить от читателя живой и близкий современникам образ радетеля о людях земли Русской, талантливого полководца и дипломата, героя Невской и Ледовой битв, да и просто человека высокого роста и красивой внешности, с прекрасными чертами лица и звучным голосом, мужественного и сильного. В дальнейшем, на протяжении XV—XVIII веков, церковно-литературные произведения о Невском герое умножились (можно насчитать более 20 редакций). Они многократно перерабатывались, дописывались, дополнялись, расцвечивались новыми легендарными подробностями и деталями, расширялись или сокращались в соответствии с социальным заказом тех или иных кругов Церкви, государства и общества. Так, вместо храбрости и мужества, проявленных в борьбе за Русскую землю, и реальных черт князя как человека, отмеченных авторами первых трех редакций, в произведениях XVI—XVIII веков на первый план выступает безукоризненность поведения «доблего» христианина и даже схимонаха, чье схимническое одеяние ценилось выше, чем княжеское корзно. По словам профессора И. А. Шляпкина, «князь-монах вполне соответствует идее московских митрополитов о высоте монашества и превосходстве его над царством. С другой стороны, и Грозный не раз являлся игуменом богомольным среди своих кромешников — послушных чернецов, в тафьях и власяницах»*

На практику почитания святого князя во многом повлияло то обстоятельство, что младший сын Невского героя святой князь Даниил стал родоначальником династии московских князей, а последние волею судеб стали во главе объединения всех Русских земель вокруг Москвы в национальное, а потом и многонациональное централизованное

---

* *Шляпкин И. А.* Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915. С. 17.

Русское государство. Московские князья вместе с Русской Церковью, центр которой тоже находился в Москве, заботились о создании пантеона общерусских святых и отводили в нем почетное место святому Александру Невскому, своему прародителю. Рождественский Владимирский монастырь, в котором был похоронен святой Александр Невский, считался до 1561 года первым по рангу среди монастырей Московской Руси, «архимандритьей великой». В течение многих веков в этой обители возникали все новые и новые рассказы о многочисленных чудесах, происходивших от мощей святого князя. Именно здесь в конце XIV века возникает предание, связанное с открытием и положением в новую гробницу чудотворных мощей князя. Однажды, в начале сентября 1380 года, спавший в притворе церкви пономарь Иван внезапно проснулся от яркого света и увидел свечи, зажегшиеся сами собою, и двух старцев, которые обратились к святому Александру Невскому со следующими словами: «О, господине Александре! Восстани и ускори на помощь правнуку своему великому князю Димитрию, одолеваему сущу от иноплеменник!» Это были святые Борис и Глеб, которые вместе с восставшим из гроба святым Александром поспешили на помощь святому князю Димитрию Донскому, бившемуся с татарами на Куликовом поле. Иноки обители приступили к гробнице и обнаружили нетленные мощи Невского героя под спудом. Игумен распорядился положить мощи в открытую гробницу. А московский митрополит Киприан, также причтенный позднее к лику святых, совершил над мощами службу в марте 1381 года.

Тогда же, в конце XIV века, одним из владимирских изографов была написана первая надгробная поясная икона святого Александра, изображающая его в образе схимника, в монашеском куколе и в мантии. Ее изображение сохранилось в клеймах большой иконы начала XVII века «Святой Александр Невский с деянием» в Покровском-что-на-рву соборе, именуемом также «храмом Василия Блаженного».

Любопытно, что согласно «Сказанию о Мамаевом побоище» святой Димитрий Донской до сражения и во время его на поле Куликовом часто вспоминал о своем небесном покровителе святом Александре Невском.

По рассказу рождественских монахов с тех пор от мощей святого Александра начались чудеса: исцеления слепых, расслабленных, тяжело больных, мучимых бесом; сами собой возжигались свечи и происходили другие действа. Чудеса не прекратились и после того, как во время пожара 23 мая 1491 года мощи святого князя якобы сгорели (по данным Воскре-

сенской летописи и Степенной книги). Но даже это событие было истолковано рождественскими монахами как новое проявление святости князя: накануне пожара многие лицезрели, как над главой каменной церкви поднимался ввысь на быстром коне окутанный в облако святой Александр Невский, а его чудотворные мощи виделись в огненном озарении, «но обаче Богом тако сохранени быша».

С тех пор владимирский монастырь стал называться монастырем Рождества Пресвятой Богородицы и святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского. К началу XVI столетия монастырь превратился в крупнейшего во Владимиро-Суздальской земле вотчинника. Венчавшись на царство в 1547 году, Иван IV повелел для укрепления своей власти прославить «Второго Константина», «Нового Владимира», «предивного чудотворца великого князя Александра». Святителю Макарию царь повелел «изыскать известно, со всяцем испытанием о чудесах, бывающих от честные его раки». Общерусский собор в Москве 26 февраля 1547 года официально канонизировал князя-инока как общерусского святого и установил ему церковное празднование 23 ноября. Вскоре, в 1550 году, владимирский инок Михаил составил Житие и Службу святому Александру. В первой Службе святому князю, включенной в служебные минеи, так восхвалялась память о Невском герое:

«Драгоценная отрасль священного корня, блаженный Александр! Тебя явил Христос Русской земле как некое божественное сокровище, как нового чудотворца, преславного и Богоприятного. Ты невидимо посещаешь людей Христовых и щедро подаешь исцеление всем усердно приходящим к тебе и единодушно вопиющим:

Радуйся, столп пресветлый, просвещающий нас светлостию чудес!

Радуйся, победивший помощью Божией гордого короля!

Радуйся, освободивший город Псков от неверных!

Радуйся, презревший догматы латинян и вменивший в ничто все их обольщения!

Радуйся, прогонитель темных страстей!

Радуйся, заступник Русской земли!

Моли Господа, даровавшего тебе благодать соделать державу сродников твоих Богоугодною и сынам России даровать спасение!»

(Текст икоса и тропаря дается в переводе по старопечатной Служебной минее 1652 года.)

В 1551 году грозный самодержец, направляясь на войну под Казань, провел целую неделю во Владимире и, как рас-

сказывали, получил у гробницы святого князя исцеление больной руки от мира, истекавшего из «скважни». Жития святого Александра Невского в редакциях иноков Михаила и Василия-Варлаама вошли в состав грандиозной энциклопедии середины XVI века — двенадцатитомных Великих Миней-Четьих святого митрополита Макария.

Почитание святого Александра Невского быстро распространяется по всей России. В его честь повсюду строятся великолепные церкви и соборы. Искусные изографы создают его иконные изображения во весь рост в монашеском одеянии. Художники расписывают стены храмов фресками, где среди прочих святых виден Александр Невский, иногда в полный рост. Таково, например, изображение святого на столпе Благовещенского храма (1508). Опытные рукодельницы вышивают большие пелены с изображением святого и текстом тропаря в его честь: они служили покровами гробниц. Чудес от его раки во Владимире становилось все больше и больше. Ощущалась необходимость в создании новой редакции Жития святого Александра Невского. С точки зрения эстетики и поэтики того времени, все созданные до конца XVI века произведения о нем казались недостаточными, так как не могли достойно выразить всю глубину его Божественного подвига, не могли достойно украсить жизнь героя и изобразить достойно его дела. Память святого тогда уподоблялась многоцветному венцу, «всяким украшением цветовным украшенному» и испускающему «чудесное благоухание», подобно распустившимся прекрасным цветам в саду или в поле, а также легким и воздушным белым облакам, парящим в небе и орошающим мысль человеческую и вместе с тем утишающим пламень страстей греховных, или же звездам и месяцу, украшающим небо, солнцу, озаряющему весь мир своими теплыми и благотворными лучами. В полном соответствии с этими художественными канонами архимандрит Рождественского монастыря Иона Думин в 1591 году создал новую редакцию Жития. Это многословное, витиеватое, максимально амплифицированное сочинение, яркий образец агиориторического стиля старомосковской поэтики.

Труд Ионы Думина представляет собой полный свод сведений о святом, извлеченных из многих книжных источников и Священного Писания. «Сказание о чудесах» было дополнено новыми рассказами. Один из них — «видение» монаха Антония. В 1572 году, рассказывается в Житии, во время сражения русского войска под командованием воеводы князя М. И. Воротынского с ратью крымского хана Даулет-Гирея на речке Рожаи, в Молодях, некий благочестивый

старец молился у себя в келье ночью за победу русского оружия, призывая на помощь Пресвятую Богородицу и князя-инока святого Алексия — то есть святого Александра Невского. Внезапно он узрел «умным си видением», как два прекрасных юноши подъехали на белых конях к воротам монастыря, спешились и направились в храм Рождества Пресвятой Богородицы, подошли к гробнице святого Александра. Вглядевшись, старец признал в них святых князей-мучеников Бориса и Глеба. Инок поспешил в церковь и увидел, как сами собой отворились двери, зажглись свечи, юноши подошли к гробнице и призвали святого князя восстать из гроба и идти на помощь сроднику своему царю Ивану и его воеводе князю Михаилу Воротынскому. Было видно, как трое всадников поскакали по воздуху в кафедральный храм города — в Успенский собор, чтобы позвать на помощь лежащих там в гробницах великих князей святого Андрея Боголюбского, Всеволода III, святого Георгия и Ярослава Всеволодовичей. Посовещавшись между собой, семеро всадников отправились по воздуху в Ростов Великий, в Успенский собор, за святым Петром, царевичем Ордынским. Ввосьмером они вступили в сражение с «безбожными измаильтянами» и одержали над ними победу.

На сюжеты чудес Жития святого Александра Невского в редакции Ионы Думина неизвестный московский изограф в начале XVII века создал замечательное писанное красками и золотом произведение монументального искусства. Это большая икона «Святой Александр Невский с деянием» размером 1,25 метра на 1 метр. Ныне она хранится в филиале Государственного исторического музея в Москве — в храме Василия Блаженного, во Входоиерусалимском приделе. Средник иконы изображает святого князя-инока в рост, а вокруг него расположены 32 клейма, представляющие собою лаконичные символические истолкования прижизненных подвигов и посмертных чудес Невского героя. Выделяются изображения Невского сражения, Ледового побоища и битвы на Молодях. Ритмически повторяющийся на клеймах фон — белостенный Рождественский храм и гробница святого — подчеркивает значимость владимирской обители и ее храма как средоточия общерусского почитания святого Александра.

Несмотря на то, что в XVII веке политическое значение города Владимира и Рождественского монастыря падает, рождественские монахи удерживают в своих руках монополию на создание новых рассказов о чудесах вплоть до 1706 года. Они же создают новые редакции Жития. Стараниями архимандрита Троице-Сергиева монастыря Викентия в

1670-е годы создаются новая Служба и Житие для вящего прославления Невского героя. Цари из династии Романовых — Михаил Федорович и Алексей Михайлович — строят соборы и церкви, устраивают ежегодно в Кремле 23 ноября шествия и празднования в соборе святого Александра.

Поворотный пункт в истории почитания Невского героя связан с именем царя Петра Великого. Оба они родились в один день — 30 мая. Славные воинские подвиги князя Александра Ярославича на берегах Невы привлекли внимание царя Петра. Он продолжил и завершил их: вернул России ее исконные территории на берегах Финского залива — Ижорскую и Водскую земли, и тем самым «в Европу прорубил окно». Недаром в одном из житий Петр назван «живым зеркалом Невского героя» и «подражателем вторым Невским и Моребаряжским». 27 мая 1703 года в устье Невы был заложен город Санкт-Питербурх, который царь решил сделать столицей Российской империи, наследницы Московского царства. Новый город нуждался в небесных покровителях, и они были найдены: наряду со святыми апостолами Петром и Павлом небесным покровителем города стал святой Александр Невский. Царь Петр и его ближайший помощник князь А. Д. Меншиков заложили летом 1710 года у впадения речки Черной в Неву монастырь в честь Святой Троицы и святого Александра Невского. Этот духовный центр должен был стать средоточием церковного почитания святого Александра Невского, «молитвенного предстателя за Невскую страну». Видный просветитель и первый философ России, Феофан Прокопович в «Слове в день святаго благовернаго князя Александра Невского» (1709) на вопрос верующего человека, как ему спастись, уверенно отвечает: 1) «от разума естественного», 2) «от Священного Писания», 3) «от дел ныне празднуемого угодника Божия» — святого Александра Невского.

30 августа 1721 года Северная война со Швецией была закончена Ништадтским миром, после чего правительство царя Петра вплотную занялось украшением северного парадиза. В феврале 1722 года архимандрит Александро-Невского монастыря Феодосий ездил во Владимир, где вместе с архимандритом Рождественского монастыря Сергием освидетельствовал мощи святого князя-инока. 29 мая 1723 года последовал указ императора Петра о перенесении мощей святого Александра Невского из Владимира в Петербург. Выехавшая во Владимир комиссия занялась приготовлениями к перенесению мощей. Согласно именному указу были устроены ковчег для раки с мощами и пышный балдахин для ковчега, который должны были нести 150 солдат. В том

же 1723 году, 11 августа, началось торжественное шествие из Владимира, в котором участвовало несколько тысяч людей. Процессия двигалась то сухопутным, то водным путем, на корабле. Шли через Москву, Тверь, Новгород. Затем ковчег везли на корабле по Волхову, по Ладожскому озеру до Шлиссельбурга, оттуда по Неве в предместья Петербурга, куда прибыли 18 сентября 1723 года. Торжественная встреча мощей в Петербурге была перенесена на следующий год — 30 августа 1724 года, в очередную годовщину заключения Ништадтского мира. В назначенный день Петр I выехал на галере к устью Ижоры. Он сам помог перенести ковчег с мощами с корабля на свою галеру, сам сел за руль, а сенаторов и сановников посадил за весла. На берегах Невы тем временем выстроились войска, столпилось множество народа; пушечным салютом и колокольным звоном встречала свою новую святыню Северная Пальмира, которая с 1712 года стала столицей Российской империи. Император лично участвовал в перенесении ковчега на берег. По преданию, он якобы открыл ключом ковчег, посмотрел на мощи и затем, закрыв ковчег, выбросил ключ в Неву, чтобы никто другой больше не открывал ковчег со святыми мощами. У ворот монастыря процессию встречал крестный ход во главе с новгородским митрополитом Феодосием Яновским. Петр лично перенес ковчег в придел верхней Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря; позднее его перенесли в Троицкий собор лавры (1790), где он находился до 1922 года, когда, по решению советских властей, ковчег был передан в Казанский собор (тогда — Государственный музей истории религии и атеизма). В 1989 году, 6 мая, ковчег с мощами был возвращен Русской Православной Церкви и вновь помещен в Александро-Невскую лавру.

В день перенесения мощей, 30 августа 1724 года, император Петр приказал составить новое Житие и Службу святому Александру Невскому. В его указе говорилось: «к сочиненным святому благоверному великому князю Александру Невскому стихирам и синаксарю сочинить седальны и канон... и по новой службе вместо прежде бывшей этому святому ноября 23 числа службе, отныне праздновать 30 августа».

Так владимирский святой превратился в небесного покровителя Петербурга, царствующей династии и Российской империи.

«Веселися Ижерская земле, — писал в Службе святому Александру Невскому Гавриил Бужинский, — и вся Российская страна. Варяжское море восплещи руками, Нево-река распространи своя струи: се бо князь твой и владыка от ига

свейскаго тя свободивый, торжествует во граде Божии, его же веселят речная устремления».

Начался Петербургский период церковного почитания Невского героя. Самый день празднования был перенесен с 23 ноября на 30 августа (по новому стилю — 12 сентября).

Характерная особенность Петербургского периода — замена самого облика святого: место монаха-схимника занимает князь-воин со всеми атрибутами великокняжеской власти. 15 июня 1724 года Святейший Правительствующий синод постановил: отныне святого Александра Невского «в монашеской персоне никому отнюдь не писать», а только «во одеждах великокняжеских». С тех пор в русском иконописании распространился и стал господствующим новый иконографический тип святого Александра Невского: в княжеской одежде или в горностаевой мантии, в броне, с лентой святого Ордена через плечо, в царской короне или в шапке из горностаевого меха, с крестом, с нимбом над головой, верхом на коне и с мечом в левой руке, нередко на фоне реки Невы, Петропавловской крепости, дворцов Санкт-Петербурга и плана Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря. Впрочем, в XV—XVI веках в Новгородской земле существовала традиция изображать князя Александра в княжеской одежде, с копьем и червленым щитом, с русским крестом; по краям иконы шел витой тератологический орнамент. В Московском царстве XVI—XVII веков также существовала эта традиция. Так, на иконе «Воинствующая церковь» князь Александр изображен в броне и шлеме, на вздыбившемся вороном коне. На фреске одного из столпов Архангельского собора и на фреске Вологодского Софийского собора князь Александр изображен в княжеской одежде и с мечом в руке. Та же светская традиция присутствует в миниатюрах Московского Лицевого летописного свода 60—70-х годов XVI века, в «Титулярнике» 1672 года и в клеймах знаменитой иконы «Святой Александр Невский с деянием» начала XVII века. Уместно заметить, что обе иконографические традиции — и монашеская, и княжеская — мирно сосуществовали и существуют в русском иконописании на протяжении многих веков.

В XVIII веке появилось много новых литературных произведений о святом Александре Невском — житий, похвальных слов, служб, стихов, светских жизнеописаний. Первое из них, сочиненное к 30 августа 1724 года, принадлежит перу придворного проповедника, обер-иеромонаха флота Гавриила Бужинского. Это Петербургская редакция Жития, или Синаксарь, напечатанный Синодальной типографией в 1725 году. Особенность этого произведения в том, что оно

связало жизнь и славные победы князя Александра с деяниями Петра Великого и с его победой в Северной войне; здесь прославляется Новая Россия и ее столица Петербург, построенный на месте побед святого Александра Невского. Сам Петербург, таким образом, представляется живым продолжением жизни и деятельности Невского героя, предвестника Великой России.

Гавриил Бужинский сочинил «Слово в похвалу Санкт-Питербурха» (издано в 1717 году), в котором новая столица России сравнивалась с мировыми столицами и прославлялась как место побед святого Александра Невского. Обращаясь к городу как к живому существу, проповедник призывает: «Не имаши боятися восстающих на тя врагов... когда имаши великого твоего защитника святого благоверного великого князя Александра Невского»; к изданию было приложено 250 литографированных гравюр В. Зубова с пейзажами города на Неве.

В «Слове похвальном в день рождения Петра Великого», датированном 30 мая 1723 года и принадлежащем перу Г. Бужинского, святой Александр упоминается в числе главных предшественников Петра Великого, а его победы сравниваются с победами римского полководца Сципиона Африканского. «Аще же еще помысли и о оном Российском ирои Александре, — пишет проповедник, — от реки сея именованным, бысть река сия прежде России слышана, ныне ея устремления увеселяют Божий град сей царствующий; не единожды, яко же тогда при сей реке, побеждени, язвлени и прогнани бяху сопостати».

В 1723—1724 годах обер-иеромонах флота написал еще одно произведение в честь Невского героя — «Слово похвальное в день празднования святого Александра Невского, и вместе с тем, в день освящения в его монастыре церкви во имя Благовещения Пресвятой Девы Марии». Содержание этого «Слова» составляет богословское раскрытие значения жизни святого Александра через сравнение трех ипостасей Святой Троицы с тремя ипостасями святости Александра Невского, которые, по мнению автора, состоят в следующем: во-первых, «в промысле о твари», то есть в воинских подвигах князя, во-вторых, в смирении, то есть в смирении князя перед Ордой ради «целости и безвредия всему народу», в-третьих, «в исхождении света и сияния лучей как от Святого Духа».

Преемники Петра I, выполняя его заветы, многое сделали для распространения почитания святого Александра Невского. Так, вдова Петра I императрица Екатерина I Алексеевна учредила в 1725 году орден Святого Александра Нев-

ского и утвердила церемониал празднования в его честь 30 августа ежегодно.

Орден этот выглядел так: четырехугольный красный крест, имеющий в промежутке четырех двуглавых орлов, а в середине — изображение святого Александра Невского на коне; на оборотной стороне — звезда серебряная, в середине которой помещен вензель святого Александра Невского под княжеской короною; в окружности на красном поле — орденский девиз — «За труды и Отечество!». К ордену полагалось соответствующее одеяние: лента красная через левое плечо, епанча длинная красная бархатная, подбитая белой тафтою с серебряным гласетовым крагеном, шляпа черная бархатная с пером белым и красным и нашитым из узкой красной ленты крестом. Класс ордена устанавливался вторым после ордена Святой Екатерины.

Названным орденом награждались и военные, и штатские лица. Первым кавалером ордена был обер-гофмейстер С. К. Нарышкин. Всего же за 192 года существования ордена Святого Александра Невского им было награждено 2500 человек, в том числе генералиссимусы А. Д. Меншиков и А. В. Суворов, генерал-фельдмаршалы М. И. Голенищев-Кутузов, П. А. Румянцев-Задунайский, Г. А. Потемкин-Таврический, Н. В. Репнин, М. Б. Барклай-де-Толли, И. Ф. Паскевич-Эриванский, И. И. Дибич-Забалканский, Д. А. Милютин и многие другие.

Дочь Петра I императрица Елизавета Петровна учредила ежегодный крестный ход кавалеров, награжденных орденом, 30 августа по Невскому проспекту от Казанского собора до Александро-Невской лавры (осуществлялся до 1916 года, возобновлен в сокращении маршрута следования в 1989 году). Императрица Елизавета Петровна также повелела соорудить из серебра, добытого на Колыванских рудниках, великолепную раку для мощей святого Александра Невского в 1750—1753 годах. На стенах серебряной гробницы изображены в барельефах важнейшие события из жизни Невского героя: битва на Неве, Ледовое побоище, вступление во Псков, приезд в Городецкий монастырь. С правой стороны раки в круге вырезаны слова стихотворной эпитафии, сочиненной М. В. Ломоносовым:

Святый и храбрый Князь здесь телом почивает,
Но духом от небес на град сей призирает
И на брега, где он противных побеждал,
И где невидимо Петру споспешствовал,
Являя Дщерь Его усердие святое
Сему Защитнику воздвигла раку в честь
От перваго сребра, что недро Ей земное
Открыло, как на трон благоволила сесть.

Позади серебряного саркофага установили пирамиду, по сторонам которой находились трофеи Александра Невского и старинное оружие. Здесь же два щита, на которых выбит текст, также принадлежащий перу М. В. Ломоносова: «Богу Всемогущему и Его Угоднику, Благоверному и Великому князю Александру Невскому, Россов усердному защитнику, презревшему прельщение мучителя, тварь боготворить повелевшему, укротившему варварство на Востоке, низложившему зависть на Западе, по земном княжении в вечное царство преселенному в лето 1263, усердием Петра Великого на место древних и новых побед пренесенному 1724 года, Державнейшая Елисавета, отеческого ко святым почитания подражательница, к нему благочестием усердствуя, сию мужества и святости Его делами украшенную раку из первообретенного при Ея благословенной державе сребра сооружать благоволила в лето 1752». Латинский перевод этого же текста вырезан на одном из щитов, который держит серебряный ангел*.

Образ Александра Невского нашел отражение в двух мозаичных портретах Невского героя, которые были изготовлены М. В. Ломоносовым в 1757—1758 годах на мозаичной фабрике. Великий князь изображен в княжеской шапке с красным верхом, на плечах красная, опушенная горностаем мантия поверх голубовато-серых лат. Великолепная красная смальта передает бархат княжеской мантии. Все это петровская традиция изображения великого князя как идеального монарха.

В настоящее время эти мозаичные портреты хранятся в Русском музее и в Музее М. В. Ломоносова. По поручению императрицы Екатерины II в конце своей жизни М. В. Ломоносов готовил картины для дворца, изображающие судьбоносные события из русской истории. Одна из картин должна была изобразить Ледовое побоище. В собрании сочинений Ломоносова сохранилась надпись к восьмой картине. Она гласит следующее: «Сражение случилось на Чудском озере апреля 5 дня. При сем деле то может представиться отменно, что происходило на льду, где пристойно изобразить бегущих, как они, стеснясь и проломив тягостию лед, тонут. Иные друг друга изо льда тянут, иные, напротив того, друг друга погружают и колют как неприятелей. Кровь же по льду и с водою смешенная особливый вид представит».

Императрица Екатерина II Алексеевна, продолжательница петровых дел, глубоко почитала святого Александра Нев-

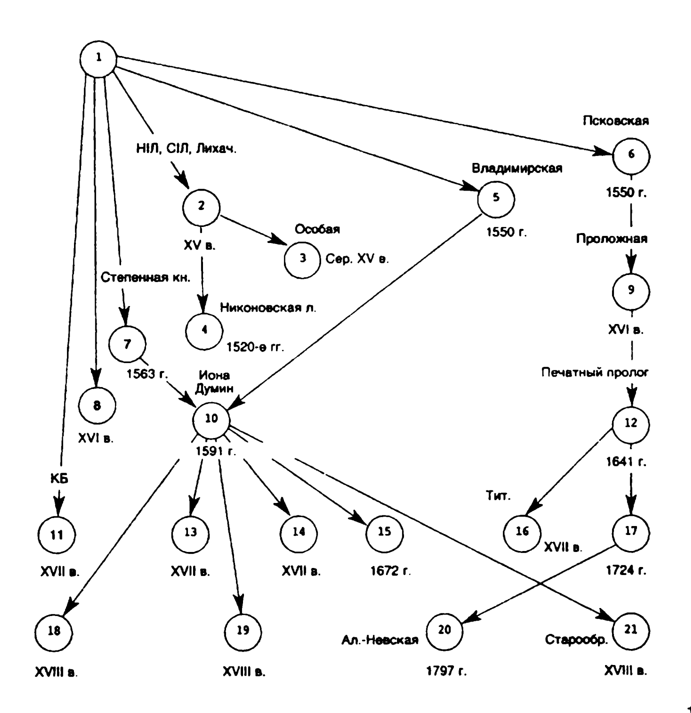
---

* Серебряная рака Александра Невского ныне хранится в Государственном Эрмитаже.

ского и способствовала распространению и упрочению его светлой памяти в своем государстве. В 1774 году она заложила, а в 1790 году завершила строительство Троицкого соборного храма в Александро-Невской лавре. Родившийся в 1777 году внук Екатерины II, наследник Российского престола и будущий победитель Наполеона, император Александр I был назван в честь святого Александра Невского.

В XVIII веке каждый год выходили в свет похвальные слова в честь Александра Невского и церковные проповеди в день его памяти 30 августа. Новые редакции Жития уже не дополнялись легендами о чудесах. В конце XVIII века появились Александро-Невская и старообрядческая редакции Жития, почти каждый год писались иконы и создавались храмы и часовни в его честь по России повсеместно.

Всего за 600 лет книжники написали более 20 редакций Жития в тысячах списков, часть которых сохранилась до нашего времени в архивохранилищах, библиотеках и музеях страны, в частных собраниях и церковных коллекциях. Взаимоотношение редакций Жития святого Александра Невского может быть графически выражено в виде следующей схемы:

Приводим следующие пояснения к схеме:

— 1-я редакция, Владимирская. 1281—1282 гг. Написана во Владимирском Рождественском Пресвятой Богородицы монастыре монахом, в прошлом дружинником Александра Невского;

— 2-я редакция, Новгородская. Свод 1432 г. Написана в Новгороде для Новгородской 1-й летописи младшего извода. (В условном сокращении — НIЛ.) Отразилась также в Софийской 1-й летописи (в своде 1456 г.), в Лихачевском списке 80-х гг. XV в. В условном сокращении — СIЛ;

— 3-я особая редакция, Новгородская. Середины XV в.;

— 4-я редакция Никоновской летописи. Свод 1520-х гг.;

— 5-я редакция, Владимирская. 1550 г. Написана во Владимирском Рождественском монастыре. Вошла в состав Великих Миней-Четьих московского митрополита Макария. В условном сокращении — ВМЧ;

— 6-я редакция, Псковская. 1550 г. Написана монахом Псковского Саввина Крыпецкого монастыря Василием-Варлаамом (в миру боярином В. М. Тучковым);

— 7-я редакция, Московская. 1563 г. Написана в Москве для Степенной книги московского митрополита Андрея-Афанасия Протопопова;

— 8-я редакция, из сборника XVI в., хранящегося в Российской национальной библиотеке под шифром Q. I. 321;

— 9-я редакция, Проложная. Конец XVI в.;

— 10-я редакция, Владимирская. 1591 г. Написана архимандритом Рождественского монастыря Ионой Думиным;

— 11-я редакция, из Кирилло-Белозерского сборника. XVII в.;

— 12-я редакция, Московская. Из печатного Пролога. 1641 г.;

— 13-я редакция, переделка редакции Ионы Думина. XVII в.;

— 14-я редакция, другая переделка редакции Ионы Думина. XVII в.;

— 15-я редакция, Троице-Сергиевская. Написана архимандритом Троице-Сергиевой лавры Викентием. 1672 г.;

— 16-я редакция монаха Тита. XVII в.;

— 17-я редакция, Петербургская. Написана обер-иеромонахом флота Гавриилом Бужинским. 1724 г.;

— 18-я редакция, еще одна переделка редакции Ионы Думина. XVIII в.;

— 19-я редакция, следующая переделка редакции Ионы Думина. XVIII в.;

— 20-я редакция Александро-Невской лавры. 1797 г.;

— 21-я редакция, старообрядческая. XVIII в.

В конце XVIII века церковная традиция жизнеописаний Невского героя прекратилась и началась светская традиция. Ее открывает «История о великом князе Александре Ярославиче Невском, без чудес» Екатерины II, написанная в 1791 года для шестого тома «Записок, касательно Российской истории». Екатерина II, работавшая с помощью секретарей Чеботарева и Храповицкого, пользовалась многими источниками, в том числе неизвестным нам «Летописцем третьенадесятого века», новгородскими летописями, родословными книгами, Степенной книгой (в издании Г. Ф. Миллера 1775 года), «Ливонской хроникой» Генриха Латвийского (в издании И. Арндта 1753 года), историями России В. Н. Татищева и М. М. Щербатова. Подражая летописной манере изложения, Екатерина II составила светское описание жизни и деятельности Александра Невского, подчеркнув в нем черты «идеального монарха»: мудрость, героизм, мужество, твердость. Это было вполне в духе эпохи Просвещения. В примечаниях к тексту императрица высказала ряд небезынтересных суждений. Например, Екатерина II так пишет об организации крестового похода против Руси времени Александра Невского: «И заподлинно поселилася зависть и злоба в сердце папежского клирика в Риме, услыша победы и одолении Александровы над свеи, датчаны, ливонские рыцари и бискупы, римской тогда еще веры. Понеже не обреталося преодолевающаго Александра в брани никогда, и послали из Рима кардинала бискупа града Сабина Гвингельма (то есть Вильгельма Моденского. — *Ю. Б.*) послом ко королям: свейским, датским, норвежским и ко ливонским рыцарям с грамотою (булла сия папская от 20 февраля 1246 года), проповедывая войну и наступление на Русь, с дозволением употребить три года сряду треть десятины церковного дохода тех земель веры римской на то. Но сеи затеи обратились ни во что по поводу междуусобной брани, восставшей тогда в Дании между двух сынов короля Валдемара II и таковой же в Швеции между короля Эриха XI и его суперники; протчие же одни знатно не в силе были действовать без посторонней помощи противу Александра». Сравним это суждение с записью в Дневнике А. В. Храповицкого от 21—22 сентября 1791 года: «Во время разговора об истории российской сказано мне, что Александр Невский был герой. Нашли то, чего никто здесь не написал, то есть что папа, отправя нарочного легата, поощрял в Норвегии, Дании и Швеции составить кроасаду против Александра Невского; но намерение сие осталось бездейственным».

Главная цель Екатерины II как историка — борьба с баснословием и сверхъестественным объяснением событий, со-

держащихся в многочисленных редакциях Жития. С Екатерины II, а также с биографических трудов историков Герарда Миллера и Федора Туманского берет начало светская традиция историографии и научной литературы, посвященной Александру Невскому.

В XIX и XX столетиях почитание святого Александра Невского продолжалось. В 1818—1858 годах по проекту О. Монферрана и с помощью комитета архитекторов (В. П. Стасов, К. И. Росси, братья Михайловы, А. И. Мельников) в Петербурге строился и был завершен Исаакиевский собор. Он был воздвигнут в честь патронов города — святого Александра Невского и Петра Великого, ибо оба они родились в один день — 30 мая. На тот же день приходилась память святого Исаака Далматского (VI век). В 1862 году в Новгороде был сооружен памятник «Тысячелетие России» (скульптор О. Микешин), одной из ключевых фигур которой стал святой Александр Невский. В 1913 году в городе Софии (Болгария) был сооружен самый грандиозный в мире храм — памятник святому Александру Невскому. Он до сих пор является главным кафедральным храмом Болгарской православной церкви.

На протяжении XIX — начала XX века русские императоры, градоначальники и власти города старались украсить Петербург новыми храмами и часовнями в честь святого Александра Невского. В советское же время его именем назывались площади, улицы, мосты, корабли, станция метро «Площадь Александра Невского» с замечательной фреской художника А. М. Быстрова «Ледовое побоище». Памятники Александру Невскому сооружались в Переславле-Залесском, Новгороде, Порхове, селе Кобыльем у Чудского озера, Пскове, Калуге, Городце, Пушкине, Усть-Ижоре, Владимире, Санкт-Петербурге на площади Александра Невского. Александр Невский — герой многочисленных стихотворений и поэм, романов и повестей, сказаний и рассказов, драматических произведений и литмонтажей, кантат и концертов. Его изображения мы встречаем на картинах и панно, медалях, памятных значках и открытках, плакатах.

Назовем имена художников Баснина, А. М. Быстрова, В. М. Васнецова, Горелова, А. Н. Гришенкова, А. Б. Жука, П. К. Корина, К. Лебедева, М. Мыслиной, М. В. Нестерова, Е. Орлова, Г. И. Семирадского, Л. Горбунова, Н. Рериха.

Год 1990-й был официально провозглашен «Годом Александра Невского», в этом году прошли многочисленные конференции во многих городах, выпущены десятки сборников научных докладов и статей. Именем Александра Невского называют общества, школы, клубы, кружки, издательства и т. п.

Незадолго до начала Великой Отечественной войны, по инициативе И. В. Сталина, было воскрешено имя великого русского полководца XIII столетия. Власти способствовали созданию патриотического фильма «Александр Невский» (1938 год; сценарий П. А. Павленко и С. М. Эйзенштейна; роль Александра Невского в фильме сыграл народный артист Н. К. Черкасов).

В начале войны, 7 ноября 1941 года, на Красной площади в Москве И. В. Сталин произнес речь перед воинами, отправлявшимися на фронт. Он сказал: «Пусть вдохновляют вас в этой войне мужественные образы наших великих предшественников Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова».

В самое трудное время для страны, когда немецко-фашистские полчища рвались к Волге, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июля 1942 года был учрежден боевой орден Александра Невского. Внешне орден очень красив: в центре рельефное изображение князя Александра. Причем профиль был заимствован у народного артиста Николая Черкасова, создателя образа Александра Невского в одноименной кинокартине. Князь изображен в облике воина, в шлеме, на фоне покрытой красной эмалью серебряной пятиконечной звезды, окаймленной лавровым позолоченным серпом и молотом. Позади щита выступают позолоченные меч, копье, лук и колчан со стрелами. На фоне лучей правильной десятиугольной орденской пластины изображены концы двух позолоченных бердышей, скрещенных позади круглого щита. Лента ордена — муаровая, голубого цвета, с красной полосой посередине. Создатель этого ордена — профессор И. С. Телятников. До конца Великой Отечественной войны орденом было награждено 41 685 командиров, в том числе около 70 иностранных генералов и офицеров, а также 1480 воинских частей. Первым кавалером ордена стал старший лейтенант Иван Рубан, награжденный за подвиг при переправе через реку Дон 6 августа 1942 года (орден был вручен 5 ноября 1942 года). В Санкт-Петербурге с 1990 года существует «Клуб кавалеров ордена Александра Невского» (председатель — контр-адмирал в отставке А. Д. Климов); на 31 декабря 2000 года он насчитывал 150 членов. Государственная награда за полководческий талант, храбрость и мужество, проявленные на войне, — яркое свидетельство того, что в сознании и памяти народа вечно живет бессмертный образ великого русского полководца и государственного деятеля святого и благоверного великого князя Александра Ярославича Невского.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Житие святого Александра Невского

Первая редакция

Жизнеописание князя Александра Ярославича, прозванного в народе за победы над шведами и немцами в 1240 и 1242 гг. «Невским» и «Храбрым», создано в начале 80-х г. XIII в. во Владимирском Рождественском монастыре, где князь был похоронен в 1263 г. Отобранные автором эпизоды и факты из жизни князя искусно объединены в «Повести о житии» с помощью художественных приемов, характерных для галицкой литературной школы. Предполагают, что автор Жития был из числа владимирских монахов, а до пострига принадлежал к домашним слугам князя Александра. Древнейший (неполный) список Жития сохранился в составе Лаврентьевской летописи 1377 г., а полный текст дошел до нас в начале Псковской Второй летописи 1486 г. (рукопись Синодальной библиотеки, № 154, ныне хранится в Государственном историческом музее).

Перевод Жития дается в реконструкции по следующему изданию: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века... С. 187—194. Перевод Ю. К. Бегунова.

Повести о жизни и о храбрости благоверного и великого князя Александра

О Господе наше Иисусе Христе, Сыне Божьем, я, ничтожный и многогрешный, мало смысля, пытаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Так как слышал от отцов своих и сам был домочадцем и очевидцем жизни его, то рад был поведать о святой и благородной и славной его жизни. Но как Приточник говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость; становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится». Хотя и прост я умом, но молитвою святой Богородицы и помощью святого князя Александра начало положу.

Князь этот Александр по Божьей воле родился от отца милостилюбивого и человеколюбивого и, более того, кроткого князя великого Ярослава и от матери Феодосии. Как говорит Исайя-пророк: «Так говорит Господь: Я ставлю князей, ибо они священны, и Я руковожу ими». Воистину так: без Божия повеления не было бы княжения его. Но и ростом он был выше других людей, и голос его — как труба в народе, лицо же его — как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым после себя человеком в Египте. Сила же его была частью силы Самсона. И дал ему Бог премудрость Соломона, а храбрость его — как у царя римского Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую. Некогда, во время осады города Иоатапаты, вышли горожане и победили войско его, и остался Веспасиан один и прогнал к городу, к городским воротам, войско их, и посмеялся над дружиной своей, и укорял ее, говоря: «Оставили меня одного». Также и этот князь Александр, побеждая, сам был непобедим.

Ради князя Александра и пришел некто знатный от Западной страны, от тех, что зовут себя «слуги Божии», желая повидать его в расцвете сил так же, как в древности царица Ужская приходила к Соломону, желая наслушаться мудрых речей его. Так и этот, по имени Андреяш, увидев князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран и видел многие народы, но не встретил ни такого царя среди царей, ни такого князя среди князей».

Прослышав же о таком мужестве князя Александра, король римской веры из Полуночной страны подумал: «Пойду и завоюю землю Александрову». И собрал войско великое и наполнил многие корабли полками своими, устремился в силе великой, кипя духом ратным. И пришел к Неве, влекомый безумием, и послал послов своих, возгордившись, в Новгород, к князю Александру, говоря: «Если можешь, то сопротивляйся мне, — я уже здесь и беру в плен землю твою».

Александр же, услышав слова эти, распалился сердцем, и вошел в церковь Святой Софии и, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами: «Боже славный, праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, Ты повелел жить, не вступая в чужие пределы!»* И, вспомнив псаломскую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне»**.

---

* Второзакон. 32,8; 4 Царств. 19, 15.
** Пс. 34, 1—2.

И, окончив молитву, встал, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон благословил его и отпустил. Он же, выйдя из церкви, вытер слезы, начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силе Бог, а в правде. Помянем Песнетворца, который сказал: “Иные — с оружием, а иные — на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем, они поколебались и пали, мы же восстали и стоим прямо”»*. И, сказав это, пошел на них с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих, но уповая на Святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его, благородный Ярослав Великий, не знал о нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать весть к отцу, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить.

И пошел на них в день воскресения, июля в 15-й, в день памяти шестисот тридцати святых отцов бывшего в Халкидоне собора и святых мучеников Кирика и Улиты, имея же веру великую во святых мучеников Бориса и Глеба.

И был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгуй. Поручен же был ему морской дозор. Воспринял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве. Наречено же было имя ему в святом крещении Филипп. И жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу, потому и удостоил его Бог увидеть видение страшное в тот день. Расскажем об этом вкратце.

Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их и об укреплениях. Когда стоял Пелгуй на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. И когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел ладью, плывшую по морю, а посредине ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и держащих руки на плечах друг друга. А гребцы сидели, словно окутанные облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему Александру». Увидев такое видение и услышав слова мучеников, стоял Пелгуй потрясенный, пока ладья не скрылась из глаз его.

Вскоре после этого приехал князь Александр. Пелгуй же взглянул радостно на князя Александра и поведал ему одному о видении. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому».

После того решился напасть на них в шестом часу дня. И

* Пс. 19, 8—9.

была сеча великая с латинянами, и перебил их бесчисленное множество, и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем. Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним.

Один по имени Гаврило Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля. И побежали все перед ним на корабль, затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву.

Он же с Божьей помощью выбрался оттуда невредимым, и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою, окруженным воинами.

Другой — новгородец, по имени Сбыслав Якунович, не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце своем. И многие пали от руки его и подивились силе его и храбрости.

Третий — Иаков, полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян.

Пятый — из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой златоверхий шатер и подрубил столб шатерный. Воины же Александровы, увидев падение шатра, обрадовались.

Шестой — из слуг его, по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался.

Обо всем этом слышал я от господина своего Александра и от других, кто в то время участвовал в той сече.

Было же в то время чудо дивное, как в древние времена при Езекии-царе, когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, стремясь захватить святой город, и внезапно появился ангел Господень и перебил 185 тысяч воинов ассирийских. И когда наступило утро, нашли их трупы. Так же было и после победы Александра, когда победил короля: на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли многое множество врагов, перебитых ангелом Божиим. Оставшиеся бежали, а трупы погибших своих набросали в корабли и потопили в море. Князь же Александр возвратился с победою, хваля и славя имя своего творца. На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной

страны и построили город на земле Александровой. Князь же Александр немедля вышел и срыл город их до основания, а самих их — одних повесил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры.

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время пошел Александр на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись они, говоря: «Подчиним себе словенский народ».

Ведь уже взяли город Псков и наместников своих посадили. Наместников князь Александр схватил, город Псков освободил от пленения. А землю их разорил и пожег и пленных взял без числа, а других порубил. Иные же немецкие города заключили союз и решили: «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками».

Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. Князь же Александр построил полки и пошел навстречу, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата Андрея с большой дружиной. У князя Александра было также много храбрых мужей, как в древние времена у Давида-царя было сильных и крепких воинов. Так и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были, как у львов, и сказали они: «О княже наш славный! Ныне настало нам время положить свои головы за тебя». Князь же Александр, воздев руки к небу, воскликнул: «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым и помоги мне, Боже, как ты помог в древние времена Моисею победить Амалика*, и прадеду моему Ярославу победить окаянного Святополка».

Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска. И была злая сеча, и раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

И слышал я это от очевидца, который мне рассказал, что видел воинство Божье в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил их помощью Божьей, и обратились враги в бегство, и гнали и секли их воины Александровы, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать. Здесь же прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А того, кто говорил: «Поймаем Александра руками», — предал Бог ему в руки. И не нашлось никого, кто мог бы воспротивиться ему в битве.

---

* Исх. 6, 1—2; Пс. 34, 1—2.

И возвратился князь Александр с победою славною. И шло многое множество пленных в войске его, вели босыми возле коней тех, кто называл себя «Божии рыцари».

И когда подошел князь к городу Пскову, игумены и попы в ризах, с крестами, и весь народ встретили его перед городом, воздавая хвалу Богу и славу господину князю Александру, воспевая песнь: «Помог Ты, Господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему силою креста освободить город Псков от иноязычных рукою Александровою».

О неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил Господь в пустыне манною и жареными перепелами и которые обо всем этом забыли, как забывали и Бога, освободившего их из египетской неволи.

И прославилось имя его по всем странам, и до моря Египетского, и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского, и до великого Рима.

В то время умножился народ литовский и начали разорять волости Александровы. Он же, выехав на них, стал избивать их. Случилось ему однажды выехать на врагов, и побил он семь полков ратных за один выезд, множество князей их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с тех пор бояться имени его.

В то же время был некий сильный царь в Восточной стране, которому Бог покорил многие народы от востока и до запада. Тот царь, прослышав, что Александр столь славен и храбр, послал к нему послов и приказал сказать: «Александр, разве ты не знаешь, что Бог покорил мне многие народы? Ты один не хочешь покориться силе моей! Но если хочешь уберечь землю свою, то немедля приходи ко мне, чтобы увидеть славу царства моего».

Князь же Александр пришел во Владимир после смерти отца своего с большим войском. И был грозен приезд его, и промчалась весть об этом до самого устья Волги. И стали женщины моавитские пугать детей своих, говоря: «Александр-князь едет!»

Задумал же князь Александр поехать к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И, увидав его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, что нет князя, подобного ему». Воздав же достойные почести ему, отпустил его.

Потом разгневался царь Батый на брата его младшего, на Андрея, и послал воеводу своего Невруя разорить землю

Суздальскую. После Невруева нашествия князь великий Александр церкви восстановил, города отстроил, людей разбежавшихся собрал в дома их. О таких ведь говорит Исайя-пророк: «Князь хороший в странах — тих, приветлив, кроток, смирен, и тем Богу подобен», не ищет богатства и не чуждается праведной жизни, сирот и вдовиц судит по правде, любит милость, а не злато, добр к домочадцам своим и гостеприимен к приходящим из других стран. Таковых Бог наделяет при жизни своими милостями, ибо Бог хочет благополучия не для ангелов, но для людей, которых так щедро награждает, учит и являет в мире милость свою.

Наделил же Бог землю его богатством и славою, и продлил Бог лета его.

Некогда же пришли к нему послы от папы, из великого Рима, говоря: «Папа наш так сказал: «Слышал я, что ты князь достойный и славный и что земля твоя велика. Того ради прислал я к тебе от двенадцати кардиналов двух умнейших — Галда и Гемонта, чтобы ты послушал учение их о законе Божьем».

Князь же Александр, посоветовавшись со своими мудрецами, написал ему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа-царя, от власти Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения же Его и до Восшествия на небеса, от Восшествия на небеса до царствования Константинова, от начала царствования Константинова до первого собора, от первого собора до седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем». Они же возвратились восвояси.

И приумножились дни жизни его в великой славе, так как князь Александр любил иереев, и монахов, и нищих, митрополита же и епископов чтил и слушался их, как самого Христа.

Было тогда большое насилие от иноплеменников: сгоняли христиан, приказывая им ходить в походы. Князь же великий Александр поехал к царю, чтобы отмолить людей от той беды.

А сына своего Димитрия послал на Западные страны, и все полки свои послал с ним, и ближних своих домочадцев, говоря им: «Служите сыну моему, как мне самому, всей жизнью своей!»

Пошел князь Димитрий с большим войском и пленил

землю Немецкую, и взял город Юрьев, и возвратился к Новгороду со множеством пленников и с большой добычей.

Отец же его, великий князь Александр, возвращаясь от иноплеменников, остановился в Нижнем Новгороде и здесь был недолго здоров, а дойдя до Городца — разболелся.

О горе тебе, бедный человек! Как сможешь ты кончину господина своего описать! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как же не разорвется сердце твое от плача! Отца человек может покинуть, а доброго господина невозможно покинуть, если бы мог, и в гроб бы лег с ним!

Великий же князь Александр, ревнуя Господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять — схиму. И так Господу дух свой предав, с миром скончался месяца ноября в 14-й день, в день памяти святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдется ни один подобный ему князь в земле Суздальский!» Иереи и дьяконы, черноризцы, нищие и богатые — и все люди говорили: «Уже погибаем!»

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с чином церковным, вместе с князьями и боярами, и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ же толпился, желая прикоснуться к честному одру, на котором лежало его святое тело. Был же крик, и плач, и стон такой, какого еще никогда не бывало, — так что земля содрогнулась.

Положено же было тело его в церкви Рождества Святой Богородицы, в Архимандритье великой, месяца ноября в 23-й день, в день памяти святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное, достойное памяти. Когда положено было святое тело его в гроб, Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать ему руку, чтобы вложить в нее духовную грамоту. Он же сам, как живой, протянул руку и взял грамоту из рук митрополита. И объял их ужас, и едва отступили от гробницы его.

Об этом все услышали от господина митрополита и от эконома его Севастьяна.

Кто ли не удивится тому, если был он мертв и тело было привезено издалека в зимнее время! И так прославил Бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославившему святых своих во веки веков. Аминь.

Житие святого князя Александра Невского

*Вторая редакция**

Перевод на русский язык Ю. К. Бегунова

Месяца ноября в 14 день
Успение великого князя Александра Ярославича

О великом князе нашем и умном, крепкосмысленом, о храбром, тезоименитом царю Александру Македонскому, и ревнителе царя Ахиллеса, крепкого и храброго. Это же есть повесть о князе великом Александре Ярославиче, которому Бог увеличил годы жизни за его правду, продлил он ему дни в честь и славу ему

---

* Мы здесь издаем перевод текста Жития св. Александра Невского по Лихачевской рукописи, хранящейся в Архиве Санкт-Петербургского отделения Института истории России РАН, в собрании академика Н. П. Лихачева (ф. 238), № 71, конца XV в. Издание древнерусского текста было выполнено финским ученым Вильо Мансикка. (См.: *Мансикка* В. Житие Александра Невского (Разбор редакций и тексты) // Памятники Древней Письменности. Т. CLXXX. СПб., 1913. С. 59—74.) Лихачевский список, вероятно, новгородского происхождения и принадлежит 3-му виду 2-й редакции по нашей классификации. (Подробнее см.: *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XXX. Л., 1975. С. 60—72.) Филологическая особенность Лихачевского текста такова, что он по своим преимущественным чтениям сближается с текстом гиперархетипа списков Псковского-Ленинградского, тоже XV в., и 1-й редакции Жития; в упомянутом гиперархетипе уже содержалось добавленное в качестве первого предисловия к Житию «Слово о погибели Руськыя земли», памятник XIII в. Главная смысловая особенность Лихачевского текста заключена в соединении владимирского по происхождению текста 1-й редакции Жития с летописным, новгородским текстом «Сказания о князе Александре», которое читается в Новгородско-Софийском своде 1448 г. под 1240—1243, 1251 и 1262 гг. Выбор этого текста для перевода обусловлен, во-первых, тем, что текст 2-й редакции не публиковался в переводе на русский язык, во-вторых, большей информативностью 2-й редакции Жития по сравнению с 1-й.

О Господе Боге нашем я, ничтожный и грешный, мало смысля, пытаюсь описать житие святого князя Александра, сына Ярослава, внука Всеволода. Так как слышал от отцов своих и сам был очевидцем жизни его, то рад был поведать о святой, и честной, и славной его жизни. Но как Приточник говорит: «В лукавую душу не войдет премудрость, становится она на высоких местах, стоит же посреди дорог, у ворот могущественных мужей садится». Хотя и прост я умом, но молитвами святой Госпожи Богородицы и помощью святого князя Александра начало положу.

Князь этот Александр по Божьей воле родился от отца милостилюбивого и человеколюбивого, и более того, кроткого, князя великого Ярослава, от матери святой Феодосии. Как говорит Исайя пророк: «Так говорит Господь: Я ставлю князей, ибо они священны, Я руковожу ими». Воистину так: без Божия повеления не было бы княжения его, но ростом он был выше других людей, и голос его — как труба в народе, лицо же его — как лицо Иосифа, которого поставил египетский царь вторым царем в Египте. Сила же его была частью силы Самсона, и дал же ему Бог премудрость Соломона, а храбрость его — как у царя римского Веспасиана, который пленил всю землю Иудейскую. Некогда, во время осады города Иотапаты, и вышли горожане, победили войско его, и остался Веспасиан один, и прогнал войско их к городским воротам, и посмеялся над дружиной своей: «Оставили меня одного». Также и князь Александр, побеждая везде, а сам был непобедим.

Невское

Ради князя Александра и пришел некто знатный от Западной страны, от тех, что зовут себя «слуги Божии», желая повидать его в расцвете сил так же, как в древности царица Ужская приходила к Соломону, желая наслушаться мудрых речей его. Также и этот, по имени Андреяш, увидев князя Александра, возвратился к своим и сказал: «Прошел я много стран, но не встретил ни такого царя среди царей, ни князя среди князей».

Прослышав же о том, о таком мужестве князя Александра, король римской веры из Полуночной страны подумал про себя, как Александра победить и в плен взять и как Великий Новгород пленить и людей словенских себе в рабство подчинить, и сказал: «Пойду и завоюю землю Александ-

рову». И собрал войско великое, соединившись с князьями и епископами своими, и мурманами, и сумью, и емью, и наполнил многие корабли многими своими полками, и устремился в силе великой, кипя духом ратным. И пришел в реку Неву, и стал в устье Ижоры, влекомый безумием своим, желая захватить Ладогу, короче говоря, и Новгород, и всю область Новгородскую. Но преблагой и премилостивый человеколюбец Бог еще сохраняет нас и защищает нас от иноплеменников, которые понапрасну трудились без Божия повеления. Пришла ведь тогда весть, что шведы идут к Ладоге, а в то время прислал король послов своих, возгордившись, к князю Александру, в Новгород, говоря так: «Если можешь, то сопротивься мне, я уже здесь и беру в плен землю твою».

Александр же, услышав слова их, распалился сердцем и вошел в церковь Святой Софии, упав на колени перед алтарем, начал молиться со слезами святой Софии, вспоминая моления родителей своих, и заговорил: «Боже славный, Боже праведный, Боже великий, крепкий, Боже превечный, сотворивший небо и землю и поставивший пределы народам, и повелевший жить, не вступая в чужие пределы!» Но, вспомнив псаломскую песнь, сказал: «Суди, Господи, обидящим меня и побори борющихся со мной, возьми оружие и щит, восстань на помощь мне». И, окончив молитву и восстав, поклонился архиепископу. Архиепископ же Спиридон Новгородский благословил его и отпустил с миром с новгородцами. Александр же, выйдя из церкви, вытер слезы и начал ободрять дружину свою, говоря: «Не в силах Бог, а в правде. Помянем песнетворца Давида, который сказал: “Иные — с оружием, а иные — на конях, а мы имя Господа Бога нашего призовем. Они поколебались и пали”». И пошел на них в ярости мужества своего с небольшой дружиной, не дожидаясь многих войск своих и с великою силою, но уповая на Святую Троицу.

Скорбно же было слышать, что отец его Ярослав, честный и великий, не знал ничего о таком нападении на сына своего, милого Александра, не было у Александра времени послать весть к отцу, ибо уже приближались враги. Потому и многие новгородцы не успели присоединиться к нему: так спешил князь выступить.

И пошел на них в воскресенье, в день памяти шестисот тридцати святых отцов бывшего в Халкидоне собора, на память святых мучеников Кирика и Улиты и святого князя Владимира, крестившего Русскую землю.

О Пелгусии Ижерянине

Был некий муж, старейшина земли Ижорской, по имени Пелгусий. Имел же он веру великую и надежду на святых мучеников Бориса и Глеба. Поручен же был ему морской дозор. Воспринял же святое крещение и жил среди рода своего, который оставался в язычестве, и наречено было имя ему в святом крещении Филипп. Жил он богоугодно, соблюдая пост в среду и пятницу. Потому и сподобил его Бог видению страшному. Расскажем вкратце.

Разведав о силе войска, он пошел навстречу князю Александру, чтобы рассказать князю о станах их, нашел ведь он их. Когда стоял Пелгусий на берегу моря и стерег оба пути, он не спал всю ночь. Когда же начало восходить солнце, он услышал на море страшный шум и увидел одну ладью, плывшую по морю, а посередине ладьи — святых мучеников Бориса и Глеба, стоящих в одеждах багряных и державших руки на плечах друг друга, и гребцы сидели, словно окутанные облаком. И сказал Борис: «Брат Глеб, вели грести скорее, да поможем сроднику Александру». Увидев же такое видение и услышав слова мученика, стоял Пелгусий, потрясенный, пока ладья не скрылась из глаз его. Потом же поехал скоро ко князю Александру. Тот взглянул радостно на Пелгусия, и Пелгусий поведал ему одному то, что видел и слышал. Князь же ему сказал: «Об этом не рассказывай никому».

После того решился напасть на них в шестом часу дня. Это было в 6745 (1240. — *Ю. Б.*) году. Была сеча великая с латинянами, перебил их бесчисленное множество и самому королю возложил печать на лицо острым своим копьем.

О шести мужах и храбрых

Здесь же в полку Александровом отличились шесть мужей храбрых, которые крепко бились вместе с ним.

Первый по имени Гаврило Олексич. Этот напал на судно и, увидев королевича, которого тащили под руки, въехал по мосткам, по которым всходили, до самого корабля, и побежали на корабль. Затем обернулись и сбросили его с мостков с конем в Неву. Он же с Божьей помощью выбрался оттуда невредимым, и снова напал на них, и бился крепко с самим воеводою посредине полка их. И здесь убит был воевода их Спиридон, и епископ их был также убит.

Другой — новгородец, по имени Сбыслав Якунович. Этот

не раз нападал на войско их и бился одним топором, не имея страха в сердце. И многие пали от руки его. И подивились силе его и храбрости.

Третий — Иаков Полочанин, был ловчим у князя. Этот напал на врагов с мечом и мужественно бился, и похвалил его князь.

Четвертый — новгородец, по имени Миша. Этот пеший с дружиною своею напал на корабли и потопил три корабля латинян.

Пятый — из младшей дружины, по имени Савва. Этот напал на большой, златоверхий шатер и изрубил шатер. Воины же Александровы, увидев падение шатра того, обрадовались.

Шестой — по имени Ратмир. Этот бился пешим, и окружило его много врагов. Он же от многих ран упал и скончался.

Обо всем этом слышал я от господина своего Александра и от других, кто в то время участвовал в той сече.

Было же в то время чудо дивное, как в древние времена при Езекии царе, когда пришел Сенахирим, царь ассирийский, на Иерусалим, стремясь захватить святой город, и внезапно появился ангел Господень, перебил 185 тысяч воинов ассирийских. И когда наступило утро, нашли трупы их. Так же было и после победы Александра, когда победил короля: на другом берегу реки Ижоры, где полки Александра не могли пройти, нашли многое множество врагов, перебитых ангелом Божиим. Оставшиеся же бежали, посрамленные. Много же трупов погибших своих лучших мужей набросали в три корабля и потопили в море, а для прочих выкопали ямы и набросали в них без числа.

А новгородцев здесь пало: Константин Луготинич, Юрята Пинещинич, Намест, Дручила Нездылов, сын кожевника, а всех мужей — 20 и с ладожанами, или меньше, Бог знает. Князь же Александр с новгородцами возвратился с победою, пришли домой, сохраненные Богом и Святой Софией, хваля и славя имя своего Творца, Отца, и Сына, и Святого Духа.

На следующий год после возвращения князя Александра с победой пришли опять те же от Западной страны и построили город на земле Александровой — Копорье. Когда Александр уехал в Суздальскую землю, в Переяславль, то он там хотел утешить народ и помочь ему, но, вынужденный приехать в Новгород, вышел немедля на немцев с новгородцами, срыл город их до основания, а самих избил, а других с собою повел, а иных, помиловав, отпустил, ибо был он милостив свыше меры. А вожан и чудинов, изменников, перевешал и отъехал на Русь.

На третий год после победы Александра над королем в зимнее время собрались немцы той страны и пришли на новгородский город на Плесков, и плесковский полк победили, и судей своих посадили в Плескове. И услышав об этом, Александр сильно оскорбился за кровь христианскую по Святой Софии и Святой Троице, и не замедлив нимало, взяв с собой братьев своих и мужей своих, пришел в Новгород и поклонился Святой Софии также с мольбой и плачем.

Ледовое

Пошел князь Александр с новгородцами и низовцами на землю Немецкую с большим войском, чтобы не похвалялись они, говоря: «Подчиним себе словенский народ!» Ведь уже взяли город Псков и тиунов своих посадили. И князь Александр перекрыл все дороги к Пскову, занял Псков, схватив немцев, и заковал чудинов, а судей немецких отправил в Новгород. А город Псков освободил от пленения, а землю их разорил и пожег, и пленных взял без числа, а других порубил. Они же в городе собрались и решили: «Пойдем, победим Александра, возьмем его в плен!» Когда же приблизились враги, узнали об этом дозорные Александра. А сам князь Александр поклонился Святой Троице и пошел на землю их, на чудь, желая отомстить за кровь христианскую. И когда были они в их земле, то распустил полк весь по селам. Домаш Твердиславич и Кербет находились в разведке, и убили здесь Домаша, брата посадника, мужа честного, и других с ним убили, а иных в плен взяли, а многие ко князю прибежали в полк. И услышав об этом, мейстер вышел против них со всеми епископами своими и со всем множеством народа своего, и со властелями, что ни есть в той стране, и с помощью королевскою, и собрались на озеро, называемое Чудское. Князь же отступил на озеро, а немцы и чудь пошли за ним. Когда это увидели князь Александр и новгородцы, то выстроили полк на Чудском озере, на Узмени, у Воронья камня. Укрепившись силою крестною, ополчились, пошли назад, и покрылось озеро Чудское множеством воинов той и другой стороны. Отец же его Ярослав прислал к нему на помощь младшего брата его Андрея с большой дружиной. У князя Александра было также много храбрых мужей, как в древние времена у Давида-царя было сильных и крепких воинов. Также и мужи Александровы исполнились духа ратного, ибо сердца их были, как у львов, и сказали они: «О княже наш славный! Ныне настало время

положить свои головы за тебя!» Князь же Александр, воздав руки к небу, воскликнул: «Суди, Боже, и рассуди распрю мою с народом велеречивым, помоги мне, Господи, как Ты помог в древние времена Моисею победить Амалика, и прадеду моему Ярославу победить окаянного Святополка».

Была же тогда суббота. Когда взошло солнце, сошлись оба войска, и набросились на полк немцы и чудь, и пробили свиньею полк насквозь. И была злая и великая сеча немцам и чуди. И раздавался такой треск от ломающихся копий и звон от мечей, будто замерзшее озеро двинулось, и не было видно льда, ибо покрылся он кровью.

И слышал я это от очевидца, который мне рассказал, что видел воинство Божие в воздухе, пришедшее на помощь Александру. И так победил их помощью Божьей, святой Софии и святых мучеников Бориса и Глеба, которые нас ради прежде кровь свою пролили. И обратились враги в бегство, и гнали и секли их, словно неслись они по воздуху; и некуда было тем бежать, и били их семь верст по льду до Суболицкого берега, и пало немцев девятьсот, а чуди без числа, а других живыми в плен взяли — 50 — и привели в Новгород, и третьи утонули в воде, а четвертые — раненые — поспешно убежали. И бились месяца апреля 5, в день похвалы Святой Богородице. Здесь же прославил Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона. А тех, кто говорил: «Возьмем Александра в плен», — этих предал ему Бог в руки его, и не нашлось никого, кто мог бы когда-нибудь воспротивиться ему в битве. И возвратился Александр с победою славною, и шло многое множество пленных в войске его, и вели их босыми возле коней, тех, кто называл себя «Божии рыцари». Когда подошел князь Александр к городу Плескову, то игумены и попы в ризах с крестами и весь народ встретили его перед городом, воспевая хвалу Богу и славу Господню князю Александру: «Помог Ты, Господи, кроткому Давиду победить иноплеменников и верному князю нашему силою креста освободить город Плесков от иноязычных, от иноплеменных, рукою Александровою».

«О неразумные псковичи! Если забудете об этом и до правнуков Александровых, то уподобитесь тем иудеям, которых накормил Господь в пустыне жареными перепелами и которые обо всем этом забыли, как забыли и Бога, освободившего их из египетской неволи Моисеем. Это я вам говорю: если кто придет и напоследок из потомков моих, или прибежит кто в печали, или так жить станет во Пскове, а вы его не примете или не почтете, то назоветесь вторыми иудеями».

И стало славиться имя Александрово по всем странам от моря Варяжского и до моря Понтийского, и до моря Египетского, и до страны Тивериадской, и до гор Араратских, и по обе стороны моря Варяжского и гор Аравийских, даже и до Рима великого. Распространилась же слава о его имени среди тысячи и среди тьмы тем.

И так возвратился он в Новгород с победою великой.

В то время умножился народ литовский, и начали разорять волости Александровы. Он же, выехав на них, стал избивать их. Случилось ему однажды выехать на врагов, и побил он семь полков ратных за один выезд, и множество князей и воевод их избил, а других взял в плен, слуги же его, издеваясь, привязывали литовцев к хвостам своих коней. И стали они с тех пор бояться имени его.

И потом опять пошел на страну Емскую, и прошел горы непроходимые, и завоевал Поморье, и снова возвратился в землю свою со множеством пленных. И прославилась земля Александра страхом грозы его.

В то же время был некий сильный царь из Восточной страны, послал послов к князю Александру и приказал сказать так: «Александр, разве ты не знаешь, что Бог покорил мне многие народы? Ты один не хочешь покориться силе моей! Но если хочешь уберечь землю свою, то немедля приходи ко мне, чтобы увидеть славу царства моего».

Князь же Александр пришел во Владимир после смерти отца своего с большим войском, и был грозен приезд его. Промчалась весть об этом до самого устья Волги, стали жены моавитские пугать детей своих, говоря: «Александр едет!»

Задумал же князь Александр поехать к царю в Орду, и благословил его епископ Кирилл. И, увидев его, царь Батый подивился и сказал вельможам своим: «Правду мне говорили, что нет князя, подобного ему». Воздав же достойные почести ему, отпустил его с честью.

И потом разгневался царь на брата его младшего Андрея, и послал на него воеводу Неврюя разорить землю Суздальскую. И после Неврюева нашествия князь великий Александр церкви восстановил, и города отстроил, и людей разбежавшихся собрал в дома их. Хорошо сказал о таких Давид-пророк: «Отцам подобны сыновья их». Исайя сказал: «Князь хороший в странах — не ищет богатства и не презирает крови праведников, сирот и вдовиц судит по правде, любит милость, а не злато, добр к домочадцам своим и к посторонним, и гостеприимен к приходящим из других стран. О таковых Бог заботится и наделяет землю его богатством и славой, и продлевает Бог жизнь ему».

О смерти Ярослава

Это ведь после первого великого нашествия татарского отец его великий князь Ярослав восстановил землю Суздальскую, и церкви очистил от трупов, и кости схоронил, многих пришельцев утешил и множество людей собрал. Чтобы защитить христиан от насилий поганых, великий князь Ярослав себя не пощадил, отдал свою жизнь за своих людей в великой, темной и пагубной земле, и, много пострадав за землю отчизны своей, оклеветан был Федором Яруновичем, и, немало суровых дней претерпев, так с миром дух свой испустил. Также и сын его Александр повторил путь отца своего, отдавшего жизнь за людей своих, ради них от много соблазнов испытал, ездя к иноплеменникам. Будучи в великой чести, себя не пощадил, так как не только все богатство свое раздавал иноплеменникам, но и поросли сердца своего не пожалел, за христиан иноплеменникам отдал, избавляя от беды и напасти и от плена.

Некогда же пришли к нему послы от папы из великого Рима, так говоря: «Папа наш так сказал: “Слышал я, что ты князь достойный и славный и что земля твоя велика. Того ради прислал я к тебе от двенадцати кардиналов двух умнейших — Галда и Гемонта, чтобы ты послушал учение их о законе Божьем”».

Князь же Александр, посоветовавшись со своими мудрецами, написал ему, так говоря: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения народов до Авраама, от Авраама до прохода Израиля сквозь Красное море, от исхода сынов Израилевых до смерти Давида-царя, от начала царствования Соломона до Августа-царя, от власти Августа и до Христова Рождества, от Рождества Христова до Страдания и Воскресения Господня, от Воскресения же его и до Восшествия на небеса, от царствования Константинова и до первого собора, от первого собора и до седьмого — обо всем этом хорошо знаем, а от вас учения не приемлем». Они же возвратились восвояси.

И приумножились дни жизни его, так как князь Александр любил иереев, и нищих, и монахов, митрополитов же и епископов чтил, как самого Христа.

Некогда были посланы войска брать в плен христиан, было же тогда большое насилие от поганых, и сгоняли христиан, приказывая им ходить в походы. Князь великий Александр поехал к царю, чтобы отмолить людей от той беды.

А брата своего младшего Ярослава и сына своего Димитрия с новгородцами послал на Западные страны, и все пол-

ки свои с ними, с племянником своим и с зятем Александровым Константином, и с князем полоцким Товтивилом, а с ним полочан и литовцев 500, а новгородского войска без числа. И встали под городом под Юрьевом, а город был крепким, в три стены, и множество людей в нем всяких, и таким образом их город был защищен крепко, но сила честного креста всегда побеждает тех, кто творит неправду, так было и с этим городом: в ничто обратилась крепость та, и помощью Божиею одним штурмом был взят город великий Юрьев Немецкий, и многих людей того города убили, а других взяли в плен, а третьих в огне сожгли — и жен, и детей их. И возвратились восвояси с большой добычей, и со множеством пленников, и с великою честью.

Князь же великий Александр в тот же текущий год выехал от иноплеменников и доехал до Новгорода Нижнего, и здесь был недолго здоров, а дойдя до Городца — разболелся.

О кончине Александровой

Горе тебе, бедный человек! Как сможешь ты кончину господина своего описать! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как же не разорвется сердце твое от плача! Отца человек может покинуть, а доброго господина невозможно, если бы мог, и в гроб бы лег с ним!

Князь Александр, ревнуя Господу крепко, оставил земное царство и стал монахом, ибо было его самым большим желанием сверх меры принять ангельский образ. Сподобил же его Бог и высший чин принять — схиму. И так Господу дух свой предав, с миром скончался месяца ноября в 14-й день, в день памяти святого апостола Филиппа.

Митрополит же Кирилл говорил князьям, боярам и людям: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже ведь не найдется ни один подобный ему князь в земле Суздальской!» Иереи, и дьяконы, и черноризцы, сироты и нищие, богатые и все люди многие говорили, причитая: «Уже погибаем!»

Святое же тело его понесли к граду Владимиру. Митрополит же с чином церковным, вместе с князьями и боярами и весь народ от мала до велика встретили тело в Боголюбове со псалмами и песнями, со свечами и кадилами боговдохновенными. И народ же толпился, желая прикоснуться к честному одру святого его тела. Был же плач великий, и стон, и крик такой, какого еще никогда не бывало — так что земля содрогнулась.

И положено было тело его в церкви Рождества Святой Богородицы, в архимандритье великой, месяца ноября в 23-й день, в день памяти святого отца Амфилохия.

Было же тогда чудо дивное и достойное памяти. Когда положено было святое тело в гроб, эконом же Севастьян, Кирилл-митрополит приступили и хотели разжать его руку, чтобы митрополит вложил в нее духовную грамоту. Он же сам, как живой, протянул руку свою и взял грамоту из рук митрополита. И объял их ужас великий, когда отступили от гробницы его.

Об этом все услышали от Кирилла митрополита святителя и от эконома его Севастьяна.

Услышав обо всем этом, братья, кто ли не удивится тому, если был он мертв и тело было привезено издалека в зимнее время! И так прославил Бог угодника своего. Богу же нашему слава, прославившему святых своих во веки веков. Аминь.

Исповедание веры святого и благоверного великого князя Александра Невского

(из Жития святого Александра Невского в редакции Ионы Думина 1591 года)*

Вера наша есть Отец, Сын и Святой Дух, Троица во единстве и единство в Троице.

Не в три, ведь, Бога мы веруем, но в единого Бога в едином существе и Божестве. Ведь единое Божество это и есть Троица, и Троица — единое Божество. Разделяем же мы Троицу на три переходящие одно в другое нераздельные и совокупные в единстве ипостаси, не созданные и не смешавшиеся, но божественные и сверхбожественные, видимые всеми, а отнюдь не искусственно созданные, непостижимые и непонятные, творящие, а не сотворенные, живые сами по себе, самобытные, безначальные, всегда сущие, бесконечные. Всему творению, видимому и невидимому, мы покланяемся. От него же все и происходит и в него все входит: тождество ведь и единство мы исповедуем в Троице и Троицу славим в тождестве и в единстве, Отца же не прежде Сына разумеваем: ведь не было Отца, когда не было Сына, и, наоборот, не было Сына, когда не было ни Отца, ни Сы-

---

* Перевод с древнерусского языка выполнен Ю. К. Бегуновым по изданию: *Хитров М. И.* Великий князь Александр Невский. Л.: Лениздат, 1992. С. 301—302.

на без Духа Святого. Но все вместе они есть: Отец и Сын, и Святой Дух; Отец, родивший Сына, не есть рожденный Сын, от Отца родившийся безначально, а не рожденный; Дух же Святой, исходящий от Отца и в Сыне опочивший, не является только родившимся или рожденным. Тремя составами, считающимися нераздельными, исповедуем мы Божество тождественно, равноценно, самовластно и единовластно, в ипостасях Его славим. Веруем же без сомнений в единство Единосущной Троицы, и из того же естества появившегося Сына Божия, а не из иного, а Того, который от Приснодевы Марии ради нас родился неизреченно, и в нашу плоть совершенно облекся, исповедуем истинно, одушевленно, умно, словесно. Человеком же совершенным и истинным считаем Его, состоящего из двух естеств и в двух волях, обладающего двумя желаниями и действиями, нераздельного от Отца и Святого Духа, который на этой земле во плоти пожил, но вместе с тем с Отцом и Святым Духом и на небе, и на земле, не отступив от Них, если бы Он был, но принят Ими, если бы Он не был, пребывает же Он в них обоих совершенно, в Божестве, говорю, и в человечестве. Единое сыновство принял, а не двойственное: ведь он единственный Сын Божий и Богородицы. Принял по своей воле и пострадал плотью, а не Божеством ради нас, согрешивших, на кресте от жидов кровью своею очистив нас от греховной скверны. Не только Он весьма доволен был человеколюбия ради милостью своей, когда на кресте распят был нас ради, но и смертию своей Он доволен был ради нашего спасения. И в ад Он сошел и там отступившего дьявола вместе с его отступной силой неразрывными узами повязал и ад пленил, и смерть победил и испокон веков там спящих, Адама, всех пророков и праведных, оттуда вывел вместе с Собою, воскрес на третий день. Сам же он воскрес в той же плоти, которую от нас принял, и не оставил ее в аде и не другую принял, как думают еретики, но в той же самой воскрес, в нашей, говорю, в которой родился от Богородицы, и в ней же на небеса вознесся и сел справа от Отца, рядом со Святым Духом.

Его мы ожидаем пришествия и Страшного Суда, когда он придет судить живых и мертвых и воздаст кому что положено по его делам. Ожидаем мы воскресения мертвых и жизни будущего века.

Приснодеву же Марию, Матерь Его Богородицу, называем истинной подобно тому, как от Той Сына, родившегося Бога, открыто исповедуем, так и Эту, родившую Того, Богородицей, без сомнения, зовем. По божескому ведь Она —

Богородица, а по-царски — Царица, а по владычному — Владычица. По Его воле и желанию Отца, Того Сына Отца и Богородицы, действием Святого Духа породил без участия мужчины, неизреченно и неведомо, и недоуменно, но только для нас, земных людей, что недостижимо и непонятно даже небесным существам, то есть ангелам, херувимам и серафимам. Это одному только известно Родившемуся от Нее.

Храним мы с великим тщанием честным иконам поклонение. Храним не просто то, что видим на доске, изображенное красками, но образу честно поклоняемся, как говорят, первообразному лицу: чей образ написан, тому и воздаем поклонение. Христову же Богоначертанному изображению поклоняемся как образу Божию Сына Божьего, принимая во внимание милосердное Того к нам с неба сошествие, воплощение и жизнь на земле, и на кресте страдание ради нас, грешных, и в ад сошествие, и смерти вкушение, и тридневное из мертвых Воскресение, и на небеса преславное Его Вознесение, на престоле с Отцом и Святым Духом во плоти Его сидение, и избавление нас от смерти, и всеми милостями от Него нам, людям согрешающим, благоволение.

Всемудрой же премилостивой Богородицы, Матери Его, честно чтим образ Ее святой, как будто бы сами Ее умственно воображаем, честное поклонение образу Ее святому творим, за то, что Та Сына Божия и Бога плотью своей нам породила, а мы, земные, к Богу присоединяемся и с ангелами вместе хотим жить. Это Она с земли на небо показала нам путь, древом жизни напитала нас и хлебом небесным утробы наши насытила и от смерти нас избавила, и прощение грехов нам даровала, и в рай к себе жить пригласила, царство нам открыла и все блага небесные и земные вместе с Сыном нам даровала.

Святых же и угодников мы чтим как святых Божиих угодников, так как они всему миру наставники благодати являются. Они на земле своей небесной жизнью стали ангелам сопричастниками, и о нас к Богу ходатаями, и искренними молитвенниками, и христианскими заступниками от всяких зол.

Мы придерживаемся честно поучений святых апостолов и святых вселенских и поместных соборов отцов и честно храним жития прочих святых отцов. Это и есть наша вера.

А кто не так верует и не поклоняется образам святых, и не почитает написанных нами первообразных и честных икон, как это делают преокаянные латиняне, мы проклинаем!

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Служба святому Александру Невскому. Вторая редакция. Конец XVI в.

Перевод на русский язык Ю. К. Бегунова

Служба св. Александру Невскому — большое музыкальное, гимнографического жанра произведение Древней Руси, написанное в середине XVI в. монахом Владимирского Рождественского монастыря Михаилом. В 80-е гг. XVI столетия она дополнялась в том же монастыре архимандритом Ионой Думиным. Так возникла 2-я, пространная редакция Службы, предназначенная для широкого служебного обихода. Источниками текста Службы были тексты из летописей и из житий св. Александра Невского, а также книги Священного Писания; использовались тексты из Псалтыри царя Давида, песнопения о Пресвятой Богородице, о пророке Данииле и о трех отроках, в печи не сожженных, о пророке Моисее и др. Обращает на себя внимание широкое сравнение Пресвятой Богородицы со св. Александром Невским, как бы объединенных в одном ряду церковного почитания с целью прославления Русской земли и града Владимира как Дома Пресвятой Богородицы и св. Александра Невского.

В поэтическом музыкальном тексте имеется много киноварных помет и знаков, специальных слов и фраз киноварью (суриком), которые указывают на его многообразное использование в многоголосых хоровых службах в храме и в духовных концертах вне храма, вроде «Веселися Ижорская земля».

Перевод с древнерусского языка выполнен по тексту старопечатной книги «Минея служебная. Месяцы сентябрь, октябрь и ноябрь» (М., без года) из библиотеки автора. Последние листы книги — лл. 407—411 — утрачены и восстановлены рукописными вставными листами XVIII в. Утраченный текст на л. 404 восстановлен по старопечатному изданию: Минеи тримесяцы. М., 1666, по экземпляру из Отдела старопечатных книг Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Шифр IV.3.4. Л. 421—421 об.

В тот же день [ноября 23-го]* святого благоверного великого князя Александра Невского и Всея Русии чудотворца, нареченного в иноках Алексия. [28-я глава]**

На малой вечерне стихиры, глас 1-й. Подобен «Прехвальные мученики»***.

От благочестивого корня святопомазанная розга происшедшая, премирно благоухая верою от душ почитающих тебя, о которых же ты, блаженный, молись Христу с ангелами, чтобы они даровали мир и великую милость. [Дважды.]

От земного всего отказавшийся, к небесным духам ты присоединился, тем самым продолжив жизнь бесплотных и

* Добавлено на поле книги.

** Добавлено на поле книги.

*** Здесь и далее выделены написанные киноварью слова, относящиеся к порядку ведения Службы, к выбору музыкальной основы, к порядку ведения чтений и песнопений Службы.

со святыми всеми водворился, с ними же, преподобный, Христу молись, дабы память твоя творящим дала мир и великую милость.

Благочестием и верою пресветло украшенный, как благочестивый скипетроносец и достойнейший, и преименитый, ты был Пресвятой Троице поборник, от которой просветился, светом чудес на миру провоссиял и молитвенником явился ради душ наших.

Слава, глас 6-й

Преподобный отец Александр, ты, с детских лет возлюбив Христа, был Богоименитым венценосцем, преподобием и правдою светло украшенным, милостынями и чистотою, и стал ты пространным селением Духу Святому, которому ты непрестанно молился, чтобы сохранилось отечество твое и город твой от поганых непобедимым был и чтобы сыновья русские спасались.

«И ныне празднику», глас 8-й

Давид провозглашал Тебя, Пречистая, предвидя священство входа Твоего в церковь, в которой все сегодня празднуют, славословя, Тебя, Всепетая, которая до Рождества была Девою и после Рождества стала Матерью Слову Жизни. Сегодня в церкви Захария веселится, восприняв Тебя, Владычица, и Святых Святая радуется, восприняв Тебя как источник Жизни нашей. Потому и мы с песнопениями умоляем Тебя: моли о нас Сына своего и Бога, чтобы Он даровал нам великую милость.

На стиховне. Стихиры, глас 2-й. Подобен «Доме Евфрафов»

В Дом Святого Духа с помощью благодати Александр явился, потому мы нынче собравшиеся о том воспоем песнь.

Стихира «Честна пред Господом смерть преподобных Его»

Радуйся царям русским похвала и воинам соблюдение, варварам побеждение, сиротам и вдовицам заступление и граду нашему утверждение!

Стихира «Блажен муж, боящийся Господа, заповеди Его весьма чтущий»

Приму ныне пение людей твоих, блаженный, молящихся тебе. Упроси у Христа избавление от грехов и восхвалим мы тебя ныне.

Слава, глас 8-й

Богомудрый Александр, великий князь, блажен ты, так как блаженство наследовал, из-за него отказавшись от всего земного, и постоянно блаженство взыскуя, ты нищих обеспечил, сирот напитал, пленников освободил. Потому ты вызвал неизбывную радость у Господа своего, возле которого

ты с ангелами стоишь. Молись за тех, кто с верою воспевает тебя и просит об увеличении щедрот подающихся и об избавлении от грехов.

«И ныне празднику», глас 4-й

Приходите все верующие и Единую Непорочную восхвалим, ту, которую пророки провозвестили и в церковь привели, которую с древнейших времен нарекли Матерью и в последние годы явившуюся — Богородицей, Господи, молитвами Ее: мир свой дай нам и великую милость.

По том. Тропарь, глас 4-й

Благочестивого корня пречестной отраслью был ты, блаженный Александр. Явил ведь тебя Христос Русской земле нового чудотворца как некое сокровище преславное и богоприятное. Потому сошедшиеся с верою и любовью в псалмах и песнопениях, радующеся, славят Господа, давшего тебе благодать и исцеление, Его же молим сохранить этот град и державу сродников твоих богоугодно и с сыновьями русскими спастись.

Слава, «И ныне празднику». Тропарь, глас 4-й

Ныне благоволение Божьего Преображения и проповедание людского спасения в церкви Божии Дева ясно являет и Христа всем благовествует. К Ней мы велегласно воспоем: Радуйся явление Создателева исполнения!

Также Ектенья малая «Помилуй нас, Боже» и отпуст. На великой вечерне стихосложением «Блажен муж», 1-й Антифон на «Господи воззвах». Стихиры на 8-й, «Празднику» 3-й, и «Александру», 5-й. Стихиры «Александру», глас 2-й. Подобен «Кыми похвальными».

Какими похвальными венцами увенчаем блаженного Александра, царям ли благочестивым державы, или князьям православным в похвалу, дивного в чудесах бесплотным сожителя, источника божественных исцелений неисчерпаемого, из-за чудес многих и явлений дарований духовных, благодаря которым Христос дарует земле Русской мир и великую милость! [Дважды.]

Какими похвальными венцами увенчаем блаженного Александра за благочестивое управление, еретических учений обличение, церкви святой украшение, врача премудрого и богоприятного, исцелившего недуги и болезни наши, благодаря которому врагов шатание имеющий великую милость Христос прекратил!

Какими смиренными устами прославим Александра Премудрого, солнце пресветлое Всечестной Троицы, молитвенника, печальным утешение и отчаявшимся заступника, похвалу земли Русской, дающей милости поистине, и больным

врача бескорыстного, смирения Христова подражателя, подающего нам великую милость!

Какими духовными песнями воспоем преславное светило незаходящее, солнце мысленое, правде правило, веселие земли Русской и крепость граду нашему и укрепление, и сиротам напитателя, обидимым заступника, столпа пресветлого, просвещающего нас чудно светлостями и подающими великую милость!

Слава, глас 6-й

Каждый город и страна порадуйтесь славному городу нашему и псаломски вместе восплещем руками, духовное торжество ныне празднующе. Это ведь дивный наш врач и спаситель, Александр Великий, небесного врачевства исцеления предлагает и к непрестанным исцелениям тихо созывает не хитростями человеческими, не принуждением, но действиями Святого Духа, душевное и телесное исцеление более естеству подавая, его же и приемлюще довольно каждый род и возраст в словах Христа Бога, который дал нам Александра ради великой милости своей.

«И ныне празднику», глас 8-й

После Рождества Твоего, Богоневеста Владычица, приди в церковь Господню воспитаться в Святая Святых как освященная. Когда Гавриил был послан к Тебе, Всенепорочная, пищу Тебе принести небесную, все удивились, увидев, что Дух Святой в Тебя вселился. Потому Ты, Пречистая, и Нескверная, и на небесах, и на земле славима. Матерь Божия, спаси род наш!

Выход. Прокимен «Дню чтений», 3-й. Преподобнические. Писаны сего месяца, в 19-й день, Иоасафу царевичу «На исхождение». Стихиры, глас 3-й. Подобен «Поставиша».

Земля наша и страна блаженно чудеса твои возвещает и воспевает их всюду. Христос ведь тебя нам как светильника являет, просвещающего души наши.

Глас 4-й

Цари и князья вместе с богатыми и убогими, радуйтесь, светлое ныне торжество празднуя общего заступника. Блаженного Александра воспевайте, истинные безмолвники и простые люди как общего заступника и помощника, и молебника о душах наших.

Другие стихиры, глас 5-й. Самогласны

Богоприятный и преподобный Алексий, от колыбели святым Богу наречен, благими делами светло украшенный, милостынями и чистотою. И сосудом Святому Духу был, с помощью которого являет преславные свои чудеса тем, кто с верою приходят к святому твоему граду.

Боговенчанный Александр, царям держава светоносная, князьям похвала многохвальная, христианам поборным непобедимый, ради которых, когда он жив был, душу свою полагал, а после смерти — отечество свое сохранял, помогая сроднику своему царю нашему против агарян и молитвами своими споспешествуя.

Богомудрый Александр Преподобный! Когда ты рвением Божиим разжегся, шествовать в землю Неведущих Бога не отказался, и там своим приходом удивил безбожного царя. Христоименитым людям ты — тишину исходатайствовал, потому и ныне к Богу ходатайствуй о нас, чтобы Он помиловал нас в День Судный.

Слава, глас 2-й

Приходите богоименитые соборы: богопочтенные цари и князья, вместе со святителями и составьте псаломскую песнь божественному сему венценосцу Александру так воспевая:

Радуйся, Троицы поборник великоименитый!

Радуйся, крестоносным царям похвала боговенчанная!

Радуйся, христианам рог богоносный, о которых он Христу молился постоянно, умоляя даровать мир и великую милость!

«И ныне празднику», глас 5-й

Воссиял день радостный и праздник всечестный! Ныне, как прежде Рождества, так и после Рождества, Девою пребывши, Девою же в церковь Господню приводится! И радуется Захария-старец, родитель Предтечи, и весело воспевает:

Приблизилась Предстательница Скорбящим в церковь святую как святоосвященная в обиталище Всех Царя!

Веселится Иоаким-праотец и Анна радуется, как принесшие Богу трехгодовалую телушку, Непорочную Владычицу.

Матери, сорайдутесь, девы, взыграйте и неприносящие плоды, возликуйте, так как открыла нам небесное царство пронареченная Всецарица!

Радуйтесь люди и возвеселитесь!

На стиховне, стихиры, глас 1-й. Подобен «Небесным чинам»

Подобно великому солнцу явился блаженный во вселенной, чудесами страшными просвещая весь мир. Потому все сошедшиеся пусть прославят Христа, спасающего нас от бед молитвами твоими.

Стих «Честна пред Господом смерть преподобных Его»

Светом сияя божественной благодати и чудодействуя непрестанно, и ныне моли Христа Бога, блаженный Александр, избавить от бед души наши.

Стих «Блажен муж, боящийся Господа, в заповедях Его весьма чтущий»

Ни от Рима он воссиял, ни от Сиона, богомудрый, но в Русской земле явился чудотворец преславный, давая исцеление неоскудное всем приходящим с верою.

Слава, глас 1-й. Самогласен

Радуйся и веселися город Владимир и светло торжествуй и ликуй, Христова церковь, в которой положено честное тело блаженного Александра, тело дорогое, тело преславное, тело чудеса источающее всем приходящим с верою.

Приходите, верующие, поклонимся, идите и соберитесь и псаломскими песнями того прославим, радуясь, и облобызаем честно мощи дивного врача нашего, доставляющие опечалившимся постоянно утешение, а отчаявшимся — надежду, похвалу — земле Русской, пособника против врагов благочестивому царю и всем людям заступника и молитвенника о спасении душ наших.

«И ныне празднику», глас 6-й

Ныне, когда соборы верующих сошлись, мы духовно воспеваем и Богоотроковицу Деву и Богородительницу, которую привели в церковь Господню, благочестно восхвалим Избранную от всех родов в обиталище Всех Царя Христа Бога.

Девы, несущие свечи, приходите, чтуще Приснодевы честное происхождение. Матери, печаль всю отложите и с радостью последуйте за Матерью Божией истинной и радости мира ходатайнице. И все радостно «Радуйся» с ангелами воспоем Обрадованной, ныне молящейся о душах наших.

На благословение хлебов тропарь святому. Дважды. Если нет бдения, говорим тропарь «Александру». Дважды. Слава и «ныне праздники» писаны на малой вечерне. На утрене на «Бог Господь» — тропарь, праздники — дважды слава святому, и «ныне праздник». По 1-й стихологии седален, глас 4-й под «Удивися Иосиф».

Радуйся, яко второй Солунь, в Русской земле город Владимир, и любезными песнями вкупе прославляй божественную церковь, в которой лежит пречестное тело Александра Премудрого, блаженного.

Дает он всем различные исцеления, и потому мы возглашаем: Молитвами твоими, блаженный, исцели недуги и болезни наши и избавь нас от всяческих искушений с верою и любовию память твою восхваляющих.

Дважды слава. «И ныне праздник, глас 1-й. Подобен «Камени знаменованному»

Будучи Святая Святых Богородица, достойно Ей привелось жить во Святая, так как одушевлен Господен ковчег, и

Святого Духа воистину вместилище, божественное, Девомати. И потому вселился в Тебя Отцу Единородный и Святому Духу соестественный Твой Сын, не искусом мужним обоготворив все человечество.

По дважды стихологий, седален, глас 3-й. Подобен «Красоте девьства»

Благодарно молимся все Христову угоднику, милостивому, незлобивому и кроткому, прилежно молящеся ему с любовью: Разрушь брань страстей наших и отгони бесовские мечтания, блаженный, и моли Христа Бога даровать нам великую милость.

Дважды слава. «И ныне праздник», глас 4-й. Подобен «Явися днесь»

Веселием ныне вселенная вся наполнилась в благонарочитом празднике Богородицы, воспевая: Та есть сень небесная, похвалите имя Господне.

Припев: Ублажаем тебя, преподобный отец князь Александр, и чтим святую память твою. Ты ведь молишь за нас Христа Бога нашего.

Псалом «Терпя потерпех Господа». По полиелеосе, седален, глас 8-й. Подобен «Премудрости на перси»

Дух святой тебя, блаженный, наставил отечество твое пасти на пажитях спасенных. И Христос светильником тебя назначил явно, и потому ликуй и веселись с дерзновением, так как двойной венец от Венцедавца принял.

Дважды слава. «И ныне праздник», глас 4-й

Прежде, братия честная, освятися Богом и Рожденная на земле дар принесла Ему, исполняя обещание Отцу в божественном же храме, так как воистину божественная церковь с младенчества со свечами светлыми была отдана и явилась пристанищем неприкосновенному и божественному свету. Великое воистину происхождение Твое, единственная Богоневеста.

Степенна, глас 4-й, антифон 1-й. Прокимен «Честна пред Господом смерть преподобных Его». Стих «Что воздам Господеви о всех, яже воздаст мне всяко дыхание». Евангелие от Матфея, зачало 43. После него — псалмы, стихира, самогласна, глас 6-й

Приходите все люди, хвалу принесем блаженному, так воспевая:

Радуйся, пресветлый столп, просвещая нас светлостью чудес!

Радуйся, блаженное облако, которое гасит пламень страстям и орошает верующих мысли, божественный Александр!

Канон празднику по ирмосам, на 6-й, и святому два канона на 50-й. Канон Александру, глас 4-й, песнь 1-я, ирмос

Моря Чермного пучину немокрыми стопами древле перешел Израиль, крестообразно Моисеевыми руками Амаликову силу в пустыни победил.

Припев: Преподобный отец князь Александр, моли Бога за нас.

Приняв в своем сердце, блаженный, твою благодать духовную, весьма премудрого повеления, и в души благочестивых вложившего, похвалами позволь ублажить Александра преславного.

Светильник многосветлый Русской земли, чудесами как второе солнце сияя, всех нас поминай, почитающих память твою, Александр Блаженный.

Церкви Христовой красота, блаженный, это — пение, которым ты украсил ее преславно, и ныне умоляем тебя освободи нас, кто молится тебе, Александр, от всякой брани борителя.

Богородичен

Радуйся, благодати Источник!

Радуйся, Лестница и Дверь небесная!

Радуйся, Светильник и Ручка золотая, а Лес нерубленый, Дево, которая Жизнедавца Христа миру родила!

Другой канон святому, глас 8-й, песнь — 1-я. Ирмос «Воду прошел яко посуху»

Воду пройдя как будто бы посуху, из египетской неволи убежав, израильтянин воскричал: Избавителю Богу нашему поем: достойными похвалами подобает воспеть преславного чудотворца, ум и смысл даруй мне, Христе Боже, так как я воспою, радуясь, память Его.

Песнями и песнопениями духовными восхвалим блаженного и честную его и многоцелебную рану окружая, любезно облобызаем, и так вопием:

Радуйся, своему отечеству пресветлый светильник!

Богомудрый Александр, если тебя и в последние годы новопросвещенна Русская страна породила, то древней чести ты сподобился, дарование чудес достойно восприняв.

Богородичен

Отвергнув закон, кроме естественного, Дева родила Законодавца Бога, бывшего человеком, и того молила Всенепорочная наша как благо отвергнуть наши беззакония.

Катавасия

Христос рождается — славите!

Христос с небес — встречайте!

Христос с земли возносится — пусть воспоет Господу вся земля и возвеселятся люди как прославившие Его!

Песнь 3-я, ирмос

Возвеселится о Тебе церковь Твоя, Христе, призывающе: Ты мне крепость, Господи, прибежище и утверждение.

Во весь мир прошла слава чудес твоих, блаженный, которыми просветилась вселенная, от всех напастей избавляя всегда.

Благочестивого и венценосного Александра, собравшись, по достоянию восхвалим как чудес подателя обильных к Господу молящегося о всех нас.

Источником чудесам неисчерпаемым гроб твой явился, от которого реки исцелений ты изливаешь к тем, кто с верою память твою утверждает, блаженниче.

Богородичен

Ты — одна на земле всему естественному благому ходатаица, Мати Божия. Потому ты радуйся, когда Тебя прославляют.

Другой ирмос

Небесному кругу верхотворец Господь и церкви Создатель, Ты меня утверди в любви своей и желании помочь этому краю и в утверждении верующих в едином человеколюбии.

Светильник света явился, Александр Божественный, для того, чтобы недуг, глубокую тьму, всегда разрушать зарею светлою чудес премудрых.

Ты престолу предстоишь благодати со всеми ангелами, радуясь ныне, и ты раздаешь миру богатства исцеления. Спаси всех нас молитвами своими, блаженный.

Светлось жития твоего, преподобный, всем явно Бог показал возжжением свечей у гроба твоего для того, чтобы все приходящие к тебе с верою просветились.

Богородичен

Подобно тому, как воистину Господь воцарился в царствии неотпадающем и облекся псаломски из Тебя, Богоматерь, в прекрасное благолепие, плоть святую, так и ты, подобно звезде многосветлой, явившейся с востока, оказался ради светлого жития твоего и чистоты душевной и телесной сосудом Святому Духу, и потому после успения твоего в течение многих лет в гробе нетленными сохранились твои святые мощи, от которых проистекают реки чудес и исцелений верующих, призывающих тебя.

Радуйся* [благоверный великий князь Александр!

---

* В нашем источнике имеется небольшой пропуск текста из-за утери листа 404-го. Текст восстановлен мною в квадратных скобках по указанному выше.

Дважды Слава. И ныне. Праздники. Глас 4-й

Непорочная овечка и Нескверный Чертог в Дом Божий Богородица Мариам с веселием вводится преславно, которую ангелы Божии с верою охраняют и все верующии прославляют всегда и благодарственные песни Ей громко поют: наша слава, Ты, и спасение, Пренепорочная.

«Аще ли несть по празднество», — говорим. Слава. И ныне. Богородичен. «Яко Всенепорочная Невеста Творца». Песнь 4-я. Ирмос

Тебя мы видим вознесшейся на кресте, Солнце праведное. Ты ликуешь в чине своем, достойно взывая: Слава силе Твоей, Господи!

Кто любовь Твою и милость ко всем людям, а более всего, к нищим достойно провозвещает и после смерти как живой простирает руки свои и принимает от святителя свиток грехов прощения?

Сегодня день святого празднуемый многих созывает на веселие духовное и трапезу, и пищу нетленной жизни Божественного наслаждения предлагает.

К божественному свету ныне преставился возлюбленный сын в радости и красоте, с ликами ангельскими ныне радостно ликует блаженный.

Светом Твоего блистания озари, Отроковице Всенепорочная, в ночи страстей и искушений одержимое сердце мое, чтобы правды солнца свет воссиял.

Другой ирмос

Я постиг, Господи, видимый образ Твоего таинства, уразумел дела Твои и прославил Твое Божество.

Зарею трисолнечной благодати сияя, светло Твой праздник празднующих озари и от страстного бесовского помрачения избавь, Александр преславный.

Ты — источник реки чудес, блаженный, верующих напояющий сердца и мутные воды многобожия иссушающий.

Цари, и князья, и священники, и вельможи, и старцы с юношами, и люди любого возраста с верою собирайтесь и память блаженного в песнях прославляйте.

Богородичен

Когда я имею Тебя помощницей и, не стыжусь признаться, защитницей, Пречестная Мать Божия,] то врагов моих не испугаюсь.

Песнь 5-я, ирмос

Ты, Господи, мне есть свет, в мир пришедший, свет святой, обращающий из мрачного неведения с верою прославляющих Тебя.

Досточудная и преславная память твоя воссияла в Рус-

ской земле, блаженный, и радостно верующих веселит соборы.

Открылись перед тобой двери эдемские и несказанный свет и трисиянный воссиял, блаженный, в неподвижном царствии небесном, и праведных веселие принял, радуясь, сый Александр Великий, сирым и вдовицам милостивый заступник, отечество свое и всех вместе явственно созывающий: приходите, собравшиеся, так как общего заступника светло прославляем.

Богородичен

Этот при свете Божии, пребожественный, вселился в чрево Твое, при свете моем облекся Господь, Пренепорочная.

Другой ирмос

На заутрене вопием к Тебе, Господи, спаси нас. Ты ведь Бог наш, и кроме Тебя мы никого другого не знаем.

Ты принял, славный Александр, исцелениям благодать, и попавшим в беду даешь здоровье своим заступлением, и тем ратных дерзость низложил и миру явил чудеса.

Ты явился, подобно звезде светлой, непрелестной, пленным — освободитель и нищим — обогатитель, и болящим — врач, царям — поборник и граду нашему — утверждение.

Явился ты в Русской земле чудотворцем преславным, Александр блаженный, сияющий во всем мире подобно всесветлому светильнику, который во мраке страстей озаряет всех.

Богородичен

От мертвечины и тления Ты избавила человечество, своим естеством родив без семени Живодавца и Бога, Дева Непорочная, на благодеяния восхваляющим Тебя верующим.

Песнь 6-я, ирмос

Похваляя Тебя гласом хваления Господу, церковь молит Тебя: очистись от бесовской крови милостию от ребер истекшей к Тебе крови.

Твоя святая память, Александр, вселенскую веселит, созывая верующих во всечестный храм твой, в котором ныне, с радостью собравшись, тебя молим избавить люди свои преславно от языческого нашествия.

Веселитесь днес все, исполнившие Русскую землю, в нарочитый день праздника преславного чудотворца Александра блаженного, сохраняйте отечество свое всегда без измены.

Сирым и вдовицам заступника и в бедах непобедимого помощника песнями Александра прославим, воспевая, празднующе в память его весело, от бед избавляя и скорбей.

Другой ирмос

Очисти меня, спасе, от многих беззаконий моих и из глу-

бины зол спаси меня, молюся, к тебе припадая, услышь меня, Боже спасения моего.

От пречестного корня произросла ветвь преславная и благочестно на земле пожившая и восприемником духа чисто явившаяся, славящийся верою от притекающих к тебе, блаженный.

Добродетелям основоположник и опора благочестивому царю, церковь славит тебя и воспевает, блаженный, молитвами своими подающий чтущим с любовью доблести твои на обретение лютых прегрешений оставляющих.

Те, кто в бедах и скорбях приходит к раке твоей, приемлет честные дарования от живущей в тебе благодати. Ты ведь миру всегда источаешь исцеления.

Богородичен

Поистине ты пресвятой храм, Богородица, Источник Неисчерпаемый, родина, Пренепорочная Владычица.

Кондак, глас 8-й. Подобен «Яко начатки»

Как звезду тебя, возсиявшую в Русской земле, днесь почтем, всю ведь страну сию чудесами и добротою обогатив, просвещаешь верою чтущих память твою, моли Христа Бога спасти отечество твое — державу русских князей и всех приходящих к раке мощей твоих и с верою молящихся тебе: Радуйся граду нашему заступление!

Икос

Великий чудотворец явился Русской земле, блаженный Александр, невидимо Христовы люди посещающий, и исцеления щедро дающий всем честно приходящим и согласно молящимся, так говоря:

Радуйся, столпосветлый, просвещающий нас светлостью чудес!

Радуйся, многохвального короля победитель с помощью Божиею!

Радуйся, освободивший град Псков от неверных!

Радуйся, римское учение отвергнувший и прелесть их обративший ни во что!

Радуйся, восприявший нетление вместо тления!

Радуйся, зритель недоступного света!

Радуйся, ликующий с ангелами!

Радуйся, облако дождевое, орошающее верных мысли!

Радуйся, прогонитель темных страстей!

Радуйся, заступник Русской земли!

Радуйся, помощник благоверному царю!

Радуйся, граду нашему заступление!

Песнь 7-я, ирмос

В печи персидской авраамские дети, пламенем опален-

ные, с любовью благоверия взывают: Благословен Ты в церкви славы Твоей, Господи.

Днесь церковь Христова празднует Александрово торжество, бывшее по воле Бога сошедшихся, воистину источает исцеления прилежно молящихся и с любовью воспевающих его.

По всем странам прошло извещение, что нашему граду явился чудотворец преславный, источающий множество исцелений всем искренне просящим.

Днесь веселия исполняется храм Бога нашего, в котором все кающиеся, со страхом облобызающие святую раку преславного, приемлют исцеления.

Богородичен

Высшее освященное Божие селение радуйся! Тобою же дается радость, Богородица, молющимся Тебе: благословенна Ты в женах, Пренепорочная Владычица!

Другой ирмос

Те отроки, которые в древности пришли в Вавилон утвержденные верою и пламень печи презревшие, молются так: Отец наш, Боже, будешь Ты благословен.

Подобно тому, как звезда прекрасная сияет зарею добродетелей и многим являет просвещение, так и ты, блаженный, просвети нас, молящихся тебе: Радуйся, Александр, благочестно!

Ныне собравшиеся от всех стран и городов: священники, и князья, и вельможи, богатые и убогие, — все вместе радуемся, хвалу воздавая Христу и угоднику Его Александру Преславному.

Ты чудесами своими как цветок расцвел, блаженный, и исцеления даешь всем приходящим в храм твой мудро и досточудно.

Богородичен

От девического ложа твоего воплотившийся Бог явился на спасение наше. Потому и Тебе и знающей Тебя Матери, Богородице, правоверно молимся: Отцов наших Боже, Ты благословен!

Песнь 8-я, ирмос

Руки распростерши, зев львиный во рве затворил, а огненную силу угасил, добродетелью препоясавшись, потому что любители благочестия, отроки, молятся: Благословятся все дела Господни Господа!

Ангельские чины хвалят тебя преславно и человеческие роды воспевают непрестанно, творяще с верою память твою, Александр Великоименитый.

Тебя в чудесах славного Русским странам явил Бог, Алек-

сандр, и украсил тебя небесными дарами, потому моли Господа помиловать всех нас.

Победоистинно именит ты воистину верующим людям в бедах и крепкий помощник явился, блаженный Александр.

Богородичен

Священный пророк Тебя благообразно назвал Дверью, и Горою, и Сенью, и Землею Святой, и Облаком Света, из которого находящимся во тьме засияло солнце, Дево, Единый Источник Света.

Другой ирмос

Богоглаголивые дети в огненной печи лесть победившие, поют: Благословите дела Господни Господа!

Подобно утру, подобно дню, светлый твой праздник явился, просвещая наши сердца и всех трех, кто с верою восхваляет тебя, Александр Преславный.

День спасения и праздник веселия настал, соберемся, верующие, очистившие вместе души и тела. Это ведь нас призывает Александр Божественный.

Струя исцелений всяческих исходит от раки твоей, Александр, омывает скверны страстей и от гноений лютых очищает, и сердца всех верующих напояет любовью, чтущих тебя, преславный.

Богородичен

Подобно тому, как носящая издревле образы Рождества Твоего Девоматерь печь с юношами не позволила огнем опалить, также и Божественный оставил утробу Твою чистой.

Песня 9-я, ирмос

Камень краеугольный рукою от несеченой горы несекомой, Твоей Девицы, отсек Христос, который соединил отдаленные естества, и тем самым развеселил Тебя, Богородица, величаем.

Прекрасный телом и душею, и благочестием сияя славне, Божественного разума арган Святого Духа и после смерти к бессмертной жизни и нескончаемому блаженству пришел, радуясь, Александр Богомудрый.

Подобно светозарному солнцу воссияв от запада, блаженный всю зорями благочестия Русскую землю просветил и отогнал тьму глубокую еретичествующих, Александр Преславный.

Твое избрание днесь светло празднуем. Исполни радости и веселия восхваляющих тебя, Александр Великоименитый.

Богородичен

Светом Твоего милосердия меня, во тьме неразумия лежащего, озари Единого Светодавца Родившая и Избавителя, и Бога.

Другой ирмос

Удивитесь же об этом, небо и земля, ужасайтесь части города, что Бог явился людям во плоти, и чрево Твое было пространнее небес, и потому Тебя, Богородица, ангелам и людям Чиноначалием величаем.

Великим щитом и крепостью Русской земле Александр оказался, а православному царю нашему — похвала и слава во всех народах, и ныне молимся тебе: сохраняй отечество твое от языка чужого, незаходящего солнца лучами, во тьме находящихся, сияя славно, к просвещению веселия наставь нас, восхваляющих тебя.

Блаженный Александр, как мы сможем прославить тебя, если человеческий язык не способен достойно описать твои различные исцеления и многие дары всем людям!

Как утро блудящим во тьме явилась Ты, Девица, воссиявшая Праведным Солнцем — Христом, которого на руках носила, Пречистая.

Светилен

Услышана во всех странах превеликая слава твоя, и тогда жены моавитские пугали детей своих твоим грозным именем, и ныне, блаженный, враги наши невидимо устрашай ополчающихся на христолюбимое твое воинство.

Слава, «И ныне празднику». На «хвалите» стихиры, глас 8-й. Подобен «О преславное чудо»

О преславное чудо! Сиянием Духа Святого просвещаешься ты, Александр Богомудрый, учения римские отвергнув и прелесть их обличив, а самих укорив, и чуждыми вере правой назван, и дерзость их в ничто обратил, и потому от Христа Бога принял воздаяние и в царствии небесном с ангелами ликует и с праведными радуется, и ныне помоги спастись душам нашим.

Как я смогу достойно похвалить или ясно прославить преславные чудеса блаженного и славного Александра, дающего различные исцеления не только приходящим к раке мощей его, но и всех в отдаленных странах, призывающих его никогда не оставляет. Потому и похвала его имени повсюду раздается, и ныне он молит сохранить мир и спасти всех нас.

Как мы сможем достойно прославить блаженного Александра как ангела и как праведника, который всякое еретическое нечестие попрал, достойно устроив свое отечество и хорошо им управляя, и восстановил церкви разорение, пением их наполнял и испуганных людей собрал в дома их, и нищим, и сиротам, и вдовицам был печальником и в бедах заступником, и ныне он молит о спасении душ наших.

Слава, глас 2-й

Прийдите все народы, восплещите руками, ликуя, прийдите все русские князья, и священники, и вельможи, и иноки, и простые духовно возвеселимся в нарочитом празднике блаженного Александра и, многоцелебную его раку обступивше, любезно облобызаем, и Александра, как цветами, песнями и похвалами прославим, так говоря:

Радуйся, славному граду Владимиру утверждение!

Радуйся, царю православному помощник!

Радуйся, отечеству своему защита и молитвенник о душах наших!

«И ныне праздник», глас 2-й

Днесь в церковь вводится Всенепорочная Дева в обиталище Всех Царя и Бога, и всей жизни нашей Питателя.

Днесь Чистейшая Святыня как трехлетняя телушка во Святая Святых вводится, и Ее мы прославим как ангела:

Радуйся, единственно в женах Благословенная!

Словословие великое и отпуст. На литургии «Блаженни празднику», песнь 4-я. «И святому песнь 6-я на 4. Прокимен «Честна пред Господом смерть преподобных Его». Апостол, зачало 332-е.

Братия, повинуйтесь наставникам вашим.

Аллилуия, стих «Блажен муж, который боится Господа. Сильным на земле будет семя его».

Евангелие от Иоанна, зачало 35-е. Отполу «Причтен в память вечную будет праведник».

Известие «Ростовского летописца» А. Я. Артынова о поездке святого Александра Невского в Ростов Великий. 1883 год

«Под 1259 г. <...> Гордые новгородцы скоро забыли блистательную победу князя Александра Ярославича над варягами на берегу реки Невы, за которую он получил себе имя «Невского», вос[с]тали крепко против его крамолой. Избегая худых последствий, князь Александр удалился из Новагорода в свой Суждальской удел, и на пути своем из Новагорода заехал в Ростов к сродичам своим, где его почтил князь Борис Васильевич и князь Дмитрей Борисович, вдова князя Бориса Мария и ростовский владыка Кирилл. Великий князь Александр принял это почтение с любовью, воздал князьям и епископу честь велику и одарил их дарами. (690).

И се бысть княгиня Мария во Св. Пасху на Угожи и князь Александр Ярославич, рекомый Невский, бе ту с нею, и бе ту князья ростовские: князь Глеб и князь Дмитрей, и княгиня Марина, супруга князя Константина Всеволодовича Ярославского. Это посещение князей ознаменовано было вкладами в церковь Богоявления Господня и великими милостями угожанам. (691).

Князь Александр Невский в это время жил в Ростове от Святыя Пасхи (692) до дня убиения князя Бориса, память о котором ростовцы совершают с великим духовным торжеством.

Пасха эта нарочито была светла и торжественна, в особенности была удовольствована княгиня Дарья, дочь князя Изяслава Мстиславича, супруга князя Александра Ярославича, с детьми ее Дмитрием и Андреем.

Укосне князь Александр в Ростов по неудобству пути от великих вешних вод, которыми много повреждены были пути.

Любезно князь Глеб и князь Дмитрей провожали князя Александра в город Суждаль и на холмистом возвышении учинили растани. В том месте, где стоял намет князя Александра, князь Глеб поставил терем (693), который и посещал он нередко, когда в той стороне делал ловы.

Примечания А. Я. Артынова

690. Корсаков Д. А. Меря и Ростовское княжество. С. 164.

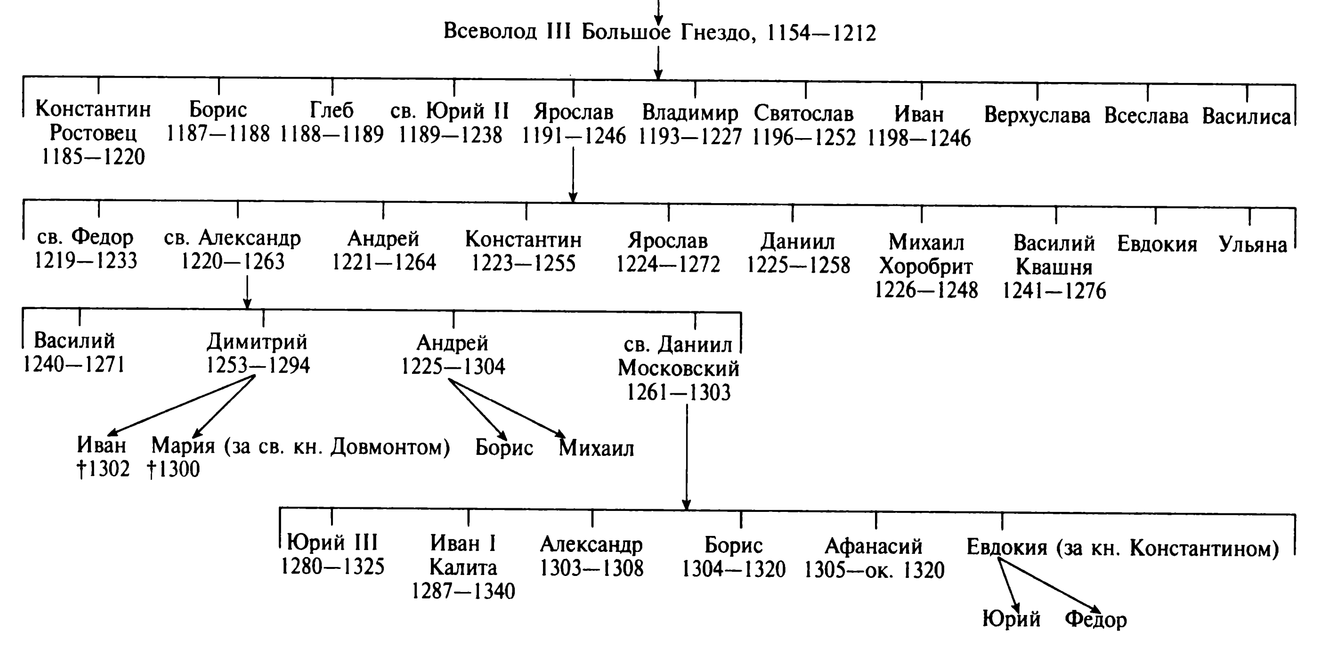
691. Рукопись П. В. Хлебникова — Ростовский летописец, XVII в.

692. Пасха Христова была в 1259 году 12 апреля. Князь Александр выехал из Ростова 3 мая.

693. Об этом тереме «Уделы князей Ростовских», книга [XVII века. — *Ю. Б.*] говорит следующее: «На том месте, где стоит ныне деревня Александрино, здесь дневал на пути своем из Ростова в Суждаль князь Александр Ярославич Невский с чады и домочадцы своими, здесь были с ним растани у ростовского князя Глеба Васильковича».

(Рукопись Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге, из собрания А. А. Титова, № 2768. «Ростовский Летописец» А. Я. Артынова. 1883 г. Ч. 1. С. 311.)

РОДОСЛОВИЕ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Перечень великих князей Киевских первой половины XIII века

— Рюрик II Ростиславич	1195—1202, 1207—1211
— Ингварь Ярославич	1202—1204
— Всеволод III Святославич Чермный	1205—1206, 1212—1214
— Мстислав-Борис III Романович Старый	1214—1223
— Владимир III Рюрикович	1224—1240
— Ярослав Всеволодович	1236—1238
— Михаил Всеволодович Черниговский Чермный	1238—1239, 1241
— Даниил Романович Галицкий	1240

Перечень великих князей Владимирских XIII века

— Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо	1176—1212
— св. Юрий II Всеволодович	1212—1216, 1220—1238
— Константин Всеволодович Ростовец	1216—1220
— Ярослав Всеволодович	1238—1246
— Святослав IV Всеволодович	1247—1248
— Михаил Ярославич Хоробрит	1248
— Андрей II Ярославич	1249—1252
— св. Александр Ярославич Невский	1252—1263
— Ярослав III Ярославич Тверской	1263—1272
— Василий I Ярославич Костромской	1272—1276
— Димитрий Александрович Переяславский	1276—1281, 1283—1294
— Андрей III Александрович Городецкий	1281—1282, 1294—1301

Перечень митрополитов Киевских XIII века

— Матфей	1201—1220
— Кирилл II	1224—1233
— Иосиф	1237—1240
— св. Кирилл III	1243—1281
— св. Максим	1283—1305

Перечень римских пап во времена великих князей Ярослава и Александра Невского

— Иннокентий III	(Лотарио, граф Сеньи)	1198—1216
— Гонорий III	(Ченчио Савелли)	1216—1227

— Григорий IX	(Уголино, граф Сеньи)	1227—1241
— Целестин IV	(Гоффредо Кастальоне)	1241.22.08—1241.25.10
— Иннокентий IV	(Синибальдо Фиески)	1243—1254
— Александр IV	(Ренальдо, граф Сеньи)	1254—1261
— Урбан IV	(Жак Панталеон)	1261—1264

Монголо-татарские ханы (до конца XIII века)

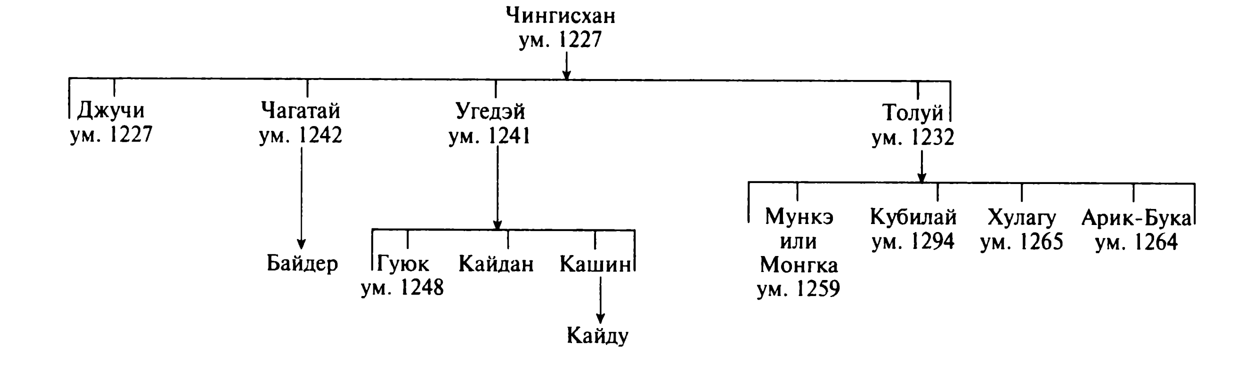
Ханы Большой Орды, или Ак-Орды, со столицами Сарай-Бату и Сарай-Берке

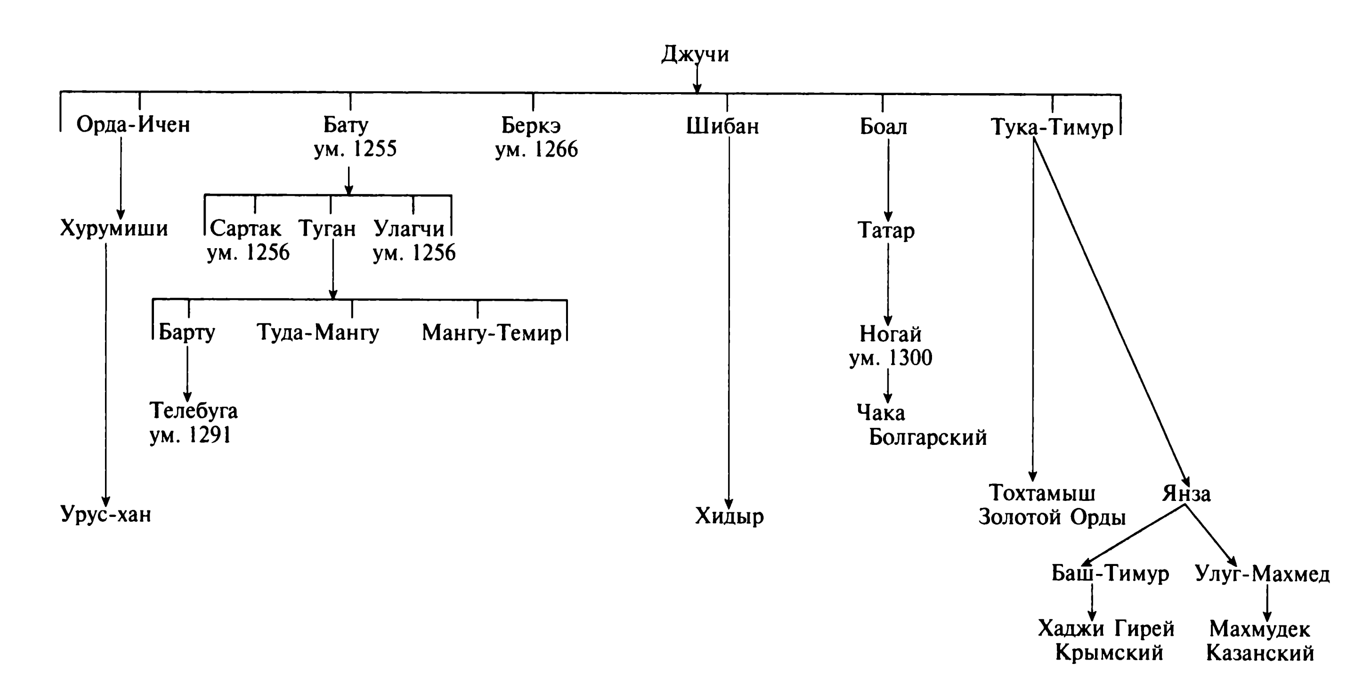
— Бату, второй сын Джучи, внук Чингисхана	1242—1255
— Сартак, первый сын Бату	1255—1256
— Улагчи, третий сын Бату	1256—1258
— Берке, третий сын Джучи	1258—1266
— Мангу-Темир, третий сын Тугана, внук Бату	1267—1279
— Туда-Мангу, второй сын Тугана, внук Бату	1279—1287
— Телебуга, сын Барту, правнук Бату	1287—1290
— Тохта, сын Мангу-Темира, правнук Бату	1290—1312

Ханы Великой Монгольской империи со столицей Каракорум

— Чингисхан, Тенгрин Огюгсен Темуджин, сын Есукая, родоначальник династии Чингизидов	1206—1227
— Тулуй, четвертый сын Чингисхана	1227—1229
— Угедэй, третий сын Чингисхана	1229—11.12.1241
— Туракин, регентша, вдова Угедэя	1242—1246
— Гуюк, первый сын Угедэя	24.05.1246—апрель 1248
— Огуль-Гамиш, регентша, вдова Гуюка	1248—1251
— Мункэ, первый сын Тулуя	1.07.1251—август 1259
— Арик-Бука, четвертый сын Тулуя	май 1260—1264
— Кубилай-Шицзу, второй сын Тулуя	6.05.1260—1294

РОДОСЛОВНАЯ ДОМА ЧИНГИСХАНА

РОДОСЛОВНАЯ ДОМА ДЖУЧИ
Джучи
Орда-Ичен
Бату
ум. 1255
Беркэ
ум. 1266
Шибан
Боал
Тука-Тимур
Хурумиши
Сартак
ум. 1256
Туган
Улагчи
ум. 1256
Татар
Барту
Туда-Мангу
Мангу-Темир
Ногай
ум. 1300
Телебуга
ум. 1291
Чака
Болгарский
Тохтамыш
Золотой Орды
Янза
Урус-хан
Хидыр
Баш-Тимур
Улуг-Махмед
Хаджи Гирей
Крымский
Махмудек
Казанский

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЯТОГО АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

1220, 30 мая — родился в г. Переяславле-Залесском в семье переяславского князя Ярослава Всеволодовича, сына великого князя Владимирского Всеволода III Большое Гнездо и княгини Ростиславы-Феодосии, дочери новгородского князя Мстислава Мстиславича Удатного; Александр — второй сын в семье, первый, Федор, родился 19 февраля 1219 года.

1222 — родился брат князя Александра Андрей.

1223 — родился брат князя Александра Константин.

1223, 31 мая — 16 июня — первая битва русских с татаро-монголами на реке Калке (Калмиусе). Поражение объединенного войска четырех князей Мстиславов, в том числе князя Мстислава Мстиславича Удатного.

1224 — захват Орденом меченосцев города Юрьева (Дерпта). Родился брат князя Александра Ярослав-Афанасий.

1225, 30 мая — совершение обряда княжеского пострига над Александром в Спасо-Преображенском соборе г. Переяславля-Залесского епископом Владимирским Симоном.

1225 — родился брат князя Александра Даниил.

1226 — родился брат князя Александра Михаил Хоробрит.

1226, 25 декабря — приезд князя Александра с отцом и братом в Новгород Великий.

1227 — смерть основателя Монгольской империи Чингисхана. Поход князя Ярослава на карел.

1228 — поход князя Ярослава на чудь.

1228, конец лета — князь Ярослав уезжает из Новгорода, оставив своих сыновей Александра и Федора княжичами-наместниками. В помощь им оставлены воспитатели Федор Данилович и тиун Яким.

1228—1230 — голод и народные волнения в Новгороде.

1229, 20 февраля — отъезд княжичей из Новгорода ввиду боярского заговора. Посажение князя Александра на коня в Переяславле.

1229, сентябрь — съезд русских князей в Суздале.

1229 — курултай монгольской знати в Каракоруме. Съезд постановил перенести ставку Бату-хана, сына Джучи, внука Чингисхана, в землю саксинов, в низовья Джаика (Урала) для того, чтобы подготовить завоевательный поход на Запад, согласно Ясе (Завещанию) Чингисхана.

1230, 30 декабря — возвращение князя Ярослава вместе с сыновьями из Переяславля в Новгород.

1231, январь — князь Ярослав уезжает из Новгорода, оставив наместниками своих сыновей.

1231 — немецкие купцы привозят муку и хлеб, чтобы спасти новгородцев от голода.

1232 — князь Федор участвует в походе русских князей на мордву.

1233, 10 июня — смерть в Новгороде князя Федора накануне его свадьбы с княгиней Евфросинией.

1234, зима — участие юного Александра в походе отца на Дерпт. Битва с ливонскими рыцарями на льду реки Амовжи (Эмайыги).

1235 — на курултае в городе Каракоруме монгольская знать принимает решение послать на Запад сильное войско, состоявшее из 14 туменов монгольских войск плюс вспомогательные войска союзников во главе с Бату-ханом для расширения территории улуса Джучи к западу от реки Иртыша и далее «к последнему морю».

1236 — битва литовцев с немецкими рыцарями Ордена меченосцев при Сауле (Шауляе). Победа литовцев во главе с князем Выкинтом. Образование Литовского государства во главе с князем Миндовгом.

Князь Ярослав отправляется в Киев добывать великокняжеский стол, а в Новгороде оставляет наместником князя Александра. В том же году войско хана Батыя приходит в землю Волжской Болгарии и берет их столицу город Великий Булгар.

1237 — посещение Новгорода вице-магистром Ордена меченосцев Андреасом фон Фельвеном и встреча последнего с князем Александром.

1237, весна — объединение Ордена меченосцев с Тевтонским орденом Св. Марии и образование единого Ливонского ордена. Усиление немецкого натиска на Восток.

1237, 9 декабря — булла римского папы Григория IX, призывающая к крестовому походу на Русь.

1237, декабрь — 1238, март — татаро-монгольское нашествие на Северо-Восточную Русь, сожжение 30 городов.

1238, 4 марта — битва русских с татарами на реке Сити, притоке Мологи, и гибель великого князя Владимирского Юрия II Всеволодовича.

1238, весна — князь Ярослав становится великим князем Владимирским и восстанавливает страну после разорения. Князь Александр назначается князем-наместником Новгородским, князем Дмитровским и Тверским.

1239 — бракосочетание князя Александра с княжной Александрой, дочерью полоцкого князя Брячислава, в городе Торопце, в храме Св. Георгия. Продолжение свадебного пира в Новгороде.

1239, лето — литовцы захватывают Смоленск, а Бату-хан — Переяславское Южное и Черниговское княжества.

1239, осень — князь Ярослав отвоевывает Смоленск у литовцев.

1240, июль — крестовый поход шведов, норвежцев, суми и еми на Новгород.

1240, 15 июля — битва князя Александра со шведами у впадения реки Ижоры в Неву. Победа Александра, получившего с того времени прозвища «Храбрый» и «Невский».

1240, август — крестовый поход немецких рыцарей во главе с вице-магистром Андреасом фон Фельвеном на Псков и Новгород. Поражение псковского войска под Изборском и взятие Изборска немцами.

1240, 16 сентября — взятие Пскова немцами.

1240, ноябрь — ссора князя Александра с новгородскими боярами и отъезд в Переяславль. Рождение первенца Василия.

1240, 6 декабря — взятие штурмом и сожжение ханом Батыем города Киева.

1241 — родился брат князя Александра Василий.

1241, зима — усиление наступления ливонских немцев на Новгородскую землю. Взятие ими городков Тесово, Сабли, постройка крепости Копорье в Водской земле.

1241, зима-весна — новгородцы посылают за помощью во Владимир к великому князю Ярославу Всеволодовичу. Последний отправляет в Новгород сначала сына Андрея, князя Суздальского, с дружиной, а затем, после специальных переговоров в Переяславле с архиепископом новгородским Спиридоном, — и князя Александра с дружиной.

1241, весна — смерть папы Григория IX, организатора крестового похода на Русь; новым папой избран епископ-кардинал Сабина, но на короткий срок; в разгар крестоносной агрессии и татаро-монгольского нашествия папский престол остается вакантным.

1241, осень — 1242, весна — поход Бату-хана в Европу — на Польшу, Венгрию, Моравию, Силезию, Словению, Хорватию, Далмацию, Дакию и Болгарию.

1241, осень-зима — изгнание князем Александром немецких рыцарей из Копорья и срытие крепости.

1241, декабрь — изгнание немцев из Пскова.

1242, 5 апреля — Ледовое побоище — битва князя Александра с немецкими рыцарями на льду Чудского озера, у Воронья камня. Победа и прекращение немецкого «Drang nach Osten». Рождение дочери Евдокии.

1242, весна-лето — возвращение хана Батыя из Европы на Нижнюю Волгу и основание ханом Орду-Иченом столицы государства Ак-Орда, или Большая Орда, — Сарая-Бату.

1243 — первая поездка князя Ярослава Всеволодовича в Орду, в Сарай-Бату, и получение им первого ярлыка на великое княжение Владимирское, на «старейшинство в Русском языке».

1244, 5 мая — смерть матери Александра Невского княгини Ростиславы-Феодосии (в схиме Евфросиния). Погребена в усыпальнице Юрьева монастыря рядом с телом сына Федора.

1245 — набеги литовцев на Смоленскую, Витебскую, Новгородскую, Тверскую земли. Отражение этих набегов войском князя Александра. Победы под Торжком, Торопцом, Бежичами, Витебском, Усвятом, близ озера Жизца. Переезд малолетнего князя Василия вместе с матерью из Витебска в Новгород. Встреча в Новгороде князя Александра с великим князем Галицко-Волынским Данилом.

1245—1246 — вторая поездка великого князя Ярослава Всеволодовича в Орду. Смерть в Каракоруме 30 сентября 1246 года.

1246, 20 сентября — мученическая смерть в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича и боярина Феодора.

1247, апрель — участие князя Александра в похоронах отца, великого князя Ярослава, во Владимире.

1247, апрель-май — съезд русских князей во Владимире и выборы на великий стол князя Святослава Всеволодовича, брата великого князя Ярослава. От великого князя Святослава, своего дяди, князь Александр получает во владение города Переяславль, Зубцов, Нерехту, Тверь. Затем Александр возвращается в Новгород.

1247, июнь — 1249, декабрь — первая поездка князей Александра и Андрея в Сарай и Каракорум по вызову великой ханши Огуль-Гамиш. Князь Александр получает ярлык «на Киев и всю Русьскую землю» вместе с Новгородом, а великим князем Владимирским объявлен князь Андрей Ярославич.

1248 — один из младших братьев князя Александра, князь Михаил Хоробрит, сгоняет Святослава с великого стола, но в марте 1248 года погибает в сражении с литовцами на реке Протве, в Подмосковье. В результате великий стол Владимирский становится вакантным.

1248, лето — в отсутствие князя Александра в Новгород приезжают два посла от римского папы Иннокентия IV (правит с 1243) с посланием папы и предложением союзного договора против татаро-

монголов. Новгородские бояре посылают папскую грамоту вдогонку князю Александру в Сарай.

1249 — агрессия шведских рыцарей в Финляндии и завоевание земли тавастов (еми). Возвращение князей Александра и Андрея из Орды во Владимир.

1249, декабрь — участие обоих князей в похоронах родственников: углического князя Владимира Константиновича и ярославского князя Владимира Всеволодовича.

1250 — прибытие во Владимир Кирилла III, ставшего митрополитом Киевским и всея Руси еще в 1243 году. Кирилл впоследствии становится другом и сподвижником Александра Невского. В 1250 году Кирилл III венчает во Владимире великого князя Владимирского Андрея Ярославича с дочерью великого князя Даниила Доброславой.

1250, март — возвращение князя Александра в Новгород и письменный ответ римскому папе Иннокентию IV на его послание от 15 сентября 1248 года.

1250, осень — князь Святослав Всеволодович едет к Бату-хану, в Сарай, за ярлыком на великое княжение Владимирское, но получает отказ.

1251 — посольство из Новгорода в Трондхейм (Норвегия) к королю Хакону IV с предложением мира и сватовством князя Василия Александровича к дочери норвежского короля Кристине.
В тот же год умирает жена князя Александра княгиня Александра Брячиславна, князь Александр тяжело заболевает.

1252, зима — начало соперничества князей Андрея и Александра за обладание великокняжеским столом.

1252, май — вторая поездка князя Александра в Орду с жалобой на князя Андрея наследнику Бату-хана калге Сартаку. Побратимство с Сартаком. Восстание князей Андрея и Ярослава Ярославичей против власти на Руси монгольских ханов Бату и Менгу.

1252, июль — татаро-монгольское нашествие царевича (или салтана) Невруя на Владимиро-Суздальскую Русь. Скрытный поход на город Переяславль-Залесский и битва 24 июля русских с татарами. Поражение Ярославичей и бегство князя Андрея в Швецию.

1252, август — возвращение князя Александра из Орды во Владимир с ярлыком на великое княжение Владимирское. Торжественная встреча его у Золотых ворот, организованная митрополитом Кириллом III.

1252, осень — женитьба великого князя Александра на княжне Дарье Изяславне, дочери князя Изяслава Мстиславича. Восстановление Владимиро-Суздальской земли после Неврюева нашествия.
Посажение князя Василия наместником на Новгородский стол.
Приход послов римского папы Иннокентия IV во Владимир и окончательный ответ на послание папы.

1253 — набег немецких рыцарей на Псков и их поражение. Переговоры великого князя Александра в Пскове и Новгороде с послами Ливонского ордена. Подтверждение мирного договора 1242 года. Набег литовцев на русские земли и их поражение у Торопца. Рождение от второго брака сына Димитрия, будущего князя Переяславского, Новгородского и великого князя Владимирского.

1254 — заключение мирного договора Новгорода с Норвегией — «Разграничительная грамота». Смерть римского папы Иннокентия IV (7 декабря) и избрание нового папы — Александра IV (12 декабря).

1255 — великий князь Галицко-Волынский Даниил Романович принимает от римского папы Александра IV корону и коронуется в городе Дрогичине. Тогда же, после смерти императора Конрада IV (1254), прекращается династия Гогенштауфенов в Священной Римской империи (Германии). Империя по существу распадается, а власть папы увеличивается. В Европе господствует Франция, а в Азии по-прежнему — Империя монголов.

Родился сын великого князя Александра Андрей, будущий князь Городецкий и Нижегородский, родоначальник князей Шуйских.

В Новгороде вспыхивает восстание против князя-наместника Василия. Изгнание последнего в Торжок. Великий князь Александр спешит с войском на помощь, подавляет восстание, казнит зачинщиков. Князь Василий возвращается на Новгородский стол.

Возвращение князя Андрея Ярославича из Швеции на Русь и получение им обратно Суздальского княжения.

1256 — шведский военачальник Дитрих фон Кивель с войском приходит на реку Нарову и начинает строить там укрепленные городки. Великий князь Александр изгоняет шведов и срывает все их укрепления.

Поход Александра на тавастов (емь) в южную Финляндию. Покидая Новгород, великий князь назначает наместником своего сына Василия.

1257 — третья поездка великого князя Александра в Орду вместе с братьями Андреем и Ярославом с целью почтить нового хана Улагчи. В Великой Орде принято решение о поголовной переписи населения Руси и сборе налогов. Князья Андрей и Ярослав получают прощение хана.

1258, зима — известие о поголовной переписи достигает Новгорода, куда приезжают татарские даруги-баскаки. Новгородцы под начальством воеводы Александра восстают против них. К восставшим присоединяется князь Василий. По призыву «больших бояр» в город с войском прибывает великий князь Александр. Он подавляет восстание, казнит зачинщиков, накладывает опалу на своего сына Василия. Тот бежит в Псков от гнева отца. Александр больше не допускает сына к управлению государством.

1258, зима — четвертая поездка князя Александра в Орду вместе с князьями Андреем Ярославичем, Борисом Васильковичем Ростовским, Ярославом Ярославичем Тверским с целью добиться отмены переписи. Неудача.

1259, зима — татарские чиновники Беркай и Касачик проводят перепись в Новгороде. Великий князь Александр с дружиной успокаивает население, помогает чиновникам.

1260 — великий князь Александр покидает Новгород и оставляет вместо себя наместником своего малолетнего сына князя Димитрия. Сам живет во Владимире. Литовцы во главе со своим князем Миндовгом восстают против владычества Ливонского ордена.

1261 — Большая Орда со столицей Сарай-Берке восстает против подчинения правителям Монгольской империи в Каракоруме и провозглашает себя самостоятельным государством.

Рождение третьего сына Александра Невского от второго брака — Даниила, будущего святого князя Московского, родоначальника Московских великих князей.

В Сарае-Берке учреждается православная епархия во главе с епископом Митрофаном.

1262 — заключение в Новгороде мирного союзного договора с Литовским государством. В переговорах участвуют великие князья Миндовг и Александр. Союз направлен против агрессии Ливонского ордена.

1262, осень — русско-литовский военный поход против Ливонского ордена. Во главе войск — 9-летний князь Димитрий Александрович, князья Товтивил, Ярослав Ярославич и др. Взятие крепости Дерпт и возвращение в Новгород с победой. В качестве трофея привезены Магдебургские врата.

Народные восстания во Владимире, Суздале, Переяславле, Ростове, Ярославле, Костроме, Великом Устюге против татарских баскаков и ростовщиков, присланных на Русь великим ханом Монгольской империи Кубилаем. По свидетельству поздних источников, князь Александр рассылает по городам грамоты, в которых призывает «побивати татар».

Великий князь Александр готовит духовную грамоту, по которой раздает уделы своим сыновьям: Димитрию — Переяславль, Андрею — Городец, Даниилу — Москву. Старший сын Василий лишен удела. Заключение договора о мире и торговле с Ригой, Ливонским орденом, Любеком, островом Готланд.

1262—1263 — пятая поездка великого князя Александра в Большую Орду по вызову хана Берке, брата Бату-хана. Берке, готовящий войну с монголо-иранским иль-ханом Хулагу, требует набора русских рекрутов в татарское войско. Великому князю удается отмолить русский народ от беды.

Тяжелая болезнь князя Александра и возвращение на Русь.

1263 — убийство литовского великого хана Миндовга.

1263, 14 ноября — смерть великого князя Александра в Городце-на-Волге, в Федоровском монастыре Св. Богородицы. Перед смертью принимает схиму с именем Алексий.

23 ноября — погребение тела святого великого князя Александра в церкви Рождества Пресвятой Богородицы во Владимире в Рождественском монастыре. Надгробная торжественная речь митрополита Кирилла и чудо с духовной грамотой.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

Гавриил Бужинский. Слово в похвалу Санкт-Петербурга и его основателя государя императора Петра Великого // Старина и новизна. СПб., 1772. Ч. 1.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. М.; Л., 1938.

Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Житие Александра Невского // Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 185—194.

Житие Александра Невского // «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси / Сост. Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев. (Подг. текста и комм. Ю. К. Бегунова) // Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 15. М., 1969. С. 328—343.

Житие Александра Невского // Кто с мечом. Три произведения древнерусской литературы XIII—XV вв. Перевод с древнерусского / Консультант Д. С. Лихачев. Составитель А. Д. Шмаринов. (Подг. текста и комм. Ю. К. Бегунова.) М., 1973. С. 41—53; 2-е изд. 1975. С. 73—85.

Житие Александра Невского. Текст и миниатюры Лицевого свода XVI в. Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Факсимильное воспроизведение. Л. 1990. 2-е изд. СПб., 1992. 44 л. факс., 24 с.

Иман Бахши. Джагфар Тарихы. Свод булгарских летописей. Т. 1. Оренбург, 1993.

Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. М., 1962.

Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966.

Летописец Переяславля Суздальского. М., 1851.

Мансикка В. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXX. СПб., 1913.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисловием А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

Плано Карпини, Иоанн, де. История монголов. Изд. А. И. Малеина. СПб., 1911.

Полное собрание русских летописей. СПб.; М., 1846—1995. Т. 1—XLI.

Рубруквис, Вильгельм, де. Путешествие в восточные страны. Изд. А. И. Малеина. СПб., 1911. То же с доп.: Путешествия в восточные страны Плано де Карпини и Вильгельма де Рубруквиса. М., 1957; 1997.

Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М; Л., 1960. Т. 2.

Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 192—212.

Слово в день святаго благовернаго князя Александра Невского, проповеданное Феофаном, епископом Псковским, в монастыре Александро-Невском при Санкт-Питербурхе 1710 году.

Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1—2. СПб. — Л., 1884, 1941.

Чешихин Е.В. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 89—90, 196—197, 351—357.

ЛИТЕРАТУРА

Азбелев С.Н. Светская обработка Жития Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 147—153.

Александр Невский. СПб.: тип. Штауфа, 1876.

Александр Невский и его время. К 750-летию со дня Ледового побоища. Материалы круглого стола //Древний Псков/ Исследования средневекового города. Материалы конференции. Санкт-Петербург. 20—21.05. 1992. СПб., 1994. С. 105—149. Содержание: Бегунов Ю. К. Ледовое побоище: событие-источники, интерпретация (тезисы доклада) (С. 105—106). Кирпичников А. Н. Ледовое побоище 1242 года и его тактические особенности (С. 106—121). Шишов А. В. Полководческое искусство Александра Невского в Ледовом побоище (С. 121—124). Джаксон Т. Н. Сведения об Александре Невском в «Саге о Хаконе Хаконарсоне (С. 124—126). Фоняков Д. И. Торопец в жизни Александра Невского (С. 126—130). Петров Ю. Ю. К вопросу о датировке доспеха из раскопок в Довмонтовом городе Пскова (С. 130—132). Лебедев Г. С. «Год Александра Невского» в Ленинграде — пролог возрождения Санкт-Петербурга (С. 132—135). Дискуссия — Ю. К. Бегунов, С. В. Белецкий, Ю. Ю. Петров, Г С. Лебедев, Ю. М. Лесман, А. Н. Кирпичников, Н. Н. Масленникова (С. 136—149).

Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28 сентября 1995 года. Новгород, 1996. С. 102 (Новгородский государственный объединенный музей-заповедник). Содержание: Кучкин В. А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси (С. 3—28). Кирпичников А. Н. Две великие битвы Александра Невского (С. 29—41). Егоров В. А. Александр Невский и Золотая Орда (С. 42—63). Горский А. А. Два «неудобных» факта из биографии Александра Невского (С. 64—74). Попова М. П. История и деятельность «Православного братства св. Александра Невского» при Рождественском монастыре г. Владимира (1879—1918 гг.) (С. 75—83). Завадская Л. А. Рака Александра Невского в собрании Эрмитажа (С. 84—93). Климов П. Ю. Святой Александр Невский в русской церковно-монументальной живописи второй половины XIX — начала XX в. (Г. И. Семирадский, В. М. Васнецов, М. В. Нестеров).

Александр Ярославич Невский // Богуславский В.В., Бурминов В.В. Русь. Рюриковичи. М., 2000. С. 17—19.

Ангарский М.С. К вопросу о поисках места Ледового побоища // Военно-исторический журнал. М., 1960. № 6. С. 110—118.

Андреев А.Р Великий князь Ярослав Всеволодович Переяславский. Документальное жизнеописание. Историческая хроника XIII века. М., 1998.

Андреев В.Ф. Александр Невский в Новгороде // Средневековая и Новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996.

Андреев М. Александр Невский. М., 1941.

Аннинский С.А. Александр Невский. 1220—1263. Л., 1941.

Антонова В.И. Александр Невский. М., 1966.

Артамонов Г.А. Митрополит Киевский Кирилл // Великие духовные пастыри России. Под ред. проф. А. Ф. Киселева. М., 1999. С. 110—138.

Артемьев А.И. Разгадка старинной анаграммы, помещенной в

послесловии к Житию св. Александра Невского // Записки имп. Русского Археологического общества. СПб., 1851. Т. 4. С. 140—143.

Арциховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.

Арцыбашев Н.С. Повествования о России. Т. 1. М., 1837.

Баумгартен Н.А. К родословию великих князей Владимирских. Мать Александра Невского // Летопись Историко-родословного общества в Москве. М., 1908. Вып. 4 (16). С. 21—23.

Бахрушин С.В. Александр Невский и борьба с немецкой агрессией в XIII в. // Вестник Академии наук. М., 1942. № 4. С. 62—68.

Бегунов Ю.К. Александр Невский и современность // Россиянин. М., 1992. № 5—6.

Бегунов Ю.К. Александр Невский: человек и миф (к 750-летию со дня рождения) // Наука и религия. М., 1970. № 5. С. 52—57.

Бегунов Ю.К Александр Невский в псковской литературе XV—XVI вв. // Zeitschrift der Slawistik. Berlin, 1976. Bd. 21. H. 3. S. 311—318.

Бегунов Ю.К. Выбор Александра Невского и значение Выбора для судеб русской государственности и цивилизации // Двадцать пятая верста от Санкт-Петербурга (Историко-литературный портрет Колпина). Пушкин — Колпино. 1998. С. 3—14. То же в кн.: Святой Александр Невский. Сб. статей к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 г. Составитель А. М. Сушко. Отв. ред. Ю. К. Бегунов. Усть-Ижора, 1999. С. 6—18.

Бегунов Ю.К. Генеалогия Александра Невского. Земля и род // Кавалер. 750-летию Невской битвы посвящается. Июль 1990. Л., 1990. С. 7. То же в кн.: Святой Александр Невский... Усть-Ижора, 1999. С. 99.

Бегунов Ю.К. Древнее изображение Александра Невского // Byzantinoslavica. Praha, 1981. Т. 42. № 1. С. 39—43.

Бегунов Ю.К. Древнерусские источники об ижорце Пелгусии-Филиппе, участнике Невской битвы 1240 года // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984. С. 76—85. То же по нем. в кн.: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1981. Bd. 28. S. 7—16, ill.

Бегунов Ю.К. Древнерусские традиции в произведениях первой четверти XVIII века об Александре Невском // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1971. Т. XXVI. С. 72—84.

Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-й и Софийской 1-й летописей // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9. С. 229—238.

Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в сборнике из собрания Н. П. Лихачева // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1976. Т. XXX. С. 60—72.

Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в станковой живописи XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 311—326.

Бегунов Ю.К. Запад и Восток Александра Невского // Кавалер: 750-летию Невской битвы посвящается. Приложение к газете «Невский проспект». Л., 1990. Июль. С. 7.

Бегунов Ю.К. Защитник земли Русской. Александр Невский и его эпоха // На страже Родины. Л., 1990. № 165. 7.07. С. 4.

Бегунов Ю.К. Защитник земли Русской. Александр Невский и Ледовое побоище // Там же. № 117. 23.05. С. 4.

Бегунов Ю.К. Защитник земли Русской. Александр Невский и Невская битва // Там же. № 160. 13.07. С. 2.

Бегунов Ю.К. К вопросу об изучении Жития Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1961. Т. XVII. С. 248—257.

Бегунов Ю.К. Кирилло-Белозерские отрывки Жития Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1969. Т. XXIV. С. 105—107.

Бегунов Ю.К. Когда Житие Александра Невского вошло в состав Лаврентьевской летописи? // Die Welt der Slaven. Wiesbaden, 1971. Bd. 16. S. 111—120.

Бегунов Ю.К. Невская битва (Миниатюры). Колпино, 1994. 20 с. (Колпица. № 20).

Беляев И.Д. Великий князь Александр Ярославич Невский // Временник Общества истории и древностей российских при Московском имп. университете. М., 1849. Т. IV. С. 1—42.

Беляев Н.И. Александр Невский. М., 1954.

Берякович З.А. Русское художественное серебро XVII — нач. XX в. в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1977. С. 264.

Берхин И.Б. Александр Невский. Молотов, 1942.

Бескровный Л.Г Атлас карт и схем по русской военной истории. М., 1946.

Богусевич В.А. Уничтожение Александром Невским немецко-рыцарского войска в Копорье // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1938. Вып. 3—4. С. 24—38.

Борисов Н.Г Русские полководцы XIII—XVI вв. М., 1993.

Бочкарев В. Александр Невский // Исторически преглед. Год. 2. София, 1945. Кн. 3. С. 317—335.

Бочкарев В.Н. Александр Невский // Исторический журнал. М., 1942. № 3—4. С. 119—120.

Бочкарев В.Н. Александр Невский и его победы над шведами и немцами // Героическое прошлое Русского народа. М., 1946.

Бронзов. Святой благоверный великий князь Александр Невский // Странник. СПб., 1880. Июнь-июль.

Будовниц И.У Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960. С. 314.

Буланин Д.М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1981. Т. XXXVI. С. 73—74.

Бунин А.И. О месте битвы русских с немцами, бывшей 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера // Труды X археологического съезда в Риге в 1896 г. М., 1899. Т. 1. С. 214—219.

Бушуев С.В. История государства Российского: Историко-библиографические очерки. Книга первая. IX—XVI вв. М.: Книжная палата, 1991.

Бычков Л. Невская битва // Исторический журнал. М., 1946. № 7.

Великий князь Александр Ярославич и великий князь Александр Александрович, наследник цесаревич // Грамотей. СПб., 1865. № 6.

Вернадский Г.В. Два подвига св. благоверного великого князя Александра Невского // Евразийский временник. Париж, 1925. Кн. 4. С. 318—337. То же // Наш современник. М., 1992. № 3.

Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь; Москва, 1997.

Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Париж, 1927. Кн. 5.

Вернер С. Александр Невский. Саранск, 1942.

Виноградов В.В. О стиле Жития великого князя Александра

Ярославича Невского // Вопросы русского языкознания. М., 1976. Вып. I. С. 21—36.

Владимирский Рождественский монастырь (Материалы для истории и археологии). Жизнеописание св. великого князя Александра и указ о перенесении его мощей в Санкт-Петербург // Владимирские губернские ведомости. Владимир, 1896. № 24, 26, 31, 32, 34, 39, 40.

Водовозов Н.В. Повесть XIII века об Александре Невском (к вопросу о составе повести и ее авторе) // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. М., 1957. Т. 67. Вып. 6. С. 21—45.

Водовозов Н.В. Русская воинская повесть XIII века // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Т. 87. Кафедра русской литературы. Вып. 7. М., 1958. С. 180.

Воейков Н.Н. Церковь, Русь и Рим. Ч. 1—2. Свято-Троицкий монастырь. Джорданвиль; Нью-Йорк, 1983. 2-е изд.: Минск, 2000.

Воскресенский Н. Святой благоверный великий князь Александр Невский. СПб., 1898.

Гадзяцкий С.С. Водская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. М., 1940. № 6.

Гадзяцкий С.С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941.

Галко В.И. Некоторые источниковедческие аспекты «Жития Александра Невского» // Материалы XX Всесоюзной научной студенческой конференции. Филология. Новосибирск, 1982. С. 61—65.

Галко В.И. Повесть о житии и храбрости князя Александра Невского // Древнерусские письменные источники: Информационные материалы к совещанию АН СССР. Институт истории СССР АН СССР. М., 1988. С. 17—20.

Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. Ч. 1. СПб., 1909. С. 88—89.

Глязер С. Битва на Чудском озере. М., 1938.

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 102—103.

Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. 1—2. М., 1880—1900.

Голубинский Е.Е. Митрополит всея Руси Кирилл III. Сергиев Посад, 1894.

Горский А.А. «Всего еси исполнена земля Русская...». Личности и ментальность русского средневековья. М., 2001. С. 41—46, 161.

Горский А.А. Между Римом и Каракорумом: Даниил Галицкий и Александр Невский // Страницы отечественной истории. М., 1993.

Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 87—89, 113—115.

Горский А.А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3.

Горский А.А. Русские земли в XIII—XIV вв.: пути политического развития. М., 1996.

Грацианский Н.П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XII—XV вв. // Историк-марксист. М., 1938. № 6. С. 95—97.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. 2-е изд. М., 1998.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда: Очерк истории улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII—XIV вв. Л., 1937.

Греков И.Б., Шахматов Ф.Ф. Мир истории. Русские земли в XIII—XV вв. М., 1982.

Гудзий Н.К. Хрестоматия по древнерусской литературе XI—XVII вв. Изд. 7. М., 1962. С. 156—162.

Гуляев В.О святом благоверном и великом князе Александре Невском // Мирское слово. СПб., 1876. № 34, 35, 36.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
Гумилев Л.Н. От Руси к России. М., 1992. С. 127—133.
Данилевский В.В. Александр Невский. М., 1946.
Данилевский В.В. Александр Невский и Дмитрий Донской. Иркутск, 1946.
Данилевский И.Н. Русские земли глазами современников и потомков (XII—XIV вв.). М., 2001. С. 183—194.
Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации / Пер. И. И. Соколовой и др. М., 2001. С. 265—269, 336.
Дегтярев А.Я. Заступник отечества. Л., 1990.
Дегтярев А.Я. Место битвы изменить нельзя? // Исторический опыт Русского народа и современность. Мавродинские чтения. Материалы к докладам. Петербургский университет. 10—12 октября 1994 г. СПб., 1994.
Дегтярев А.Я. Невская битва. Л., 1991.
Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 1933. Т. 3.
Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей: X—XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1988—1989. М., 1990.
Дмитриев Л.А. Повесть о Житии Александра Невского // История русской литературы X—XVII вв. М., 1980. С. 173—177. 2-е изд. 1985.
Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. Вып. 1—2. М., 1999. С. 195, 197.
Дризул А.А. Выдающееся событие в истории латышского народа // Большевик Советской Латвии. Рига, 1949. № 6. С. 29—37.
Евгений (Болховитинов), митрополит. История княжества Псковского. Киев, 1831. Ч. 1. С. 84—85.
Егоров В.Л. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. М., 1997. № 2.
Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1983.
Еремин И.П. Житие Александра Невского // Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. Сост., пер. и прим. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева. М., 1957. С. 257—263.
Жизнеописание великого князя Александра и указ о перенесении мощей в Санкт-Петербург // Владимирские губернские ведомости. Владимир, 1869. № 24, 26, 31, 32, 34, 39, 40.
Жизнеописания достопамятных людей земли Русской. М., 1992.
Жизнь святого благоверного великого князя Александра Невского в иночестве Алексия // Христианские чтения. СПб., 1852. Ч. 2. То же отд. изд.: СПб., 1853. 103 с.
Житие святого благоверного великого князя Александра Невского // Жития святых российской церкви, также иверских и славянских. Ноябрь. СПб., 1856.
Житие святого благоверного великого князя Александра Невского. М., 1880.
Житие святого благоверного великого князя Александра Невского с приложением стихов в честь благоверного князя. Издание иеродиакона Серафима. СПб., 1888.
Жития святых. Собрала монахиня Таисия. Изд. Свято-Троицкого монастыря. Джорданвиль, 1984.

За землю Русскую! Древнерусские воинские повести / Перевод, составление М. Е. Устинова. Вступительная статья А. Я. Дегтярева. Челябинск, 1991.

За землю Русскую! Памятники литературы Древней Руси XI—XV веков. Составление, вступ. статья, комментарий и подбор миниатюр Ю. К. Бегунова. М., 1981. С. 198—219 (Житие Александра Невского).

Иванов К.И. Музей Александра Невского в городе Переславль-Залесский. Ярославль, 1951. 40 с., илл.

Иванов П.И. Сведения о неизвестном сочинителе Жития св. Александра Невского, скрытые в анаграмме // Записки имп. Русского Археологического общества. СПб., 1851. Т. 3. С. 146—149.

Иловайский Д.И. История Россия. М., 1880. Т. 2. С. 425—426.

Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (Снычев). Александр Невский // Святая Русь. Энциклопедический словарь русской цивилизации / Сост. О. А. Платонов. М., 2000. С. 20—22.

Историко-философские чтения, посвященные 775-летию со дня рождения Александра Невского. Материалы чтений. Май 1995 г. Иваново, 1995. Содержание: Августин, игумен (Анисимов). Александр Невский и святость. Черкасский В. М. Святой Александр Невский. Краткий очерк.

История военного искусства. Сборник материалов. Вып. I. Военное искусство рабовладельческого и феодального общества. М., 1951. С. 182.

Кавалер. 750-летию Невской битвы посвящается. Июль 1990 г. Изд. газеты «Невский проспект». Л., 1990.

Караев Г.Н. Новые данные о месте Ледового побоища 1242 г. // Военно-исторический журнал. М., 1959. № 3. С. 117—122.

Караев Г.Н. Новые данные, разъясняющие указания летописи о месте Ледового побоища // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 154—158.

Караев Г.Н. Новые данные о месте Ледового побоища (К завершению работ комплексной экспедиции Института археологии АН СССР) // История СССР. М., 1963. № 6. С. 57—75.

Караев Г.Н Потресов А.А. Путем Александра Невского. М., 1970.

Карамзин Н.М. История Государства Российского. Кн. I. Ч. 4. СПб., 1842. Стб. 16—21.

Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967 С. 145—147.

Каргалов В.В. Монголо-татарское нашествие на Русь XIII в. М., 1966.

Каргалов В.В. На границах Руси стоять крепко! Великая Русь и Дикое поле. Противостояние XIII—XVIII вв. М.: Русская панорама, 1998. С. 10—41.

Каргалов В.В. Полководцы X—XVI вв. М., 1989.

Кельсиев В. Александр Невский и Дмитрий Донской // Нива. СПб., 1872. № 3, 11.

Кирпичников А.Н. Александр Невский между Западом и Востоком // Отечественная история. М., 1996. № 11.

Кирпичников А.Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1—3. Л., 1966—1971.

Кирпичников А.Н. Ледовое побоище 1242 г. (новое осмысление) // Вопросы истории. М., 1994. № 5. С. 162—166.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973.

Клепинин Н.А. Святой благоверный великий князь Александр Невский. Париж, YMCA-Пресс, 1927; переизд. Париж, 1936; М., 1993, 1994.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. Переизд. М., 1988. С. 65—71, 238—240, 251, 258, 312.

Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. Под ред. Ю. К. Бегунова и А. Н. Кирпичникова. СПб.: Д. Буланин, 1995. 214 с. (Мэрия Санкт-Петербурга. Российская академия наук. Институт истории материальной культуры). Содержание: Собчак А.А. Александр Невский — покровитель Санкт-Петербурга (С. 3—5). От редакторов — с. 7—11. Лихачев Д.С. Слово об Александре Невском (С. 13—14). Шаскольский И.П. Невская битва 1240 года в свете данных современной науки (С. 15—23). Кирпичников А.Н. Невская битва 1240 года и ее тактические особенности (С. 24—30). Шишов А.В. Полководческое искусство князя Александра Ярославича в Невской битве (С. 31—37). Соколов Ю.Ф. Александр Невский: формирование личности и традиции (С. 38—43). Линд Д.Г. Некоторые соображения о Невской битве и ее значении (С. 44—54). Бегунов Ю.К. Русские источники о Невской битве. Несколько замечаний по поводу доклада Джона Линда (С. 55—58). Матхаузерова С. Александр Невский и его эпоха (С. 58—64). Хеш Э. Восточная политика Немецкого ордена в XIII в. (С. 65—74). Цернак К. Александр Невский и «окно в Европу» (С. 75—80). Белецкий С.В., Сатырева Д.Н. Псков и Орден в первой трети XIII века (С. 81—85). Дубов И.В. Переяславль-Залесский — родина Александра Невского (С. 86—92). Фроянов И.Я. О княжеской власти в Новгороде IX — первой половине XIII века (С. 93—99). Андреев В.Ф. Существовал ли княжеский домен в Новгородской земле XII—XV веков? (С. 100—107). Лебедев Г.С. Северо-запад Новгородской земли: этапы и итоги развития к середине XIII века (По археологическим данным) (С. 108—113). Сакса А.И. Северные прибалтийско-финские племена в эпоху Александра Невского (С. 114—122). Рябинин Е.А. Водская земля Великого Новгорода и Александр Невский. Исторические и археологические реалии (С. 123—127). Янин В.Л. Берестяные грамоты об обороне новгородских рубежей в XIII веке (С. 128—133). Джаксон Т Н. Александр Невский и Хакон старый: обмен посольствами (С. 134—139). Хорошкевич А.Л. «Конные печати» Александра Невского и традиции современной сфрагистики (С. 140—145). Зиборов В.К. О новом экземпляре печати Александра Невского (С. 146—150). Иоаннисян О.М. XIII век в истории древнерусского зодчества. Основные тенденции развития архитектурного процесса (С. 151—156). Бланков Ж. «Слово о полку Игореве», Житие Александра Невского и вышивка королевы Матильды из Байо как отражение жизни феодального общества (С. 157—162). Бегунов Ю.К. Житие Александра Невского в русской литературе XIII—XVIII веков (С. 163—171). Бегунов Ю.К. Иконография святого благоверного великого князя Александра Невского (С. 172—176). Моисеева Г.Н. Образ Александра Невского в творчестве М. В. Ломоносова (С. 177—180). Братчикова Е.К. Александр Невский и искусство палехских иконописцев (С. 181—184). Иоаннисян О.М., Томсинский С.В. Сообщение о выставке «Александр Невский в памятниках русской культуры в Государственном Эрмитаже» (С. 185—186). Бегунов Ю К. Издание без текстолога. [Рецензия]

(С. 187—189). Тексты. Источники и биография. Житие Александра Невского. Первая редакция. 1280-е годы. Перевод и комментарии; Летописный рассказ о сражении на Неве (С. 190—204). Родословие Александра Невского (С. 205). Летопись жизни и деятельности Александра Невского (С. 206—209).

Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. Отв. ред.: Ю. К. Бегунов и А. Н. Кирпичников. СПб., 1995. 111 с. (Администрация Колпинского района Санкт-Петербурга, Колпица). Содержание: Часть первая. Вступительное слово главы администрации Колпинского района В.Д. Копосова (С. 4). Кирпичников А.Н. Князь Александр Невский. История и современность (С. 5—8). Бегунов Ю.К. Александр Невский и русская государственность (С. 8—12). Дубов И.В. Роль исторической и культурной среды в формировании личности Александра Невского (С. 12—19). Кривошеев Ю.В. Русские князья и ордынские ханы (С. 19—21). Майоров А.В. Александр Невский и Даниил Галицкий (К вопросу о взаимоотношениях русских князей с татарами) (С. 21—24). Сазанов С.В. О монашеском имени Александра Невского (С. 25—27). Шишкин А.А., Гуляев Ю.Н. Александр Невский и Голенищевы-Кутузовы (С. 27—30). Сорокин П.Е. Из истории деревянных церквей Усть-Ижоры (С. 31—33). Торопов Г.В. Ижорское предание (С. 33—35). Сушко А.М. Александр Невский в творчестве Евгения Орлова (С. 35—38).

Часть вторая. Александр Невский: личность и деяния. Материалы научно-практической конференции. Ленинград. 6 декабря 1989 г. Мартюгов Г.М. Мемориал Невской битвы в Усть-Ижоре (С. 40). Обращение к соотечественникам в связи с 750-летием Невской битвы (С. 41—42). Бегунов Ю.К. Александр Невский и современность (С. 42—48). Кирпичников А.Н. 750-летие Невской битвы и ее историческое значение (С. 48—55). Лебедев Г.С. Крестовые походы шведов в Финляндию, Ингрию и Карелию — глава предыстории Петербурга (С. 55—61). Шаскольский И.П. Сражение на Неве (к 750-летию) (С. 61—69). Зиборов В.К. Памятники древнерусской письменности — основной источник наших знаний об эпохе Александра Невского (С. 69—73). Гумилев Л.Н. Александр Невский и восточное христианство (С. 73—78). Дегтярев А.Я. Место битвы изменить нельзя? (С. 78—82). Розов А.А. Мемориальный комплекс «Невская битва» (С. 83—85). Бегунов Ю.К., Сапунов Б.В. История мощей и рак святого благоверного великого князя Александра Невского (С. 85—90). Приложения. Сост. Ю.К. Бегунов. Повесть о битве на Неве из Жития Александра Невского Первой редакции. 1280-е годы. Реконструкция текст. Летописный рассказ о сражении на Неве. Из Синодального списка XIV века Новгородской 1-й летописи старшего извода. Древо памяти. А. Майков. В Городце в 1263 году. Хронология жизни и деятельности Александра Невского. Краткая библиография (С. 91—109).

Козаченко А.И. Ледовое побоище. М., 1938. То же // Народ-богатырь. IX—XIII вв. М., 1948. С. 73—98.

Колотилова С.И. Русские источники XIII века об Александре Невском // Исторические науки. Ученые записки Государственного педагогического института им. А. И. Герцена. № 502. Псков, 1971. С. 99—107.

Колуччи М. Первоначальная редакция Жития Александра Невского: заметки по истории текста // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1997. Т. 50. С. 252—260. Рец.: Бегунов Ю.К. Фальсификация профессора Колуччи // Святой Александр Невский. Усть-Ижора, 1999. С. 95—97.

Комарович В.Л. Повесть об Александре Невском // История русской литературы. Т. 2. Ч. I. М.; Л., 1946. Гл. 11.

Косминский Е.А. Ледовое побоище // Вестник Академии наук. М., 1942. № 4. С. 89—95.

Костомаров Н.И. История Новгорода, Пскова и Вятки. СПб., 1868. Т. 1.

Костомаров Н.И. Князь Александр Ярославич Невский // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Вып. I. СПб., 1873. С. 153—170.

Костомаров Н.И. Начало единодержавия в Древней Руси // Вестник Европы. СПб., 1876. № 11—12.

Коцюбинский Д. Историческая плоть святого Александра Невского // Час пик. СПб., 1997. 19.02. № 24 (753). С. 14. Отклики: Яковлев О.А. Александр Невский — национальный герой. С этим трудно спорить // Час пик. СПб., 1997. 26.03. Бернадский С. Историческая плоть Александра Невского // Час пик. СПб., 1997. 2.04. № 47 (776). С. 12.

Краткие жизнеописания русских святых, составленные архимандритом Игнатием. СПб., 1875.

Кривошеев Ю.В. Монголы в Новгороде в 1257—1259 гг. // Петербургские чтения-97. Петербург и Россия. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб., 1997.

Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII—XIV вв. СПб., 1999. С. 140, 159, 162, 166, 170—171, 174—175, 178, 187—189, 192, 196—199, 203, 236—237, 240, 246, 310, 317, 331, 348, 373, 376, 379, 384.

Кривошеев Ю.В. «Тамгы» и «туска»: к событиям 1257—1259 гг. в Новгороде // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции 12—14 ноября 1996 г. Новгород, 1996.

Кротков С. Невская битва и Ледовое побоище. М., 1897.

Кузнецова И.М. Художественная ценность «Жития Александра Невского» // Тезисы докладов X конференции Московского городского педагогического института. Москва, 25—27 мая 1967 г. М., 1967. С. 36—38.

Кузьмин А.Г Александр Невский // Великие государственные деятели России. М., 1996.

Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. М., 1996. № 5. С. 18—33. То же // Александр Невский и история России. Материалы научно-практической конференции 26—28 сентября 1995 года. Новгород, 1996. С. 3—28.

Кучкин В.А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 71—80.

Кучкин В.А. Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII — первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. X — начало XX в. М., 1990. Вып. I. С. 36—39.

Кучкин В.А. О дате рождения Александра Невского // Вопросы истории. М., 1986. № 2. С. 174—176.

Кучкин В.А. Русь под игом татаро-монголов. Как это было? М., 1995.

Кучкин В.А. Трудные годы Александра Невского // Восточная Европа в древности и средневековье. Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти... В. Т. Пашуто. Тезисы докладов. М., 1994.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984.

Ледовое побоище 1242 года. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М.; Л., 1966. 254 с. (АН СССР. Институт археологии).

Лерберг А.Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819. С. 125—126.

Лимонов Ю.А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987.

Липицкий С.В. Ледовое побоище. М., 1964.

Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. V. С. 49—52.

Луковский И.В. Александр Невский. 1220—1263. Л., 1942.

Лурье А.Я. Александр Невский. М., 1939.

Лурье Я.С. Критика источника и вероятность известия // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 123—125.

Лурье Я.С. Россия древняя и Россия новая (избранное). СПб., 1997.

Мавродин В.В. Ледовое побоище. М., 1941.

Мадорский А. Русский хронограф. Вся православная Россия времен от Рюрика до Николая II. М., 1999. С. 103—117.

Макарий (Булгаков), митр. История русской церкви. СПб., 1886. Т. 5. С. 147—150; Т. 7. СПб., 1891. С. 438—439, 442—443.

Максимов В. Святой воин Александр // Советская Россия. М., 2000. 1.06. № 62 (11957). С. 5.

Малинина Г История Новгородской земли в древнерусском певческом искусстве // Музыкальная культура средневековья. М., 1990.

Малышев В.И. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской Старообрядческой общины в г. Риге) // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1947. Т. V. С. 185—193.

Мансикка В.И. Житие Александра Невского. Разбор редакций и текст. Памятники древней письменности и искусства. Т. CLXXX. СПб., 1913. 137 с. Рец.: Бугославский С.П. К вопросу о первоначальном тексте Жития великого князя Александра Невского // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1914. Т. XIX. № 1. С. 261—290.

Мартышин О.В. Вольный Новгород. М., 1992.

Матузова В.И., Пашуто В.Т. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Невскому // Studia historica in honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971. С. 136—138.

Махнач В. Очерки православной традиции. М., 2000. С. 5—8.

Маясова Н.А. Два произведения художественного шитья XVII в. // Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1958. № 2. С. 39—42.

Мельников-Печерский П.И. Исторические заметки. Где скончался св. Александр Невский? // Мельников-Печерский П.И. Собр. соч. 2-е изд. СПб., 1909. Т. VII.

Моисеева Г.Н. Новый список повести об Александре Невском // Русская литература. Л., 1964. № 1. С. 87—97.

Москвитина О.Н. Александр Невский в зеркале новейшей английской историографии // Критика концепций современной буржуазной историографии. Вып. 2. Л., 1987.

Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л., 1940. С. 47—49.

Некрасов В. Святой благоверный великий князь Александр Невский // Журнал Московской патриархии. М., 1963. Август. С. 56—62.

Орлов А.С. Александр Невский в средневековой литературе // Вестник АН СССР. М., 1942. № 4. С. 72—79.

Орлов А.С. Героические темы древней русской литературы // Юбилейная сессия АН СССР. Москва, 15 июня — 3 июля 1945 г. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 710. То же: Отд. изд: М.; Л., 1947. 143 с. (АН СССР. Научно-популярная серия).

Орлов А.С. Древнерусская литература. М.; Л., 1937. 2-е изд. М.; Л., 1945.

Охотникова В.И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.) / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1987. С. 354—363.

Охотникова В.И. Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 115—128.

Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953. С. 845—852.

Павлов А. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах Лаврских. СПб., 1842. С. 13—17.

Паклар Э.К. Где произошло Ледовое побоище? // Исторические записки. М., 1951. № 37. С. 304—316.

Parabellum. Военно-историческое обозрение. СПб., 1998. Июнь-июль. № 4—6. Содержание: № 4. К 756-летию Ледового побоища. Реконструкция доспехов русских и орденских воинов. Реконструкция А. И. Иванова и П. А. Васина. Рисунок и комментарий П. А. Васина. Обложка. С. 188—190. Васин П. А. Перелом в ходе битвы. С. 20—23. № 5. Тяжелая боярская конница. (Старшая дружина.) Русь, 1220—1270. Реконструкция А. И. Иванова и П. А. Васина, художник П. А. Васин. С. 18—19. № 6. Васин П. А. Вспомогательные войска — стрельцы, легкая конница. Русь, 1200—1250. С. 12—15.

Пашков Б.Г. Русь. Россия. Российская империя. Хроника правлений и событий. 862—1917. Изд. 2. М., 1997. С. 97—100.

Пашуто В.Т Александр Невский // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1939. № 36. С. 62—84.

Пашуто В.Т. Александр Невский. Серия «Жизнь замечательных людей». № 10 (542). М., 1974. 2-е изд. 1975. 3-е изд. М.; Екатеринбург, 1995.

Пашуто В.Т. Александр Невский и борьба русского народа за независимость в XIII в. М., 1951.

Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Пашуто В.Т Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956.

Пашуто В.Т. К спорам о достоверности Жития Александра Невского // История СССР. 1974. № 1. С. 208—209.

Пашуто В.Т. О политике папской курии на Руси (XIII в.) // Вопросы истории. 1949. № 5. С. 52—57.

Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959.

Пашуто В.Т. Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1952. С. 845—852.

Пашуто В.Т Очерки истории СССР. XII—XIII вв. Пособие для учителей. М., 1960. С. 155—156.

Пашуто В.Т. Очерки истории Галицко-Волынской Руси. М., 1980.

Пашуто В.Т. Очерки по истории СССР. Период феодализма: IX—XV вв. М., 1953. Ч. I. Гл. 5.

Пашуто В.Т Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1964. С. 102—108.

Перенесение мощей святого благоверного и великого князя Александра Невского из Владимира в Санкт-Петербург // Владимирские епархиальные ведомости. Владимир, 1868. № 17. Часть неофиц. С. 843—856.

Петров А.В. О борьбе «старейших» с «меньшими» и выступлениях «крамольников» в Новгороде второй половины XIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение. Л., 1991. Вып. 1.

Петров П.Н. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703—1782. СПб., 1885.

Петрушевский А. Сказание о святом благоверном великом князе Александре Невском. СПб., 1885.

Пичета В.И. Александр Невский. Ташкент, 1942.

Платонов О.А. Терновый венец России. Святая Русь. Открытие русской цивилизации. М., 2001. С. 27—28, 542.

Поршнев Б.Ф. Ледовое побоище и всемирная история // Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета. М., 1947. Вып. 5.

Подорожный Н.Е. Ледовое побоище. М., 1938.

Порфиридов Н.Г Древний Новгород. М.; Л., 1947. С. 122, 130, 141.

Потемкин А.Н. Великий русский полководец Александр Невский. Стенограмма публичной лекции. М., 1952.

Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII—XVI вв. 1238—1598. Справочник. М., 2000. С. 29—31, 46—47.

Православная энциклопедия / Под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Русская Православная Церковь. М., 2000.

Приселков М.Д. Александро-Невская лавра при Петре Великом (к предстоящему двухсотлетию Петербурга // Странник. СПб., 1903. № 4. С. 569—597. № 5. С. 681—703. № 6. С. 41—861. № 7. С. 16—30.

Пятнов П.В. К вопросу о жанровом своеобразии «Жития Александра Невского» // Вестник Московского государственного университета. Филология. М., 1979. № 1. С. 33—41.

Разин Е. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 гг. Ч. 2. Военное искусство средневекового феодального общества VI—XVIII веков. М., 1940. С. 107—109.

Разин Е.А. История военного искусства. Т. II. Военное искусство феодального периода войны. М., 1957. С. 159—161.

Разин Е.А., Крупенченко И.Е., Синельников П.С. История военного искусства. Т. I. Под ред. Е. А. Разина. Изд. Военной академии бронетанковых войск. М., 1956. С. 58—59.

Рамм Б.Я. Папство и Русь в X—XV вв. М., 1959. С. 111—134.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в первой половине XIII в. М., 1977. С. 170, 184—185.

Ремезов П.С. Сказание о подвигах святого благоверного великого князя Александра Невского. 3-е изд. СПб., 1874.

Рогов А.И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искус-

стве // «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32—58.

Рогов П. Татарский погром и святой благоверный великий князь Александр Невский. СПб., 1890.

Рошко Г Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. Послание папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. Париж, 1988. № 20. С. 92—114.

Рункевич С.Г Александро-Невская лавра. 1733—1913. СПб., 1913.

Рыбаков Б.Д. Военное искусство // Очерки русской культуры XIII—XV вв. Ч. 1. М., 1969.

Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978.

Рыкин П.О. Александр Невский. Новгород и система соправительства на Руси в 1249—1252 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Новгород, 1996.

Савич А.А. Борьба русского народа за свою независимость на северо-западной окраине в середине XIII века (1240—1242 гг.) // Ученые записки Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта. № 4. Серия историческая. Вып. 2. М., 1939. С. 22—26.

Сазонов С.В. Монашеское имя Александра Невского и традиции монашеского имянаречения средневековой Руси // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1994. Вып. 4.

Самойлова Т.Е. Портретные циклы росписи // Исторический вестник. М.; Воронеж, 1999. № 3—4. С. 171—172.

Сахаров А.М. Невская битва // Советская историческая энциклопедия. М., 1967. Т. 10. Стлб. 92—93.

Сахаров А.Н. Александр Невский: Исторический очерк. Для среднего школьного возраста. М., 1998.

Сахаров А.Н. Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен за XV в. // История внешней политики России. Кон. XV—XVII вв. М., 1999.

Святая Русь, или Всенародная история великого Российского государства с указанием о том, как оно основалось, кто прежде были русские народы и откуда они произошли. Составлена по источникам Костомарова, Соловьева, Забелина и редким сочинениям Татищева, князя Щербатова и по древним рукописям. Под редакцией Константина Соловьева. М., 1898. Переизд. М.: Современник, 1994. С. 53—57.

Святой благоверный великий князь Александр Невский. СПб., 1885.

Святой благоверный и великий князь Александр Ярославич Невский. Вязники: изд. Православного братства св. Александра Невского во Владимире, 1888.

Святой благоверный великий князь Александр Невский. Изд. Преснова. М., 1876.

Святой и благоверный великий князь Александр Невский. Сост. Т. А. Соколова. М.: Новатор, 1998 (серия «РОСС»). 392 с., илл. Содержание: Слово о погибели Русской земли (С. 9—10). Повесть о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра. Перевод В. И. Охотниковой (С. 11—18). Сага о Хаконе, сыне Хакона (отрывок). Перевод Т. Н. Джаксон (С. 19—20). Михаил Хитров. Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский (С. 21—213). Николай Карамзин. Солнце Отечества. Из «Истории Государства Российского» (С. 214—247). Аполлон Майков. Победа Александра Невского над шведами (1240 г.) (С. 248—251). Николай Клепинин. Святой и благоверный великий князь Александр Невский (С. 252—364). Георгий Вер-

надский. Два подвига св. Александра Невского (С. 365—380). Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Блажен муж (Святой благоверный князь Александр Невский) (С. 381—387). События из жизни св. Александра (С. 388).

Святой Александр Невский. Сборник статей к 760-летию Невской битвы, исполняющемуся в 2000 году / Составитель А.М. Сушко. Отв. ред. Ю. К. Бегунов. Усть-Ижора, 1999. 99 с. Содержание: Бегунов Ю.К. Святой Александр Невский (С. 3—5). Бегунов Ю.К. Выбор Александра Невского и значение Выбора для судеб русской государственности и цивилизации (С. 6—17). Левинтов А.И. Невская битва (С. 18—24) Титов С. Сражение рыцарских времен (еще раз о ходе Ледового побоища) (С. 25—44). Сапунов Б.В. Рака Александра Невского (С. 45—49). Сушко А.М. Каким мне видится будущее Усть-Ижоры (Музейно-парковая зона) (С. 50—53). Сорокин П.Е. Усть-Ижора. Программа создания музея-заповедника (С. 54—67). Соколов Р.А. Александр Невский, Невская битва, Ледовое побоище: панорама мнений (С. 68—83). Бегунов Ю.К. Хронология жизни и деятельности Александра Невского (С. 84—94). Бегунов Ю.К. Фальсификация профессора Колуччи (С. 95—97). Генеалогия Александра Невского (С. 98).

Святый Александр Невский // Нива. СПб., 1870. № 9.

Селезнев А.А. Путь к Александру Невскому // Культурное наследие Российского государства. Вып. 3. СПб., 2002. С. 284—289.

Серегина Н.С. Заключительный концерт Года Александра Невского. Аннотация к концерту 6 декабря 1990 г. Большой зал Ленинградской филармонии. Л., 1990.

Серегина Н.С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI—XIX вв. Стихирарь месячный. СПб., 1994. С. 179—188, 278—279, 376—383.

Серегина Н.С. Стихиры Александру Невскому // Musica antigua. Bydgoszcz, 1985. T. 7. S. 695—706.

Сказание о подвигах и жизни святого Александра Невского. Замечания архимандрита Леонида и текст Жития. Памятники древней письменности и искусства. Т. XXXVI. СПб., 1867.

Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862. Переизд. М., 1990. С. 9—12.

Соколов Ю.Ф За землю Русскую! (К 770-летию со дня рождения Александра Невского). М., 1990.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПБ., 1853. Т. 3. С. 186.

Соловьев С.М. Об отношении Новгорода к великим князьям. М., 1846.

Соловьев С.М. Псков и Ливония // Московский сборник. М., 1982.

Сорокин П.Е. Страницы истории Ижорской земли. Усть-Ижора, 1993.

Стасов В.В. Шитая пелена с изображением св. Александра Невского 1613 г. // Известия имп. Археологического общества. СПб., 1864. № 4. С. 74—76.

Столп — воитель Земли и Церкви Русской, святой благоверный великий князь Александр Невский. Житие, подвиги и чудеса благоверного князя и его багрянородных сподвижников: Василия, Константина, Феодора, Давида и Константина чудотворцев Ярославских. М., 1901. Переиздание: Мытищи, б. г.

Страницы боевого прошлого: Очерки военной истории России. М., 1968.

Строков А.А. Военное искусство Александра Невского // О начальных этапах развития русского военного искусства. М., 1951. С. 92—100.

Строков А.А. История военного искусства. М. 1955. Т. I. С. 254—267.

Строков А.А. Общий курс военного искусства. М., 1951.

Строков А.А. Разгром немецких «псов-рыцарей» на льду Чудского озера в 1242 году // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1938. Вып. 3—4. С. 3—23.

Сутт Н.И. Александр Невский. Ярославль, 1940.

Сушко А. Усть-Ижора. СПб., 2001.

Татаро-монголы в Азии и Европе. Под ред. С. Г Тихвинского. М., 1970.

Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1994. Т. 5.

Тельпуховский Б.С. Ледовое побоище // Военный вестник. М., 1946. № 5—6. С. 43—46.

Тельпуховский Б.С. Невская битва // Военный вестник. М., 1946. № 13.

Терехов В.П. Александр Невский. М., 1990. 15 с.

Тихомиров М.Н. Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII—XV вв. М., 1942. С. 30—34.

Тихомиров М.Н. Борьба русского народа с немецкой агрессией (XII—XIII вв.) // Знамя. М., 1939. № 3. С. 220—229.

Тихомиров М.Н. О месте Ледового побоища // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1950. Т. VII. № 1. С. 88—91.

Тихомиров М.Н. Сражение на Неве // Военно-исторический журнал. М., 1940. № 7. С. 96—102.

Толстой М.В. История русской церкви. Рассказы из истории русской церкви. СПб., 1887. То же: изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М., 1991. Кн. 1, гл. 7; Кн. 2, гл. 1.

Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи. XIII в. М., 1993. С. 79—81.

Трубников Г Что нам стоит храм построить. Хроника. СПб., 2001.

Трусман Ю.И. О месте Ледового побоища в 1242 г. // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1884. № 1. С. 44—46.

Туманский Ф. Созерцание славныя жизни святаго благовернаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго. Посвящаю Его Императорскому Высочеству Великому Князю Александру Павловичу. СПб., 1789.

Устрялов Н.Г Русская история. Ч. 1. СПб., 1837.

Федотов Г.П. Александр Невский и Карл Маркс // Новая Россия. Париж, 1937. 21.02. № 22. С. 9—10.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси (X—XVII ст.). 4-е изд. Париж: YMCA-Пресс, 1989. С. 30—31, 83—85, 88, 93. См. также изд. 1931 и 1959, 1990 гг.

Феннелл Д. Кризис средневековой Руси. 1200—1304. Перевод с английского. Вступительная статья и общая редакция А. Л. Хорошкевич и А. И. Плигузова. М., 1989.

Филарет (Гумилевский), архиеп. История Русской Церкви в пяти периодах. М., 1988. Т. 1. Переизд.: М., 2001.

Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею Россиею или местно. Ноябрь. СПб., 1852.

Флоров В., Яковлев О. Александр Невский — защитник Русской земли. Л., 1991.

Хилков А.Я., князь. Ядро российской истории. СПб., 1768 (автор: А. И. Манкиев, написавший это сочинение в 1715 г. в Швеции).

Хитров М.И. Святый благоверный великий князь Александр Ярославич Невский. Подробное жизнеописание с рисунками, планами и картами. М., 1893. Переизд.: М., 1991. То же под названием: Хитров М.И. Великий князь Александр Невский. СПб., 1992

Хмырев М.Д. Александр Ярославич Невский. СПб., 1871.

Холодный Г.М. Жизнь и деятельность великого князя Александра Ярославича Невского в связи с событиями на Руси в XIII столетии. Тамбов, 1883.

Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (XI—XVI вв.). М., 1986.

Хрущов И.П. Святой благоверный великий князь Александр Невский. СПб., 1903.

Чукаева В.А. Русские княжества и Золотая Орда. 1243—1350. Днепропетровск, 1998.

Чулууны Далай. Монголия в XIII—XIV веках. М., 1983.

Шаскольский И.П. Борьба Александра Невского против крестоносной агрессии конца 40-х—50-х годов // Исторические записки. М., 1953. № 43. С. 182—200.

Шаскольский И.П. Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // Военно-исторический журнал. М., 1940. № 7. С. 90—95.

Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978.

Шаскольский И.П. Борьба Русского народа за Невские берега. М., 1940.

Шаскольский И.П. Борьба шведских крестоносцев против Финляндии (XII—XIV вв.) // Исторический журнал. М., 1940. № 4—5.

Шаскольский И.П. Емь и Новгород в XI—XIII вв. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук. Вып. 10. Л., 1941. С. 93—115.

Шаскольский И.П. Невская битва (к 750-летию) // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Москва, 18—20 апреля 1990 г. М., 1990.

Шаскольский И.П. Новые материалы о шведском походе 1240 года на Русь // Известия АН СССР. Серия истории и философии. М., 1951. № 3. С. 267—276.

Шаскольский И.П. Папская курия — организатор агрессии в 1240—1242 гг. // Исторические записки. М., 1951. Т. 37. С. 169—188.

Шатаев В.Г. Жизнь и подвиги святого благоверного и великого князя Александра Невского. СПб., 1866.

Широпаев А. Тюрьма народа. Русский взгляд на Россию. М., 2001. С. 11—13.

Шишов А.В. Александр Невский. Ростов-на-Дону, 1999.

Шишов А.В. Русские князья. Ростов-на-Дону, 1999. С. 217—272.

Шляпкин И.А. Иконография святого и благоверного великого князя Александра Невского. СПб., 1915.

Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. 1. Переизд.: М., 1998.

Энгельман А. Хронологические исследования в области русской и ливонской истории в XIII и XIV столетиях. СПб., 1858.

Яковлев А.И. Разгром немецких псов-рыцарей в XIII в. Александр Невский. Из цикла лекций по истории СССР. М., 1944.

Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова. М., 1982.

Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981.

Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962.

Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения Средневекового Новгорода. М., 1977.

Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. М., 1970. № 1.

Янин В.Л. Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // Новгородский исторический сборник. Л., 1982. Вып. I (II).

Янин В.Л. Церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце (о новгородском источнике «Жития Александра Невского») // Культура средневековой Руси. К 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 92—93.

Ярошевский Э. Александр Невский. Новосибирск, 1942.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александр Невский. Сборник... Н. Чмырев. Александр Невский. В. Клепиков. Александр Невский. Исторические романы. М.: Новая школа, 1996.

Белов В.И. Александр Невский. Пьеса // Советская драматургия. М., 1988. № 1. С. 112—152.

Григорьев З. О фильме «Александр Невский». М., 1938. 32 с., илл.

Макарихин В.П. Витязь Северной Руси. Повесть об Александре Невском. М., 1993.

Мосияш С.П. Александр Невский. Трилогия. Л.: Детлит, 1982. 272 с. Переизд.: Кишинев: Литература Артистикэ, 1888. 416 с., илл. М., 1993, 1994.

Наумов Н. Александр Невский. 1220—1263. Киносценарий. М., 1993.

Непьев И.В. [Кантата] «Александр Невский» Прокофьева. М. 1968. 50 с.

Павленко П.А., Эйзенштейн С.М. Александр Невский. Киносценарий. М.: Госкиноиздат, 1938. То же // Знамя. М., 1937. № 12. То же: Павленко П.А. Александр Невский. Киноповесть // Павленко П.А. Собр. соч. в шести томах. М., 1954. Т. 4. С. 225; Эйзенштейн С.М. Избранные статьи. М., 1955. *Отклики*: Тихомиров М.Н. Издевка над историей (О сценарии «Русь») // Историк-марксист. М., 1938. № 2. Литературная газета. М., 1938. 26.04. № 23 (730) (ответ П. Евстафьева).

Саянов В. Житие Александра Невского // Героическая поэзия Древней Руси. Л., 1944. С. 81—92.

Субботин А.А. За землю Русскую! Роман об Александре Невском. М., 1957; 1963; 1988.

Тихомиров О.Н. На страже Руси. Слово о походах Александра Невского. М., 1982. С. 4—33.

Торопов Г.В. Битва Александра Невского со шведами 15 июля

1240 года. Поэма // Колпинский интерес. Колпино, 1994. 9—16.09. № 37 (80). С. 5.

Хохленко Ю. Сказание о предках Пушкина. М., 2000.

Югов А.К. Ратоборцы. Даниил Галицкий. Александр Невский // Собр. соч. А. К. Югова. М., 1985. Т. 3. Роман издавался в 1949, 1956, 1962, 1972, 1978, 1983, 1986 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ БИБЛИОГРАФИЙ

Александр Невский: указатель литературы. (К 750-летию Невской битвы.) Составила Е. Г. Виноградова. Л., 1990.

Краткая библиография. Составил Ю. К. Бегунов // Князь Александр Невский. Материалы научно-практических конференций 1989 и 1994 гг. СПб., 1995. С. 106—108.

Ратоборцы. Александр Невский и Даниил Галицкий. Рекомендательный указатель. Составил М. М. Знаменский. М., 1991.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства 5
Выбор Александра Невского 9
Переяславль-Залесский. Детство 17
Княжеский постриг 23
Господин Великий Новгород и юные наместники 32
Меченосцы. Боевое крещение на Амовже 44
На Новгородском столе 48
«Бысть пополох зол от языка немилостиваго...» 51
Крестоносцы. Сражение на Неве 67
Снова крестоносцы. Ледовое побоище 74
Служение великого князя Ярослава 82
Рати литовские 102
В Новгороде, Владимире и в глухом царстве татарском 107
В дружбе с Норвегией 119
Неврюево нашествие. Опять «в татарех» 121
На великом столе Владимирском 126
Александров ответ папе римскому 131
Во Пскове 133
Восстание новгородцев 135
Походы на Нарову и Емь 137
Снова в Орде. Татарское число и непокорный сын 139
Возвращение во Владимир 143
Народные восстания 146
На Юрьев Ливонский 150
«О, злее зла честь татарская!» 151
Кто умирает? Смерть в Городце 154
Погребение и чудо с духовной грамотой 159
Александр Невский и Даниил Галицкий 161
Наследники Александровы: от сыновей до правнуков 166
Жизнь после смерти 175

ПРИЛОЖЕНИЯ

Житие святого Александра Невского (Первая редакция) 192
Житие святого князя Александра Невского (Вторая редакция) . . . 200
Исповедание веры святого и благоверного великого князя Александра Невского (из Жития святого Александра Невского в редакции Ионы Думина 1591 года) 210
Служба святому Александру Невскому (Вторая редакция) 213
Известие «Ростовского летописца» А. Я. Артынова о поездке святого Александра Невского в Ростов Великий. 1883 год 229
Родословие Александра Невского 231

Перечень великих князей Киевских первой половины XIII века . . 232
Перечень великих князей Владимирских XIII века 232
Перечень митрополитов Киевских XIII века 232
Перечень римских пап во времена великих князей Ярослава Всеволодовича и Александра Невского 232
Монголо-татарские ханы (до конца XIII века) 233
Родословная дома Чингисхана 234
Родословная дома Джучи 235

Хронология жизни и деятельности святого Александра Невского . . 236
Библиография 242

Бегунов Ю. К.

Б 37 Александр Невский: Жизнь и деяния святого и благоверного великого князя. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 262[10] с.: ил. — (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 841).

ISBN 5-235-02549-0

Книга посвящена великому князю Александру Ярославичу Невскому (1220—1263), одному из крупнейших политических деятелей средневековой Руси и почитаемому русскому святому. Привлекая новые, ранее не известные источники, автор воссоздает широкую картину жизни Руси в эпоху княжения Александра Невского. Значительное внимание уделено также истории почитания святого и благоверного князя в России XIII—XX веков, а также литературной истории Жития Александра Невского.

УДК [947+957]«13»(092)
ББК 63.3(2)43

Бегунов Юрий Константинович

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ: ЖИЗНЬ И ДЕЯНИЯ СВЯТОГО И БЛАГОВЕРНОГО ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **А. Ю. Карпов**

Художественные редакторы **Р. А. Косыгин, К. Г. Фадин**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 31.05.2002. Подписано в печать 29.01.2003. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 14,28+1,68 вкл. Тираж 7000 экз. Заказ 22867.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства «Молодая гвардия»: 103030 Москва, Сущевская ул., 21.
Internet: http://mg.gvardiya.ru. E-mail:dsel@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии «Молодая гвардия»: 103030 Москва, Сущевская ул., 21.

ISBN 5-235-02549-0

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. И. Новиков

ВЫСОЦКИЙ

Книга Вл. Новикова — мастерски написанный, неприукрашенный рассказ о жизни и творчестве Владимира Высоцкого, нашего современника, человека, чей голос в 70—80-е годы вошел буквально в каждый дом. Из этой биографии читатель узнает новые подробности о жизни этой мятущейся души, ее взлетах и падениях, страстях и недугах. Автор не ограничивается чисто биографическими рамками повествования, вдумчиво анализируя творчество Высоцкого-поэта и стремясь определить его место в культурно-историческом контексте эпохи.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:
127994, Москва, Сущевская ул., 21
Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81
При издательстве работает
книжный магазин:
972-05-41, 787-64-77
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
http://mg.gvardiya.ru ♦ dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

П. Грималь

СЕНЕКА,
или Совесть Империи

(перевод с французского)

Жизнь и творчество древнеримского философа Луция Аннея Сенеки стали неотъемлемой частью культуры современной цивилизации. Философ-моралист, последователь учения Древней Стои, этот человек, всю жизнь стремившийся к нравственному совершенству, воплощал собой самые острые противоречия своего времени. Книга написана крупнейшим французским античником Пьером Грималем, перу которого принадлежит несколько десятков трудов по истории Рима.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:
127994, Москва, Сущевская ул., 21
Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81
При издательстве работает книжный магазин:
972-05-41, 787-64-77
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
http://mg.gvardiya.ru ♦ dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

И. С. Андреева, А. В. Гулыга

ШОПЕНГАУЭР

Это первая в нашей стране подробная биография немецкого философа Артура Шопенгауэра, современника и соперника Гегеля, собеседника Гёте, свидетеля Наполеоновских войн и революций. Судьба его учения складывалась не просто. Его не признавали при жизни, а в нашей стране, в советское время его имя упоминалось лишь в негативном смысле, сопровождаемое упреками в субъективизме, пессимизме, иррационализме, волюнтаризме, реакционности, враждебности к революционным преобразованиям мира и прочих смертных грехах. Этот одинокий угрюмый человек, считавший оптимизм «гнусным воззрением», неотступно думавший о человеческом счастье и изучавший восточную философию, создал собственное учение, в котором человек и природа едины, и обогатил человечество рядом замечательных догадок, далеко опередивших его время. Биография Шопенгауэра — последняя работа, которую начал писать для «ЖЗЛ» Арсений Владимирович Гулыга, автор всемирно признанных биографий Канта, Гегеля, Шеллинга (серия «ЖЗЛ»), и которую завершила его супруга и соавтор Искра Степановна Андреева.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения ждем по адресу:
127994, Москва, Сущевская ул., 21
Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81
При издательстве работает книжный магазин:
972-05-41, 787-64-77
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
http://mg.gvardiya.ru ♦ dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

Цимбаева Е. Н.

ГРИБОЕДОВ

Это первая в России научно-художественная биография гениального автора «Горя от ума» Александра Сергеевича Грибоедова, блестящего музыканта, дипломата, записного острослова и любимца женщин. Книга, написанная на основе архивных документов, представляет собой достоверное описание жизни героя на фоне быта и нравов его эпохи, а также общественно-политической обстановки в России и на международной арене в первой трети XIX века.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:
127994, Москва, Сущевская ул., 21
Телефоны: 787-63-85; 978-89-82. Факс: 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
787-63-75; 787-63-97; 787-64-78; 787-63-81
При издательстве работает
книжный магазин:
972-05-41, 787-64-77
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
http://mg.gvardiya.ru ♦ dsel@gvardiya.ru

ISBN 5-235-02549-0
9 785235 025493

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ